СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД КРЕЙЦВАЛЬД

G. Reindorff 1948

XIV
1 А-1650
11

СТАРИННЫЕ ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

СОБРАЛ И ОБРАБОТАЛ
ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД
КРЕЙЦВАЛЬД

ИЛЛЮСТРАЦИИ Г. РЕЙНДОРФА

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1953

EESTI RAHVA
ENNEMUISTSED JUTUD

Rahva suust korjanud
ja üles kirjutanud
F. R. Kreutzwald

Перевод с эстонского

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
F 2982

ARHIIVKOGU

ЗЛАТОПРЯХИ

Я хочу рассказать вам чудесную повесть о тех давних временах, когда на земле еще понимали язык четвероногих и пернатых и прислушивались к их мудрому слову.

Жила однажды в темном дремучем лесу, в одинокой избушке, хромая старуха с тремя красавицами-дочерьми. Дочки подле старухи цвели, точно прекрасные цветы вокруг сухого пня; особенно пригожей и кроткой была младшая сестра. Но в лесной глуши некому было любоваться красотой девушек — на них глядели только солнце, месяц да звезды.

Старуха не позволяла дочерям сидеть без дела, заставляла их работать с утра до вечера. Девушки весь день проводили за прялкой. Они пряли нить из золотого льна. Ни в будний день, ни в субботу вечером не было у бедняжек времени, чтобы пополнить свое приданое. Если в часы сумерек или ночью, при свете луны, им не удавалось тайком взяться за спицы, то к приданому ничего и не прибавлялось. Спряденную кудель старуха тотчас заменяла новой и требовала, чтобы нитка, которую пряли девушки, была одинаково ровной, в меру крученой и тонкой. Готовую пряжу она держала под замком, в тайнике, куда девушки не смели и ногой ступить.

Откуда появлялся в доме золотой лен и на какую ткань шла спряденная нитка, пряхи не знали; старуха никогда им об этом не рассказывала. Каждое лето она два или три раза куда-то ухо-

дила и отсутствовала иногда больше недели. Перед уходом она оставляла дочерям пряжи на столько дней, сколько рассчитывала пробыть в отлучке. Домой старуха возвращалась ночью, и сестры никогда не видели, что она приносила с собой.

Однажды старуха опять стала собираться в путь. Распределив работу на шесть дней, она по обыкновению начала поучать девушек:

— Дочки, работайте усердно, не зевайте по сторонам, смотрите, чтоб нитка на веретене не оборвалась, не то золотая пряжа потускнеет, и тогда конец вашей счастливой жизни!

Но девушки только посмеялись ее словам, и не успела старуха отойти от дому и на десять шагов, как они наперебой стали насмехаться над ней.

— Всякий раз мы слышим эти глупые поучения. К чему они? — сказала младшая. — Золотую нитку дергай — и то она не порвется, а уж когда прядешь — тем более.

— Да и золото потускнеть не может, — добавила вторая сестра.

Так смеялись девушки не раз, пока не пришло им время поплакать.

На третий день после ухода старухи произошло неожиданное событие, которое принесло сестрам сперва испуг и слезы, а в конце концов — счастье и благополучие.

Королевич из рода Калева, охотясь с друзьями на диких зверей, заблудился в густом лесу. Он заехал так далеко, что не слышал ни лая собак, ни звуков охотничьего рога, которые помогли бы ему выбраться из чащи. Голоса звавших его людей ловили лесные духи, и звуки тонули в густых зарослях, не долетая до королевича. Выбившись из сил, юноша слез с коня и прилег отдохнуть в тени кустов, а лошадь пустил пастись на траве.

Когда королевич проснулся, солнце уже склонялось к закату. Он стал искать дорогу и наконец набрел на маленькую тропинку, ведущую к избушке хромой старухи.

Девушки сперва испугались юноши, так как им никогда не приходилось видеть чужих людей. Но, закончив к вечеру работу, положенную им на день, сестры так разговорились с пришельцем, что забыли и об отдыхе. Когда, наконец, старшие сестры

отправились спать, младшая осталась с юношей. Они сидели на пороге избушки, и в эту ночь их ко сну и не клонило.

Пока они при свете луны и звезд нашептывают друг другу сладкие речи, посмотрим, что делают охотники, потерявшие в лесу своего старшего товарища. Люди без устали искали юношу, вдоль и поперек обшаривая лес, пока совсем не стемнело. Отчаявшись, они отправили к королю двух гонцов с грустной вестью, а сами улеглись на ночлег под ветвистой елью, намереваясь на другое утро вновь начать поиски.

Король тотчас же приказал еще до рассвета выслать отряд конных и пеших воинов на розыски пропавшего сына. Но лес был так велик, что людям лишь на третий день к полудню удалось напасть на след, который вел к избушке.

Королевич весело проводил время в кругу сестер и не скучал по дому. Перед отъездом юноша тайно поклялся младшей сестре, что скоро вернется и либо добром, либо силой увезет ее с собой. Но, хотя старшие сестры ничего не знали об этом сговоре, тайна вскоре неожиданно открылась.

Не на шутку испугалась младшая дочь, когда, сев после отъезда королевича за прялку, заметила, что золотая нитка на веретене порвана. Девушка проворно связала концы нитки узлом и быстро завертела колесо прялки, чтобы наверстать время, которое потеряла, милуясь со своим суженым. Но вдруг у девушки сжалось сердце: она заметила, что золотая нитка утратила свой блеск. Не помогали ни вздохи, ни слезы — дело не шло на лад.

Пришла беда — отворяй ворота, — говорит старая пословица. Так случилось и теперь. Ночью старуха вернулась домой. Войдя утром в горницу, она мигом почуяла, что здесь что-то неладно. Горячая злоба закипела в ее сердце. Она стала подзывать к себе дочерей одну за другой и требовать от них ответа. Как девушки ни таились, как ни оправдывались — ничто не помогло: у лжи ноги короткие. Хитрая старуха сразу же поняла, какие песни залетный петушок напевал ее младшей дочери. Она разразилась страшными проклятиями, осыпая ими небо и землю. В конце концов она пригрозила свернуть юноше голову и бросить его на съедение диким зверям, если он вздумает вернуться

Младшая дочь покраснела, как вареный рак. Весь день она не находила себе покоя, а ночью не сомкнула глаз. Особенно мучила ее мысль о том, что королевичу, если он вернется, не миновать смерти. Рано утром, когда старуха и сестры еще сладко спали, девушка потихоньку вышла из избы во двор, надеясь, что утренняя прохлада развеет ее тяжкие думы.

К счастью, она еще в детстве научилась от старухи понимать язык птиц, и теперь это сослужило ей большую службу. На верхушке ели сидел ворон и приглаживал клювом перья. Увидев его, девушка воскликнула:

— Милая птица, мудрейшая из крылатых! Можешь ли ты помочь мне?

— В чем тебе нужно помочь? — спросил ворон.

— Лети над лесами и равнинами, все дальше, пока не увидишь прекрасный город, где живет король, — ответила девушка. — Разыщи там королевича и поведай ему, какая беда со мною приключилась.

И она рассказала ворону о том, как порвалась у нее золотая нитка и какие страшные угрозы сыпались из уст старухи. Девушка просила передать королевичу, чтобы он больше не возвращался. Ворон пообещал выполнить ее просьбу, если найдется в городе человек, знающий язык птиц, и тотчас же отправился в путь.

Старуха теперь не позволяла младшей дочери садиться за прялку, а заставляла ее наматывать пряжу. Для девушки эта работа, пожалуй, была бы легче, но старуха не давала бедняжке ни минуты покоя, с утра до ночи осыпая ее проклятиями и бранью. Если девушка пыталась оправдываться, старуха бесновалась еще пуще. Злая баба уж если начнет браниться — ее никакой силой не остановишь.

Под вечер с верхушки ели послышалось карканье ворона: «Кронкс, кронкс!», и измученная девушка побежала во двор послушать, какие вести принесла ей птица. Ворону посчастливилось встретить в королевском саду сына некоего мудреца, повелевавшего ветрами. Юноша этот хорошо понимал язык пернатых. Ворон передал ему слова девушки и попросил рассказать обо всем королевичу. Узнав о случившемся, королевский сын сильно

опечалился и стал втайне советоваться со своими друзьями, как им спасти девушку.

— Скажи ворону, — наказывал королевич сыну мудреца, — чтобы он поскорее летел к девушке и передал ей мои слова: «На девятую ночь будь наготове и жди избавителя — он придет и вырвет голубку из когтей ястреба».

Ворону, чтобы вознаградить его за хлопоты и подкрепить его силы, дали кусок мяса и отправили посланца в обратный путь.

Девушка поблагодарила мудрую птицу за добрые вести и все услышанное сохранила в тайне, так что ни сестры, ни старуха ни о чем не догадались. Но по мере того, как приближался девятый день, на сердце у девушки становилось все тяжелее: она боялась, как бы какая-нибудь нежданная беда не испортила все дело.

На девятую ночь, когда старуха и сестры пошли спать, девушка на цыпочках вышла из избы, села под деревом на траву и стала поджидать суженого. Сердце ее было полно и страха, и надежды. Уж и вторые петухи пропели, а в лесу не слышно было ни голосов, ни шагов. Между вторым и третьим пением петухов до нее донесся отдаленный топот конских копыт. Чтобы топот и голоса приближающихся людей не разбудили сестер и старуху, девушка побежала в ту сторону, откуда слышался шум, и вскоре увидела отряд воинов. Впереди ехал королевич. Уезжая из леса в прошлый раз, он сделал на стволах деревьев отметки, которые теперь помогли ему найти дорогу. Увидев девушку, юноша соскочил с коня, помог ей сесть в седло, потом сел сам, и они помчались. Месяц, выглядывая из-за деревьев, освещал им путь.

Едва занялась заря, в лесу проснулись птицы и голоса их зазвучали повсюду. Если бы девушка прислушалась к ним и последовала бы советам пернатых, это избавило бы ее от многих бед. Но королевич нашептывал ей на ухо сладкие речи, и девушка не слышала и не видела никого, кроме своего суженого. А юноша просил ее отбросить всякий страх и смело положиться на защиту воинов. Когда отряд достиг равнины, солнце стояло уже высоко.

Старуха, встав поутру, к счастью, не сразу хватилась дочери. Лишь немного погодя, увидев, что за мотовилом никого нет, она спросила у девушек, где младшая сестра. Но и те не знали. По некоторым приметам старуха поняла, что дочь убежала, и задумала наказать беглянку, послав за ней погоню. Старуха принесла с чердака горсть волшебных трав, собранных с девяти болот и перемешанных, прибавила к ним колдовской соли, завязала их в тряпочку и обмотала шерстяной ниткой, бормоча при этом заклинания. Потом старуха послала волшебный клубок с попутным ветром вдогонку дочери, приговаривая:

Духи ветра, помогите,
Вьюги, крыльями взмахните,
Вихри буйные, подуйте,
Мой клубочек подгоните,
Не бросайте, не роняйте,
Утонуть ему не дайте!

В полдень королевич со своим отрядом достиг берега реки. Через нее был переброшен мостик, такой узенький, что проехать по нему можно было только поодиночке. Когда королевич достиг середины моста, посланец ветра — волшебный клубочек на лету слегка коснулся коня. Испуганный конь с храпом взвился на дыбы, и не успели люди броситься на помощь, как девушка соскользнула с седла в реку. Королевич хотел было прыгнуть вслед за ней, но воины удержали его: река здесь была такой глубокой, что ни один смертный не мог бы помочь беде.

От ужаса и горя королевич чуть не лишился рассудка. Воины силой отвезли его в замок. Там он заперся на несколько недель в уединенной комнате, оплакивая свое горе, и в первые дни не принимал ни пищи, ни питья. Огорченный король велел созвать всех мудрецов своей страны, но никто из них не мог объяснить, чем болен королевич, и не знал, как его вылечить. Наконец сын волшебника, служивший у короля садовником, дал ему такой совет:

— Пошлите гонцов в страну финнов, к старому мудрецу. Он сумеет помочь вашему горю лучше, чем здешние мудрецы.

Король поспешил послать гонцов к финскому мудрецу. Спустя неделю старик прилетел в королевство на крыльях ветра.

— Добрый король! — сказал мудрец. — Эту беду королевичу принес ветер. Злой волшебный клубок отнял у юноши всю радость сердца, поэтому он и грустит. Тут не помогут ни уговоры, ни лекарства — только время залечит рану. Пусть он почаще бывает на ветру, чтобы ветер развеял его тоску.

И действительно, королевич стал выздоравливать, принимать пищу и спать. Наконец, он рассказал родителям о своей потере. Старый король желал бы, чтобы сын нашел себе новую невесту и поскорее привел в дом молодую жену, но королевич и слышать об этом не хотел.

Около года провел юноша в скорби и печали. Однажды, катаясь верхом, он случайно выехал к реке, где погибла его любимая. Вспоминая об этом, королевский сын горько заплакал. Вдруг ему послышался нежный, красивый голос, хотя никого поблизости не было. Голосок пел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны маленькую,
Скрыли воды бедненькую,
Обнял Ахти[1] миленькую.

Соскочив с коня, королевич осмотрелся вокруг, заглянул под мост, не спрятался ли там кто-нибудь. Но насколько хватал глаз — нигде таинственного певца не было видно. На поверхности воды, меж широких листьев, тихо покачивался цветок кувшинки. Это было единственное, что бросилось в глаза юноше. Но цветок не мог петь, тут несомненно крылось какое-то волшебство. Королевич привязал коня к пню у берега, уселся на мосту и стал ждать, не послышится ли голос снова. Некоторое время кругом было тихо, потом невидимый певец снова запел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны маленькую,
Скрыли воды бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.

Случается иногда, что ветер рождает у человека хорошую мысль. Так было и с королевичем. «Если я сейчас поеду в лес-

[1] Ахти — водяной дух. (Прим. перев.)

— Спасти ее было бы легко, — сказал дрозд, — если бы обо всем этом узнал старый финский мудрец. Он без труда освободил бы пленницу из водной темницы.

Этот разговор заставил юношу задуматься. Едучи дальше, он размышлял о том, кого бы послать гонцом в страну финнов.

Вдруг он услышал, как одна ласточка прощебетала другой:

— Полетим в страну финнов, там совьем себе гнездо.

— Постойте, друзья! — закричал королевич на языке птиц. — Передайте от меня привет старому финскому мудрецу и спросите у него совета — как вернуть человеческий облик девушке, превращенной в кувшинку!

Ласточки пообещали выполнить его просьбу и отправились в путь.

Добравшись до берега реки, юноша пустил коня пастись, а сам остался на мосту, прислушиваясь, не зазвучит ли снова песня. Но ничего не было слышно, только волны шумели да ветер свистел над рекой. Опечаленный, сел королевич на коня и поехал домой. О том, что случилось с ним во время поездки, он никому не сказал ни слова.

Прошло несколько дней. Однажды королевич, сидя в саду, размышлял о том, что ласточки, улетевшие в страну финнов, наверное, и забыли о его просьбе. Вдруг юноша увидел большого орла, кружившего высоко в воздухе над его головой. Орел опускался все ниже и ниже и, наконец, уселся на ветку липы, поблизости от королевича.

— Старый финский мудрец шлет тебе привет, — сказал орел, — и просит не сердиться, что он задержался с ответом: никак не найти было путников, которые направлялись бы в эту сторону. Чтобы спасти девушку из плена и вернуть ей облик человека, ты должен сделать вот что: пойди к реке, сбрось с себя одежду и покрой все тело грязью так, чтобы нигде не оставалось ни единого белого пятнышка. Потом зажми нос двумя пальцами и крикни: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» И в тот же миг ты превратишься в рака. Смело ныряй на дно реки, не бойся утонуть. Заберись под корни кувшинки, высвободи их из песка и ила, потом зацепись клешней за кончик корня, и вода сама поднимет тебя вместе с цветком на поверхность. Плывите

вниз по течению, пока на левом берегу не покажется раскидистая рябина. Поодаль от нее будет стоять камень вышиной с маленькую избушку. Поравнявшись с ним, ты должен крикнуть: «Пусть кувшинка станет девушкой, рак превратится в юношу!» И твое желание тотчас же сбудется.

Сказав это, орел поднялся в воздух и полетел своей дорогой. Юноша долго смотрел ему вслед, не зная, что и думать.

Больше недели размышлял королевич: у него не хватало решимости поступить так, как велел мудрец. Но однажды юноша услышал голос ворона, говоривший ему:

— Что же ты медлишь? Финский мудрец никогда не дает ложных советов, да и язык птицы никогда еще никого не обманывал. Скорей иди к реке и спаси девушку из плена.

Слова ворона придали юноше смелости. «Пусть я погибну, — думал он, — но лучше смерть, чем вечная печаль». Сев на коня, он поскакал знакомой дорогой к берегу реки. Приблизившись к мосту, королевич снова услышал песню:

По заклятью злой старухи
В полусне я здесь качаюсь.
У речной волны в объятьях
Цвет весенний увядает,
В глубине холодной, темной
Скрыта молодость моя.

Королевич стреножил коня, чтобы тот не мог уйти, потом сбросил с себя одежду, вымазал тело грязью, не оставив нигде ни одного белого пятнышка, зажал себе нос и, воскликнув: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» — бросился в реку. Вода с шумом взметнулась кверху, и снова все стихло.

Юноша, превратившийся в рака, стал освобождать от песка и ила корни цветка, глубоко ушедшие в речное дно. Эта работа отняла у него много времени. Корни крепко вросли в землю, и раку пришлось трудиться целых семь дней, пока он, наконец, не справился с делом. Распутав корни, он зацепился клешнями за один из них, и вода подняла рака вместе с цветком на поверхность. Волны несли их все дальше и дальше. На берегах попадалось много кустов и деревьев, но рябины и большого камня все еще не было видно.

Наконец, на левом берегу показалась ветвистая рябина, покрытая гроздьями красных ягод, а немного поодаль виднелся камень величиной с избушку. Поравнявшись с ним, пловец воскликнул: «Пусть кувшинка станет девушкой, рак превратится в юношу!» — и тотчас же на поверхности воды показались две человеческие головы: желание королевича исполнилось. Волна прибила пловцов к берегу, но выйти они не могли, так как оба были обнажены.

— Милый юноша, у меня нет никакой одежды, поэтому я не решаюсь выйти из воды, — смущенно сказала девушка.

— Я закрою глаза, а вы выйдите на берег и спрячьтесь в тени рябины, — ответил юноша.

Когда девушка укрылась под рябиной, королевич поспешил к тому месту, где оставил коня и одежду. Но он не нашел ни того, ни другого. Юноша не знал, что пробыл в образе рака семь дней, ему казалось, что он провел на дне реки каких-нибудь несколько часов.

Вдруг к берегу подъехала великолепная карета, запряженная шестеркой лошадей. В ней сидели слуга и служанка. В карете королевич нашел также одежду для себя и для спасенной им девушки. Оставив слугу подле себя, юноша послал карету за невестой, поручив служанке отвезти ей одежду.

Вскоре девушка, наряженная в красивое свадебное платье, приехала к королевичу, ожидавшему ее у реки. Юноша, также одетый в богатый свадебный наряд, сел в карету рядом с невестой, и они поехали в город, прямо к церкви.

В это время король и королева в траурных одеждах сидели в церкви, оплакивая своего любимого сына. Все считали, что он утонул, так как конь его и платье были найдены на берегу реки. Велика же была радость родителей, когда сын предстал перед ними живой и невредимый, и с ним рядом — прекрасная девушка, оба в ослепительных одеждах. Король сам повел жениха и невесту к алтарю. Тут же их и обвенчали. Затем начались пышные свадебные празднества, длившиеся шесть недель.

Время движется непрестанно, не зная ни остановок, ни отдыха, и все же дни радости летят как будто быстрее, чем часы скорби. Вскоре после свадьбы наступила осень, потом пришла

зима с морозами и снегом, и у наших молодых не было охоты даже за порог ступить.

Но когда снова пришла весна во всей своей красе, королевич с молодой женой вышел погулять в сад. Тут сорока, сидевшая на верхушке дерева, закричала ему:

— О ты, неблагодарное создание! Как только для тебя наступили счастливые времена, ты и забыл о тех, кто помогал тебе в беде! Неужели несчастные девушки до конца дней своих должны прясть золотую нитку? Хромая старуха не мать им, а колдунья! Она украла их в дальней стороне, когда они были еще малыми детьми. Много грехов у старухи, и она не заслуживает пощады. Надо бы сварить ядовитый корень и угостить им колдунью, не то она снова будет преследовать девушек своим волшебным клубком.

Тут королевич вспомнил, как он ходил в лесную избушку просить у сестер совета, как научился понимать язык птиц, как поклялся девушкам вызволить их из неволи. Обо всем этом он рассказал жене, и она, обливаясь слезами, стала умолять мужа поспешить на помощь к ее сестрам.

На другое утро, проснувшись, она сказала королевичу:

— Мне снился вещий сон, будто старуха ушла из дому и сестры остались одни. Сейчас и надо бы отправиться к ним на помощь.

Не медля ни минуты, королевич с отрядом воинов двинулся в путь. На другой день они достигли лесной избушки. Девушки, как и предвещал сон, оказались одни; с радостным криком бросились они навстречу своему избавителю. Королевич тотчас же приказал одному из воинов набрать ядовитых корней и приготовить старухе такое кушанье, чтоб ей уже никогда больше есть не захотелось.

Переночевав в избушке, королевич и воины наутро пустились в обратный путь, взяв с собой обеих девушек, и к вечеру прибыли в город. Радостно было сестрам свидеться после двух лет разлуки.

А старуха вернулась домой в ту же ночь. Она быстро съела кушанье, оставленное на столе, и легла спать, да больше уж и не встала. Ядовитый корень сделал свое дело.

Когда королевич спустя неделю послал своего военачальника посмотреть, что делается в лесной избушке, тот нашел старуху мертвой. В тайнике же оказалось пятьдесят возов золотой пряжи, которую потом разделили между тремя сестрами. После того как добро было увезено, королевский военачальник велел пустить под крышу избушки красного петуха. Пламя, точно огненный петуший гребень, уже вырывалось из слухового окна, как вдруг по стене скользнула на землю большая кошка с дико горящими глазами. Воины стали гоняться за кошкой и в конце концов поймали ее. В это время птичка, сидевшая на дереве, прощебетала: «Зажмите кошке хвост капканом, и все тайны откроются!» Так воины и сделали.

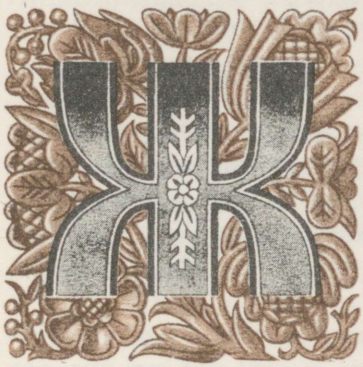
— Не мучьте меня, о люди! — заговорила кошка. — Я такой же человек, как и вы, хотя злая ведьма и превратила меня в кошку. Я жила в дальней стране, в замке у короля, владевшего несметными богатствами, и вела там хозяйство, а колдунья была служанкой у королевы. Нас одолела алчность, и мы тайно сговорились со старухой похитить у короля трех его дочерей и множество сокровищ, а потом бежать. Мы постепенно вынесли из замка всю драгоценную утварь, которую старуха превращала в золотой лен, а затем унесли и девочек. Старшей из них было три года, а младшей — пять месяцев. Старуха боялась, как бы я, раскаявшись, не выдала ее, и превратила меня в кошку. Как только колдунья умерла, я снова обрела дар речи, но человеческий облик так ко мне и не вернулся.

Когда кошка кончила свой рассказ, королевский военачальник молвил:

— Отправляйся и ты вслед за колдуньей, лучшей смерти ты не заслужила! — и велел бросить ее в огонь.

А королевские дочери, как и их младшая сестра, вышли впоследствии замуж за королевичей. Золотая пряжа, найденная в лесной избушке, составила им богатое приданое. Но откуда девушки были родом и где их родители, так и осталось неизвестным.

СКАЗКА О БЫСТРОНОГОМ, ЛОВКОРУКОМ И ЗОРКОГЛАЗОМ



ил в деревне домовитый хозяин со своей хозяйкой. Ни в чем они не нуждались, всем щедро одарила их судьба. В народе они слыли богатыми и счастливыми. Но все же для полного счастья у них не хватало того, чего и богатство дать не может, — у них не было детей, хотя супруги и прожили вместе более десяти лет.

Как-то вечером, когда муж был в отъезде, а жена сидела дома одна-одинешенька, напала на нее тоска.

«Соседки мои куда счастливее меня, — думалось ей. — У каждой полон дом детей, и если муж иной раз и уезжает, жене не приходится коротать время в одиночестве. У меня же дом пустой, а сама я — словно сухой пень без ветвей и побегов».

От горьких дум у нее слезы навернулись на глаза. Долго просидела она так, не замечая даже, что кто-то посторонний вошел в комнату. Вдруг женщина почувствовала, что у ее ног как будто трется кошка, но, опустив глаза, увидела на полу хорошенькую куколку.

— Ах! — в испуге вскричала хозяйка, попыталась вскочить и убежать, но руки куколки держали ее крепко, словно железные клещи, так что и с места не сдвинуться было.

— Не бойся, молодушка, незваной гостьи, — приветливо сказала куколка, — я пришла, чтобы развеять твою печаль, рассеять тоску. Ты одна, а человеку скучно одному коротать длин-

ный вечер. Хозяин твой в отъезде и вернется только через несколько дней. Милая моя молодушка. . .

— Не смейся надо мной! — в сердцах ответила хозяйка. — Мой девичий убор уже десять лет лежит в сундуке и горько оплакивает лучшие времена.

— Ну и что за беда! — возразила куколка. — Если женщина еще так свежа и красива, как ты, ее и молодушкой не грех назвать. Да и детей у тебя нет, некому было тебя состарить.

— Да, — ответила хозяйка, — вот это-то меня и печалит. Мне часто думается, что я стала мужу не мила, что он смотрит на меня, как на высохший пень, который никогда не даст молодых побегов.

— Не горюй, — сказала куколка. — До заката дней твоих еще далеко, и не пройдет и года, как от ствола, который ты считаешь иссохшим, поднимутся три молодые ветви и расцветут родителям на радость. Тогда я снова навещу тебя. А до тех пор никому не говори о том, что я к тебе приходила. До свиданья, милая молодушка!

И куколка исчезла, словно сквозь землю провалилась. Хозяйка долго протирала глаза, не понимая, наяву или во сне все это произошло.

Чего сердце жаждет, тому и разум верит. Так было и с нашей хозяйкой. Слова куколки не выходили у нее из головы. И действительно, предсказание чудесной гостьи сбылось: пришел срок, и хозяйка родила троих детей, трех красивых и здоровеньких мальчиков.

Однажды, когда муж пошел звать кумовьев и гостей на крестины, снова явилась куколка, принесшая в дом счастье.

— Здравствуй, голубушка! — воскликнула она, входя в комнату. — Видишь, как исполнилось твое душевное желание. У тебя родилось трое сыновей. Теперь ты убедилась, что я в прошлый раз говорила не пустые слова, и поверишь тому, что я скажу тебе сегодня. Много радости доставят тебе твои сыновья, и слава о них пойдет по всему свету. Позволь мне взглянуть на твоих малюток.

Сказав это, куколка ловко взобралась на край колыбельки и вынула из кармана клубочек красных ниток. Одному мальчику

она перевязала ниточкой икры обеих ног, другому — запястья рук, а третьему завязала нитку над бровями, вокруг головы.

— Этих ниточек, — поучала куколка хозяйку, — не развязывай до тех пор, пока младенцев не повезут крестить. Как только мальчиков унесут из дому, нитки сожги, пепел собери на ложечку и смешай с грудным молоком. Когда мальчиков принесут домой, влей каждому на язычок по две капли этого снадобья, а потом дай им грудь. И появится у них такая чудесная сила — у одного в ногах, у второго — в руках, у третьего — в глазах, что на всем свете не найдется равных твоим сыновьям. Каждому из них его природный дар принесет славу и богатство; но если братья будут действовать все сообща и единодушно, то они смогут совершать такие подвиги, которые кажутся невозможными, пока их не увидишь своими глазами. А теперь прощай! Больше мы не увидимся. Но когда твои сыновья вырастут тебе на радость, ты не раз вспомнишь обо мне с благодарностью. Прощай, голубушка!

Промолвив это, гостья исчезла так же внезапно, как и в прошлый раз. Молодая мать исполнила все, чему учила ее куколка: в день крестин сожгла красные ниточки и, когда детей принесли из церкви, смешала пепел с грудным молоком и влила каждому по две капельки этого снадобья на язычок. Ни мужу, ни кому другому хозяйка ни слова не сказала о своей чудесной советчице.

Дети росли здоровыми и смышлеными. Уже с малых лет у каждого из них особенно крепли те части тела, которые были перевязаны красной ниточкой: у одного ноги, у другого руки, у третьего глаза. Поэтому и назвали их родители — первого Быстроногим, второго Ловкоруким, а третьего Зоркоглазым.

Прошло несколько лет, братья стали уже взрослыми юношами. Посоветовавшись с родителями, они решили отправиться в далекие страны, где надеялись благодаря своей силе и уменью найти себе заработок. Каждый из братьев хотел идти искать счастья своим путем: один предполагал отправиться на восток, другой — на юг, а третий — на запад. Все трое обещали вернуться домой через три года и поведать друг другу о своих странствованиях и о том, как им жилось на чужой стороне.

Быстроногий отправился на восток. О нем мы прежде всего и расскажем.

Прошел он на много верст больше, чем другие братья, но усталости не чувствовал, так как ноги его обладали необыкновенной силой. Но со временем юноша понял, что хотя быстрые ноги и могут вынести человека из беды, все же заработать ими на хлеб — дело не легкое, ибо во всякой работе руки нужнее ног.

Наконец, после долгих поисков, Быстроногий нашел себе службу в восточном королевстве. У короля были большие табуны лошадей, а среди них — много быстроногих и норовистых коней, которых никому еще не удавалось поймать даже верхом. Но Быстроногого не могла обогнать ни одна лошадь, так как он бегал гораздо быстрее любого скакуна. То, с чем раньше не могли справиться пятьдесят табунщиков, Быстроногий теперь делал один, и ни разу не случалось, чтобы конь отбился от табуна. Поэтому король охотно платил ему такое жалованье, какое обычно получали пятьдесят пастухов, да еще многое дарил в придачу. С утра до вечера, а то и всю ночь напролет носился Быстроногий, как ветер, на своих легких ногах, но никогда не уставал. Не раз в жаркое летнее время кони от укусов оводов разбегались на много верст в разные стороны, но к вечеру весь табун бывал собран.

Однажды в королевском дворце было большое празднество, на которое съехались повелители многих стран. В дни пиршеств король рассказывал гостям о своем быстроногом пастухе, и те захотели собственными глазами увидеть этого необыкновенного человека. Кое-кто из гостей говорил: что, мол, за диковина, если кони, привыкшие ходить в табуне и знающие своего пастуха, дают ему поймать себя; самый норовистый конь повинуется хозяину и идет на его зов. Но дайте табунщику лошадь, выращенную в чужой конюшне, и тогда посмотрим, сможет ли он ее поймать.

И тут чужеземные властители велели привести из своих конюшен самых ретивых, выхоленных коней и выпустить их в поле: пусть, мол, Быстроногий их поймает. Но для юноши это оказалось делом нетрудным, ибо не может застоявшийся и откормлен-

ный конь равняться с бегуном, привыкшим носиться день и ночь, как вольная птица. Гости похвалили Быстроногого, одарили его золотом и серебром и пообещали рассказать о нем в своих владениях, чтобы всюду люди знали, где можно найти такого бегуна. О юноше пошла молва по всем восточным землям, и если какому-нибудь королю нужен был гонец, он нанимал Быстроногого, щедро вознаграждал его и осыпал дарами, чтобы заручиться его услугами и на будущее время.

Через три года, когда Быстроногий возвращался домой, его богатства едва смогли увезти двадцать лошадей, подаренных ему королем вдобавок к щедрой оплате.

Второй брат, Ловкорукий, направился на юг. Куда бы он ни приходил, всюду для него находилось дело; каждый ремесленник старался заполучить его себе в подмастерья, потому что никто не умел так быстро и искусно выполнить работу, как он. Хотя он дома и не учился никакому ремеслу, как другие мастера, но в его руках спорилась любая работа. Он был и портным, и сапожником, и столяром, и токарем, и кузнецом, и золотых дел мастером, и отлично выполнял множество других работ. Не было на свете мастера, к которому Ловкорукий не мог бы пойти в помощники. Он работал то сдельно у портного, где шил за день двадцать пар штанов, то у сапожника, где выделывал столько же пар сапог. И каждая вещь была сделана так искусно, что всякий, кто видел его работу, не хотел больше обращаться к услугам других мастеров и подмастерьев.

Ловкорукому могло бы принести богатство любое ремесло, останься он подольше где-нибудь на одном месте; но он хотел повидать белый свет и поэтому странствовал из одной страны в другую.

Однажды юноша пришел в столицу некоего королевства, где царило великое смятение. Король стал собирать большое войско в поход на врага, но оказалось, что для воинов не хватает ни одежды, ни обуви, ни боевого снаряжения. По всей стране мастера со множеством подмастерьев работали не покладая рук с раннего утра до полуночи, не зная ни отдыха, ни праздников, и все же не могли за короткий срок изготовить все необходимое для войска в таком количестве, какое нужно было королю.

Узнав об этом, Ловкорукий отправился в королевский замок и попросил разрешения явиться к королю.

— Добрый король! — сказал юноша. — Я слышал, что у вас есть очень спешная работа. Я — мастер, приехал из дальних стран и смогу взять на себя эту работу, если мы сговоримся об оплате и вы укажете мне срок, когда заказ должен быть готов.

Когда король сообщил ему этот срок, Ловкорукий сказал:

— Созовите всех мастеров, живущих в вашем городе, и спросите, смогут ли они к назначенному дню справиться с этой работой. Если не смогут, то я беру все на себя, но тогда уж и платить вы должны будете только мне одному.

— Все это было бы хорошо, — возразил король, — будь у вас достаточно подмастерьев. Но в том-то и беда наших мастеров, что им не хватает подручных.

— Об этом уж я сам позабочусь, — ответил Ловкорукий.

На другое утро все мастера со всего города собрались в королевский замок, и король спросил каждого из них, в какой срок он надеется справиться с работой. Одни отвечали, что им понадобится четыре-пять месяцев, а другие назначали еще более долгие сроки.

— Ну, — сказал Ловкорукий, — если вы мне пообещаете двойную плату за три месяца, то я за это время выполню работу, на которую другим нужно чуть ли не полгода.

Это показалось королю таким удивительным и невероятным, что он стал сомневаться — нет ли тут обмана, либо просто насмешки. Поэтому он сказал:

— Какой залог ты даешь мне в том, что выполнишь свое обещание?

Ловкорукий ответил: — У меня нет ни имущества, ни денег, которыми я мог бы покрыть ваши убытки. Но если вы захотите взять в заклад мою жизнь, то мы быстро столкуемся. А так как кота в мешке покупать не следует, то я принесу вам завтра образец своей работы.

Король согласился. А подмастерья думали про себя: «Если Ловкорукий получит двойную плату, то он должен и нам заплатить больше, иначе мы не пойдем к нему в подручные».

Увидев пробные работы Ловкорукого, король остался ими очень доволен. Да и все остальные мастера, хоть и готовы были лопнуть от зависти, не смогли в них найти никаких изъянов.

Юноша усердно принялся за дело. Работа всегда так и горела у него в руках, но быстрота, с какой он работал сейчас, была поистине чудом из чудес. Он едва успевал поесть, а ночью немного подремать, как птица на ветке. За две недели до условленного срока все снаряжение для войска было готово и передано королю. Король заплатил Ловкорукому двойное жалованье за три месяца и еще столько же прибавил в подарок. Затем он сказал:

— Мудрый мастер! Мне жаль с тобою расставаться. Не хочешь ли пойти на войну вместе с моим войском? Кто умеет так искусно выполнить любую работу, тот, без сомнения, будет и отличным воином.

— Может быть, вы и правы, добрый король, — ответил Ловкорукий, — но, по правде говоря, я еще никогда в жизни не пробовал воевать, я всегда работал вдалеке от тех мест, где льется кровь. Кроме того, я скоро должен буду вернуться домой, меня ждут отец и мать. Поэтому не гневайтесь, если я на этот раз не исполню вашего желания.

И юноша покинул королевскую столицу, где за короткое время стал богатым человеком. Ему оставалось еще полгода до срока возвращения домой, поэтому он ходил из одной местности в другую, выполняя то тут, то там различную работу, чтобы оплатить путевые расходы. Накопленное добро он хотел привезти домой в полной сохранности.

Третий брат, Зоркоглазый, направился на запад. Он долго скитался с места на место, но нигде не мог найти определенной службы, которая давала бы ему хлеб и хороший заработок. Как меткий стрелок, юноша всегда мог заработать охотничьим промыслом себе на пропитание, но с чем бы он вернулся домой?

Однажды пришел он в большой город. Здесь он услышал, что короля этой страны постигло несчастье: уже в третий раз в королевском саду случалось странное происшествие, которого никто не мог ни объяснить, ни предотвратить. Там росло очень ценное похожее на яблоню дерево, приносившее золотые плоды.

Многие из них были величиной с добрый клубок шерсти и стоили каждый несколько тысяч рублей. Плоды эти, разумеется, были на счету, и стража днем и ночью охраняла дерево, чтобы к нему не пробрался вор.

Но вот уже третьи сутки подряд кто-то похищал каждую ночь по одному из самых крупных яблок, стоивших каждое около пяти тысяч рублей. Королевская стража нигде не могла обнаружить вора или напасть на его след. Зоркоглазый подумал тотчас же, что за всем этим кроются чьи-то хитрые проделки, которые только он один, своим острым глазом, может раскрыть.

«Если только вор не подойдет к дереву как бесплотный и невидимый дух, — размышлял юноша, — то я увижу его». Поэтому он попросил у короля позволения пойти в сад и тайно от стражи следить за всем, что будет там происходить.

Получив на это позволение, Зоркоглазый взобрался на верхушку высокого дерева неподалеку от золотой яблони. Здесь, среди листвы, никто не мог его видеть, но его острый глаз проникал всюду и мог следить за всем, что творится вокруг. На тот случай, если стеречь придется долго, он взял с собой сумку с хлебом и флягу с водой, чтобы не пришлось вылезать из засады.

Королевская стража тройным кольцом окружала дерево так плотно, что и мышонок не прошмыгнул бы незамеченным. Вор мог приблизиться к дереву разве только по воздуху, по земле ему было не пройти.

Целый день просидел юноша в своем укрытии, но никого и ничего не увидел.

На закате солнца к дереву подлетела маленькая желтая бабочка и, покружившись около него, опустилась на ветку, где висело красивое золотое яблоко. Разумеется, бабочка не могла унести с дерева золотое яблоко. Это понимал и Зоркоглазый, но все же не спускал с нее глаз.

Солнце уже давно зашло, погасла и вечерняя заря, но вокруг дерева зажгли фонари, и стало светло как днем. Желтая бабочка неподвижно сидела все на той же ветке.

Около полуночи юношу стало клонить ко сну, и веки его сомкнулись. Сон его продолжался недолго, но, очнувшись и

G Reindorff 1945

взглянув на яблоню, он увидел, что желтая бабочка исчезла, а вместе с ней исчезло и прекрасное золотое яблоко. Воровство было раскрыто, но если бы Зоркоглазый рассказал об этом людям, его сочли бы помешанным: ведь и малому ребенку ясно, что маленькой бабочке не унести золотое яблоко.

Утром, когда стало известно, что на дереве опять не хватает одного яблока и никто из стражи не напал на след похитителя, в народе снова пошли возбужденные толки. Тогда Зоркоглазый во второй раз явился к королю и сказал:

— Ни мне, ни вашей страже в прошлую ночь не удалось обнаружить вора. Но если в вашем городе или в окрестностях найдется какой-нибудь хитроумный мудрец, то велите провести меня к нему; с его помощью я надеюсь сегодня ночью изловить похитителя.

Узнав, где живет мудрец, юноша, не теряя времени, отправился к нему, и они стали держать совет, каким путем успешно довести дело до конца.

— Вот что я придумал! — вскоре воскликнул Зоркоглазый. — Можешь ли ты придать обыкновенной паутине такую прочность, чтобы из ее сетей не мог вырваться самый сильный зверь? Тогда мы опутаем ею вора, и он от нас не уйдет.

Мудрец ответил, что может это сделать. Он взял трех больших пауков-крестовиков и придал им с помощью волшебства такую силу, чтобы из сотканных ими сетей не мог вырваться ни один зверь. Затем он положил пауков в коробочку и передал ее Зоркоглазому, сказав:

— Посади крестовиков куда нужно, укажи им пальцем, где они должны протянуть свою сеть, и вор окажется в такой клетке, из которой его сможет вызволить разве только самый могущественный волшебник. А если тебе понадобится моя помощь, я тут же явлюсь.

Зоркоглазый взял коробочку с пауками и поспешил в сад.

В тот же час, что и вчера, желтая бабочка прилетела снова и стала кружиться вокруг золотой яблони. Но сегодня это продолжалось гораздо дольше. Наконец бабочка уселась на ветку, на которой висело большое золотое яблоко. Юноша тотчас же спустился с дерева, подошел к яблоне и приставил к ней лест-

ницу. Потихоньку, чтобы не спугнуть бабочку, взобрался он наверх, посадил маленьких ткачей на ветки, одного чуть повыше, другого справа, третьего слева, и обвел пальцем вокруг бабочки. Бабочка сидела неподвижно, сложив крылышки.

Когда солнце стало садиться, Зоркоглазый вернулся на свое дерево. Отсюда он с радостью наблюдал, как его помощники плетут вокруг бабочки такую сеть, из которой ей не вырваться, если только мудрец действительно наделил пауков чудесной силой.

Как юноша ни боролся со сном, глаза его стали слипаться. Долго ли он дремал, Зоркоглазый и сам не знал. Его разбудил сильный шум. Взглянув вниз, юноша увидел, что королевская стража с криком бегает вокруг золотой яблони, а на дереве в сетях из железных цепей сидит карлик с длинной седой бородой и держит в руках золотое яблоко. Зоркоглазый быстро спрыгнул с дерева, но не успел он подбежать к яблоне, как в сад явился и сам король: он услышал шум и пришел посмотреть, что случилось.

Вор был пойман и сидел в железной клетке.

— Добрый король, — сказал юноша, — теперь вы можете спокойно спать до утра, вор больше не ускользнет из наших рук. Как бы он ни был силен, ему не разбить волшебных цепей.

Король поблагодарил юношу и отпустил стражу, оставив возле дерева лишь нескольких слуг. Зоркоглазый, не спавший двое суток, тоже отправился отдыхать.

Наутро юноша вместе с мудрецом явились в королевский дворец. Мудрец был очень доволен, увидев, что вор сидит в клетке, и не выпускал его до тех пор, пока тот не предстал перед всеми в своем истинном облике. Чтобы этого добиться, мудрец наполовину обрезал карлику бороду, велел принести огня и стал обжигать вору остатки бороды.

О, какие мучения терпел узник в своей железной клетке! Он кричал и кувыркался от боли, но мудрец продолжал его пытать и жечь, чтобы он хорошенько поджарился.

— Признавайся, кто ты? — приказал мудрец.

Карлик ответил: — Я слуга волшебника из Пийрисилла. Мой хозяин посылал меня красть яблоки.

Мудрец снова принялся палить ему бороду.

— Ой, ой! — завопил карлик. — Подожди, я во всем признаюсь! Я не слуга, я сын волшебника.

Мудрец снова подбавил жару, и тут вор завыл:

— Я — волшебник из Пийрисилла!

— Покажись нам в своем подлинном облике, не то я снова буду тебя жечь, — сказал всесильный мудрец.

Тогда карлик начал расти и раздуваться в своей клетке и через несколько минут стал ростом с обыкновенного взрослого человека. Когда волшебник открыто признался в воровстве, его вместе с клеткой спустили с дерева и спросили, где спрятаны драгоценные плоды. Волшебник хотел сам указать тайник, но Зоркоглазый попросил короля не выпускать вора из клетки, так как он мог опять превратиться в бабочку и ускользнуть из их рук.

Волшебника пришлось еще несколько раз поджаривать, пока он, наконец, не признался, куда спрятал яблоки. Когда все плоды были найдены, коварного вора сожгли и прах его развеяли по ветру.

Король, получивший обратно свои сокровища, щедро вознаградил Зоркоглазого, так что юноша стал еще богаче, чем его братья. Король охотно оставил бы Зоркоглазого у себя на службе, но тот сказал:

— Я сейчас не могу у вас остаться. Я должен вернуться домой, к родителям.

Тогда король подарил ему лошадей и несколько повозок и дал слуг, которые и отвезли богатства Зоркоглазого домой.

Когда все трое братьев собрались в родном доме, у них оказалось столько золота, что они могли бы купить добрую половину королевства. Тут мать вспомнила о куколке, принесшей в дом счастье, но и теперь никому не рассказала о своей чудесной гостье. Богатства семьи были неисчислимы, и сыновьям уже не нужно было искать работу. Но есть ли на свете богач, который был бы доволен тем, что имеет, и не желал бы большего?

Однажды братья узнали, что самый могущественный король северной земли решил отдать свою дочь замуж лишь за того, кто выполнит три самые трудные работы. Посоветовавшись, братья решили попытать счастья.

Со всего света съезжались в то королевство юноши, добивавшиеся руки королевны. Но никто не выдерживал испытаний, так как они были не под силу человеку.

Братья двинулись в путь. Чтобы скорее достигнуть цели, Быстроногий время от времени нес братьев на плечах.

Так как подвиги должен был совершать один и тот же человек, юноши не могли предстать перед королем втроем и послали Быстроногого вперед, чтобы он все хорошенько разведал.

Три работы, которые должен был выполнить будущий зять короля, состояли в следующем: во-первых, он должен был целый день пасти большого северного оленя, следить за тем, чтобы быстроногий не убежал, а с заходом солнца отвести его в хлев. Во-вторых, предстояло вечером закрыть на засов ворота королевского замка. И третье, самое трудное, испытание заключалось в том, чтобы попасть стрелой из самострела в яблоко, которое человек, стоящий на высокой горе, держал зубами за черенок. При этом стрела должна была рассечь яблоко надвое, не причинив человеку никакого вреда.

Хотя два первых испытания и казались не трудными, до сих пор никому не удавалось их выдержать. Северный олень был таким быстроногим, что мог с восхода до заката солнца обежать весь свет. Как же мог человек за ним угнаться?

Второе испытание было связано с волшебными силами. Какой-то злой колдун превратился в железный засов и, когда человек, взобравшись на приставную лестницу, клал на него руку, волшебник сжимал ее так, что никакая сила не могла ее освободить, пока колдун сам не отпускал несчастного. Но этим дело не ограничивалось. Как только руку сжимало тисками, ворота начинали ходить взад-вперед, будто их сотрясала буря. Поэтому пойманный должен был до утра болтаться на воротах, точно язык у колокола, а когда волшебная сила, наконец, освобождала его, бедняга скорее походил на мертвого, чем на живого. Король и весь народ потешались над его жалким видом, и он с позором уходил восвояси. Жилы на его руках были так растянуты, что из него уже никогда не мог выйти настоящий работник.

Третье испытание было под силу лишь меткому стрелку, обладающему острым глазом и твердой рукой.

Когда Быстроногий своими глазами увидел все это, он не пошел к королю, а поспешил к братьям, ожидавшим его на дороге. Посоветовавшись, юноши уговорились, как повести дело, чтобы втроем выполнить все работы.

Труднее всего было устроить так, чтобы король посчитал всех троих одним и тем же человеком; иначе им не получить было обещанной награды. Братья подстригли волосы и бороды одинаково и, так как близнецы были очень схожи между собой и лицом, и нравом, и обхождением, то обнаружить обман никто не мог. Они велели сшить из шелка и бархата роскошную одежду и украсили ее золотом и драгоценными камнями, сверкавшими, как звезды в зимнем ночном небе.

Перед испытанием братья поклялись друг другу в случае удачи бросить жребий, который и решит, кому быть мужем королевны.

Юноши закончили все приготовления и обо всем условились, чтобы потом между ними не было никаких споров, затем Быстроногого нарядили в пышные одежды и отправили в королевский замок на первое испытание. Если, как надеялись братья, дело закончится успешно, то первый большой камень с их пути будет свален.

Быстроногий держался перед королем с таким достоинством, будто и сам был королевского рода. Он учтиво поклонился и попросил позволения приступить к испытанию на следующее утро. Король разрешил, но при этом молвил:

— Лучше бы вам надеть одежду попроще: наш олень поскачет по болотам и трясинам, не разбирая дороги, и вы испортите свое дорогое платье.

— Кто хочет получит в жены вашу дочь, — ответил Быстроногий, — тот не дорожит одеждой.

Сказав так, юноша пошел отдыхать, чтобы на следующий день быть бодрым и сильным.

Королевская дочь, следившая за прекрасным юношей через замочную скважину, сказала со вздохом: — Если бы я могла надеть какие-нибудь путы оленю на ноги, я бы сделала это, не колеблясь, лишь бы помочь этому человеку.

Едва занялся день, Быстроногий привязал оленю на шею ве-

ревку, а другой конец ее взял в руку, чтобы зверь не мог убежать от него. Как только отворили двери хлева, северный олень вихрем сорвался с места и ринулся вперед. Юноша, крепко держа веревку, не отставал от него ни на шаг. Король и горожане, глядевшие на испытание, дивились проворству юноши, ибо до сих пор еще никому не удавалось пробежать рядом с оленем и двухсот шагов.

А Быстроногий, хоть и не боялся, что устанет, решил все же сесть на оленя верхом, когда его никто не будет видеть. Отбежав подальше, юноша вскочил оленю на хребет и, держась за повод, поехал дальше.

К полудню олень, видя, что ему не освободиться от пастуха, замедлил шаг и стал пастись. Быстроногий спрыгнул на землю и лег под кустом отдохнуть, не выпуская при этом веревки из рук. Когда солнце припекло посильнее, олень улегся в траву подле юноши и стал мирно жевать жвачку.

После обеда зверь снова попытался вырваться из рук Быстроногого, но тот мигом вскочил ему на спину.

Вечером король и весь народ с изумлением увидели, что резвый олень, точно кроткая овечка, покорно возвращается домой со своим пастухом. Быстроногий отвел зверя в хлев, запер дверь и отправился ужинать за королевский стол. После ужина юноша распрощался, сказав, что хочет отдохнуть после дневных трудов, а сам поспешил к братьям, которые ждали его в лесу.

На следующий день второй брат, Ловкорукий, облачился в пышные одежды и пошел в королевский замок на второе испытание. Король, не заметив обмана, похвалил юношу за вчерашний подвиг и пожелал новой удачи.

А королевская дочь, глядя в замочную скважину на прекрасного юношу, сказала со вздохом:

— Будь это в моих силах, я отвела бы колдуна от ворот, чтобы с этим милым юношей ничего не случилось и я могла стать его женой!

Ловкорукий знал, что его ждет, поэтому, выйдя из королевского дворца, сразу же отправился к кузнецу и велел себе выковать железную руку. Юноша выждал до вечера, а когда все обитатели замка улеглись спать, развел огонь и накалил железную

лапу докрасна. Затем приставил к воротам лестницу, взобрался наверх и приложил железную руку к засову. Волшебник был уверен, что к нему прикоснулись пальцы юноши, и изо всех сил сжал раскаленное железо. Почувствовав ожог, колдовской засов заревел от боли так, что затряслись стены королевского замка и страшный шум разбудил спящих. А Ловкорукий, выпустив железную лапу из рук, в тот же миг задвинул засов. Теперь ворота были на запоре. Все же юноша остался здесь до утра, пока король не пришел собственными глазами взглянуть, как выполнена трудная задача.

Король похвалил юношу, выдержавшего два трудных испытания, и позвал его к обеду. Ловкорукий за королевским столом вел оживленную и учтивую беседу, а затем попросил позволения отправиться на отдых, так как он, мол, всю ночь не спал и, кроме того, должен подготовиться к следующему испытанию.

Вечером Ловкорукий пошел в лес к братьям. Они с нетерпением ждали его, чтобы узнать, как прошло испытание. Так как юноши не питали никакой зависти друг к другу и никто из них не мог предугадать, кому суждено стать зятем короля, то братья искренне радовались успеху.

На следующее утро в пышные одежды облачился Зоркоглазый — ему предстояло совершить третий подвиг.

С таким же достоинством, как и другие братья, предстал он перед королем и попросил позволения приступить к третьему испытанию. Король ответил:

— Я очень рад, что вы справились с двумя испытаниями. Это еще никому не удавалось, хотя в охотниках недостатка не было. Но все же я опасаюсь, что третий подвиг окажется вам не под силу; цель, которую вы должны поразить стрелой, очень мала и находится на большом расстоянии.

— Кто добивается руки королевны, — ответил Зоркоглазый, — тот не страшится никаких трудностей, ибо такого великого счастья и во сне не увидишь.

Тогда король дал позволение на другое утро приступить к следующему испытанию. А королевская дочь, опять наблюдавшая за прекрасным юношей через замочную скважину, со слезами на глазах сказала:

— О, если б я могла чем-нибудь помочь этому юноше, чтобы он победил и в третий раз! Я бы отдала все свои сокровища, только бы выйти за него замуж!

Если уже в первые дни испытаний огромные толпы народу стекались отовсюду, чтобы поглядеть на чудо, то на третий день людей собралось столько, что их и не счесть было. На вершине высокой горы стоял человек. Снизу он казался величиной с ворону. Во рту человек держал яблоко, в которое Зоркоглазый должен был попасть из самострела.

Все считали, что это невозможно. Но человек, державший яблоко, боялся, что стрелок все же попадет в цель, и из зависти решил сделать задачу еще труднее. Он не взял яблоко зубами за черенок, как это было условлено, а наполовину засунул яблоко в рот, думая: «Чем меньше цель, тем труднее стрелку в нее попасть».

Но Зоркоглазый видел половину яблока так же хорошо, как и целое. Прицелившись своим острым глазом, юноша пустил стрелу и — о чудо! — яблоко оказалось рассеченным надвое, как по мерке! А завистливый человек, засунувший в рот яблоко, понес заслуженное наказание: острая стрела рассекла ему рот с обеих сторон и изранила щеки.

Когда рассеченное яблоко принесли королю, в толпе раздались радостные крики. Это было чудо невиданное и неслыханное! Королевская дочь снова заплакала, но теперь уже от счастья: сбылось ее заветное желание. Король пригласил Зоркоглазого в замок, чтобы отпраздновать обручение, но юноша попросил отпустить его, сказав:

— Позвольте мне отдохнуть после моих трудов и явиться к вам завтра.

Он не хотел обманывать братьев, которые так же, как и он, совершили каждый свой подвиг. Жребий должен был решить, кому достанется награда.

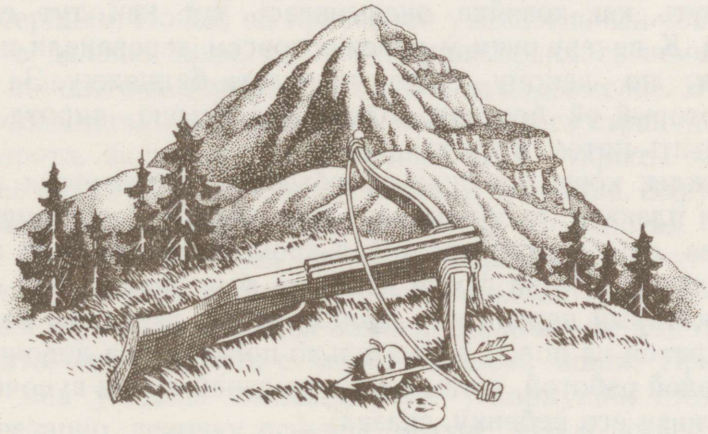
Вернувшись к братьям, Зоркоглазый рассказал о своей удаче. Они долго радовались, как дети, потом стали бросать жребий. Жребий пал на Зоркоглазого — он и должен был теперь стать зятем короля. Последнюю ночь братья провели вместе, а когда настало утро и пришел горький час расставания, Зоркоглазый

направился в королевский замок, а Быстроногий и Ловкорукий — домой, к родителям.

Вернувшись на родину, братья купили себе обширные земли и поместья, так что их владения походили теперь на маленькие королевства. Зоркоглазый же отдал все свое имущество родителям и братьям: ему, как зятю короля, эти богатства были не нужны.

Отец и мать радовались счастью сыновей, но материнское сердце часто грустило о том, что третий сын живет на дальней, чужой стороне и нет надежды повидать его. Когда родители умерли, Быстроногий и Ловкорукий не остались на родине, а сдали свои поместья в наем и опять пошли странствовать по белому свету, надеясь нажить новые богатства.

Далеко ли, близко ли лежал их путь, какие дела они совершили и вернулись ли опять на родину, этого мы не знаем. А потомки Зоркоглазого и поныне живут в той стране, где их прадеду в давние времена посчастливилось жениться на королевне.



СИРОТКИН ЖЕРНОВ

Бедная девочка-сиротка, оставшись одна на свете, словно беззащитный ягненочек, попала на воспитание к злым, бессердечным людям. Здесь единственным ее другом был хозяйский пес Крантс, с которым девочка иногда делилась корочкой хлеба. С утра до вечера должна была сиротка вертеть тяжелый жернов, размалывая муку для хозяйки. Стоило девочке хоть на минуту остановить жернов, чтоб передохнуть, как хозяйка оказывалась тут как тут со своей дубинкой. К вечеру руки у ребенка совсем деревенели и ныли от усталости, но некому было пожалеть бедняжку. За кусочек хлеба, который ей бросали, точно милостыню, сирота должна была платить потом и кровью.

Однажды, когда девочка по обыкновению вертела тяжелый жернов и плакала от обиды на злую хозяйку, оставившую ее утром без еды, к дому подошел хромой, одноглазый нищий в рваной одежде. Но на самом деле это был знаменитый финский мудрец, который переоделся нищим, чтобы люди его не узнали. Калека присел на порог, внимательно поглядел на девочку, занятую тяжелой работой, затем вынул из своей сумки кусочек хлеба и, протягивая его ребенку, сказал:

— Обед еще не скоро, возьми кусочек хлеба, он подкрепит тебя.

Сиротка принялась грызть сухую корку, показавшуюся ей вкуснее булки, и сразу же почувствовала в руках силу.

— У тебя, бедняжки, наверное, очень устают руки все время вертеть тяжелый камень? — спросил нищий.

Девочка с сомнением взглянула на старика, как бы желая узнать, всерьез он спрашивает или насмехается над ней. Но нищий глядел ласково и серьезно, поэтому девочка ответила:

— Кто сироту пожалеет! Из-под ногтей у меня вечно течет кровь, а хозяйка еще и бьет меня, если я не успеваю намолоть столько муки, сколько она хочет.

Нищий попросил девочку рассказать о своей жизни поподробнее. Когда сирота кончила свою грустную повесть, старик вынул из мешка платок, отдал его девочке и сказал:

— Перед тем как лечь спать, повяжи этот платок вокруг головы и скажи от всего сердца: «Милые, сладкие сны, унесите меня далеко-далеко, помогите найти такой жернов, который молол бы сам, без моей помощи».

Девочка поблагодарила старика и спрятала платок за пазуху. А нищий отправился своей дорогой. Вечером, ложась спать, сиротка сделала так, как научил ее мудрец: обвязала голову платком и со слезами произнесла заветные слова, хоть и не надеялась, что они сбудутся. В этот вечер девочка заснула с легким сердцем. Ночью ей приснился удивительный сон. Он унес сиротку в дальние края, где с нею приключилось немало чудес. В конце концов она очутилась в глубоком подземелье. Это, верно, была преисподняя — таким здесь все казалось страшным и чуждым. Ворота, ведущие в подземелье, были открыты настежь, и кругом не видно было ни единого живого существа. Вдруг откуда-то издалека послышался шум, точно где-то работал огромный жернов. Девочка робкими шагами направилась в ту сторону. Вскоре она увидела амбар, а в нем большой ларь, из которого доносился стук двигающихся камней. Девочке не под силу было ни поднять, ни сдвинуть с места тяжелый ящик. Пройдя чуть дальше, она увидела конюшню, где у кормушки стоял белый конь. Внезапно девочку осенила мысль: «Надо вывести из конюшни лошадь, впрячь ее в ящик и увезти его». Девочка так и поступила — привязала лошадь веревками к ларю, уселась на его крышку и, погоняя коня длинной хворостиной, помчалась домой.

Проснувшись утром, девочка вспомнила чудесный сон. Ей

казалось, что все это произошло наяву, что она и впрямь приехала домой на крышке ларя. Оглядевшись вокруг, сиротка вдруг увидела подле своей кровати ящик с жерновом. Девочка вскочила с постели, взяла горсть ячменя, которого не успела смолоть вечером, бросила зерна в отверстие в крышке ларя, и — о чудо! — камни сразу же пришли в движение! Вскоре был готов целый мешок муки.

Для сиротки настала счастливая пора. Чудесный жернов перемалывал все, сколько ему ни дай, и у девочки только и работы было, что ссыпать зерно в ларь и вынимать готовую муку. Крышку ящика она никогда не открывала, так как мудрец это строго-настрого запретил, сказав: «За это ты поплатишься жизнью».

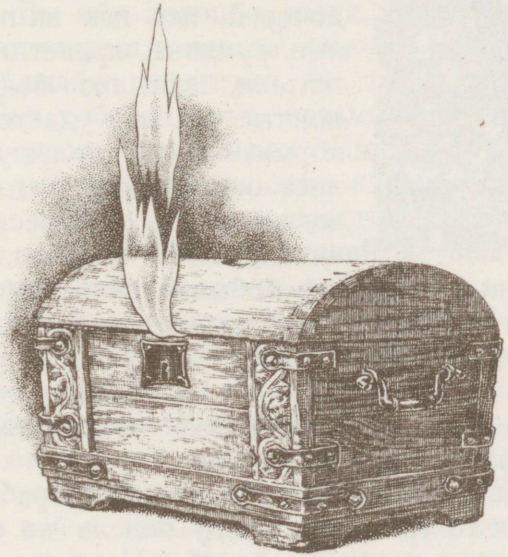
Вскоре хозяйка догадалась, что волшебный жернов помогает сиротке молоть зерно, и задумала выгнать девочку из дому, а вместо нее заставить работать ящик — его ведь не надо было кормить. Но сперва хозяйке хотелось узнать, что находится в ящике и где скрывается чудесный мельник. Любопытство не давало женщине покоя ни днем, ни ночью, ей хотелось во что бы то ни стало разгадать тайну.

Как-то в воскресенье утром хитрая женщина велела сиротке собираться в церковь и обещала сама похлопотать по хозяйству. Девочка удивилась — таких ласковых речей она от хозяйки никогда еще не слышала, — однако с радостью надела чистую сорочку и лучшее из своих стареньких платьев и отправилась в путь.

Хозяйка, стоя на пороге, долго смотрела вслед девочке, пока та не скрылась из виду, потом принесла из амбара горсть зерна и высыпала его на крышку ящика, думая, что жернов тут же начнет работать. Но ящик молчал. Женщине не терпелось узнать, что в нем находится, и она с великим трудом сдвинула тяжелую крышку, чтобы сквозь щель заглянуть внутрь. Но едва хозяйка приблизила глаз к щели, как оттуда вырвался язык пламени и злая женщина запылала, словно пакля. Вскоре от нее осталась лишь горсть пепла.

Прошло несколько лет. Овдовевший хозяин решил второй раз жениться, и тут ему пришло на ум, что сиротка-воспитанница

стала уже взрослой девушкой и что за невестой далеко ходить не надо. Свадьбу отпраздновали скромно и тихо, соседи вечером разъехались по домам, отправились почивать и молодые. На другое утро, войдя в амбар, молодая хозяйка увидела, что ящик с жерновом исчез. Сколько ни искали его по всей округе, сколько ни расспрашивали, не попадался ли он кому на глаза,— так по сей день ничего и не узнали. Волшебный жернов, появившийся из-под земли во время чудесного сна сиротки, был, наверное, таким же чудесным образом возвращен обратно.



ДВЕНАДЦАТЬ СЕСТЕР

У бедного бобыля[1] было двенадцать дочерей, все как на подбор — красивые, румяные, приветливые. Окрестные жители, знавшие бедняка, не могли понять, как ему удается одеть и прокормить такую большую семью. Дивились они и тому, что девочки были всегда умыты, причесаны и одеты в чистые белые сорочки, словно господские дети. Одни думали, что бобылю тайно помогают духи, другие его самого считали либо колдуном, либо мудрецом — повелителем ветров, которому вихри на своих крыльях приносят всякое добро. Но в действительности дело обстояло совсем иначе: у жены бобыля была тайная покровительница, которая кормила, одевала и обучала детей.

Когда бобылиха еще молодой девушкой работала на чужом хуторе, она как-то три ночи сряду видела во сне прекрасную женщину, которая приказывала ей в Иванову ночь придти на берег ручья. Девушка, возможно, и забыла бы об этом сне, но, придя в Иванову ночь к костру, она услышала голосок, тихо звеневший у нее в ушах:

— Иди к ручью, иди к ручью, там ты найдешь свое счастье.

---

[1] Vabadik, pops (эст.) — бобыль, т. е. крестьянин-бедняк, сам не имевший в пользовании помещичьей земли, а живший на земле, сданной помещиком другому крестьянину. (Прим. перев.)

Услышав это, девушка немного испугалась, но потом набралась храбрости, отошла от подруг, веселившихся у костра и качелей, и отправилась к ручью. Чем ближе подходила она к цели, тем сильнее билось ее сердце. Девушка, наверное, повернула бы обратно, если бы голосок, неотступно звеневший у нее в ушах, не заставлял ее идти вперед.

У ручья она увидела женщину в белой одежде, сидевшую на прибрежном камне. Заметив испуг девушки, женщина подошла к ней и протянула ей руку.

— Не бойся, милое дитя, — сказала она ласково, — я не сделаю тебе зла. Выслушай меня внимательно и запомни все, что я тебе скажу. Этой осенью станет к тебе свататься юноша, такой же бедный, как и ты. Но, несмотря на это, ты прими его сватовство. Вы оба хорошие люди, поэтому я и решила сделать вас счастливыми и всегда помогать вам. Но работу не бросайте, продолжайте трудиться, не то счастье ваше будет недолговечно. Вот тебе мешочек, возьми его и спрячь в карман. Там нет ничего, кроме нескольких камешков. Когда у тебя родится первый ребенок, брось один камешек в колодец, и я приду навестить тебя; а станешь крестить ребенка — возьми меня в крестные матери. О сегодняшней же нашей встрече никому не говори ни слова. А теперь прощай!

И женщина исчезла, будто сквозь землю провалилась. Девушка могла бы подумать, что все это ей приснилось, если бы в руках у нее не остался мешочек с двенадцатью камешками.

Все, что было предсказано девушке в Иванову ночь, сбылось той же осенью: она вышла замуж за бедного батрака. Через год молодушка родила первого ребенка. Вспомнив о том, что случилось с ней в Иванову ночь полтора года тому назад, она потихоньку встала с постели, пошла к колодцу и бросила в него камешек. И в ту же минуту перед ней появилась женщина в белом платье.

— Спасибо, что ты вспомнила обо мне, — сказала она приветливо. — Назначь крестины на воскресенье, через две недели. Я тоже приду в церковь и буду твоей дочери крестной матерью.

Когда в назначенный день ребенка принесли в церковь, туда явилась незнакомая молодая женщина, взяла девочку на

руки и держала ее, пока совершался обряд. После крестин женщина завернула в пеленку серебряный рубль и передала ребенка матери.

С тех пор крестная мать являлась всякий раз, как у молодушки рождался ребенок, и дарила каждой крестнице серебряный рубль.

Когда в семье бобыля родилась двенадцатая дочь, гостья сказала молодой матери:

— Отныне я буду для тебя невидимой, хотя попрежнему буду всегда с тобой и твоими детьми. Пусть твои дочери пьют колодезную воду, она даст им больше сил и здоровья, чем самые дорогие кушанья. А когда настанет время выдавать дочерей замуж, каждой из них клади в сундук тот рубль, что подарен мной в день крестин. Не забудь также, что и в будни и в праздник девочки должны быть одеты в чистые сорочки и платки. Никакой другой роскоши они в юности не должны знать.

Сказав это, крестная мать исчезла.

Девочки росли такими здоровыми, что любо было смотреть. Хлеба в доме почти всегда было вдоволь, а иной раз и кроме хлеба кое-что перепадало. И все же казалось, что и дети и родители больше всего набирались сил от простой колодезной воды.

Старшая дочь вышла замуж за богатого хозяйского сына. Приданое у девушки было небольшое — всего лишь кое-что из одежды, но родители все же сделали ей сундук и положили туда подаренный крестной серебряный рубль. Но сундук оказался неимоверно тяжелым — люди едва подняли его на телегу. Они решили, что туда, видно, наложили камней, — другого приданого бобыль дочке дать не мог.

Но как удивилась молодая, когда, приехав к мужу, открыла сундук! Он был доверху наполнен тонкими полотняными тканями, а на дне лежал кожаный мешок, в котором оказалось сто серебряных рублевых монет.

Так случалось каждый раз, когда какая-нибудь из дочерей бобыля выходила замуж. А красавицы долго не засиживались в девушках с тех пор, как в народе прошел слух об их богатом приданом.

Один из зятьев бобыля оказался очень жадным. Ему было мало того, что принесла с собой невеста. «Если родители дают за каждой дочерью такое богатое приданое, — думал он, — значит, у них еще немало добра в доме припрятано».

Как-то, придя к тестю в гости, зять стал клянчить, чтобы тот поделился с ним своим богатством.

Но тесть сказал ему откровенно:

— У меня нет ни гроша за душой — ты же знаешь, что я смог дать дочерям в приданое только по одному единственному сундуку. Все, что каждая из девушек потом нашла в своем сундуке, нажито не мною, а подарено крестной матерью. Она в день крестин дарила каждой девочке по серебряному рублю, который потом в сундуке превращался в богатое приданое.

Жадный зять не поверил тестю и стал грозить ему, что пожалуется в суд: старик, мол, волшебник, колдун, он недобрым путем скопил большие богатства. Но бобыль не чувствовал на своей душе никакого греха и не испугался угрозы зятя. Тот все же подал на него жалобу. Вскоре в суд были вызваны и остальные зятья бобыля. На вопрос судей, столько ли им досталось имущества, сколько и жалобщику, они ответили утвердительно: каждый получил по сундуку, наполненному тканями, и по сто рублей серебром. Это показалось судьям очень странным. Весь окрестный народ знал, что у бобыля не было никакого богатства, кроме двенадцати красавиц-дочерей. Правда, девушки с детства ходили в чистых белых сорочках, но никто из соседей никогда не видел у них ни пряжек, ни брошей на груди, ни пестрого платка на шее.

Посоветовавшись, судьи решили расследовать дело и дознаться, не занимается ли старик колдовством.

Однажды судьи со множеством слуг выехали из города и отправились в лес, где стояла избушка бобыля. Чтобы никто не мог убежать оттуда или потихоньку вынести добро, они решили расставить вокруг домика стражу. Жадного зятя они взяли в проводники.

Достигнув опушки леса, судьи сошли с коней и, оставив здесь часть слуг, отправились пешком по тропинке, ведущей к домику бобыля. Указывавший им дорогу зять просил не шу-

меть и не разговаривать, чтобы не спугнуть волшебника и не дать ему улететь на крыльях ветра.

Когда судьи со слугами приблизились к месту, где ранее стояла избушка бобыля, глазам их вдруг открылось великолепное зрелище. Неподалеку меж деревьев возвышалось прекрасное здание, прозрачное, словно из стекла. И хотя стоял ясный солнечный день, в доме горели сотни свечей. Два воина, с головы до ног закованные в железные доспехи, с длинными мечами в руках, охраняли вход во дворец. Судьи не могли прийти в себя от изумления. Им казалось, что они видят сон.

Тут из дворца вышел красивый юноша в шелковых одеждах и сказал:

— Королева приказала просить старшего судью к себе.

Судья, хоть и побаивался немножко, все же пошел вслед за юношей.

Кто смог бы описать роскошь и блеск, представшие перед его взором! В великолепной комнате на троне восседала женщина, одетая в шелк, бархат и золото. На голове ее блистала золотая корона. А немного пониже на золотых стульях сидели двенадцать прекрасных девушек, наряженных почти так же пышно, как и королева. По обеим сторонам комнаты стояли слуги в белых шелковых одеждах, с золотыми цепочками на шее.

Когда судья, поклонившись, приблизился к трону, королева спросила его:

— Зачем вы выехали сегодня из города со множеством слуг, точно в погоню за преступниками?

Судья хотел ответить, но страх сковал ему язык, и он не смог вымолвить ни слова.

— Мне известно о злобном и лживом наговоре, — продолжала королева, — ибо от моего взора ничто не может укрыться. Приведите ко мне коварного клеветника, но сперва наденьте ему на руки и на ноги железные кандалы. Я совершу над ним свой суд. Пусть войдут в комнату все судьи и их слуги. Они должны видеть и впоследствии засвидетельствовать, что суд был справедливым.

Один из слуг королевы поспешно вышел, чтобы передать приказ. Вскоре в зал ввели клеветника. Его руки и ноги были

закованы в кандалы, и шестеро воинов в железных доспехах окружали его. За ними следовали судьи и их слуги. Когда все вошли, королева молвила:

— Прежде чем свершится суд и виновный будет по заслугам наказан, я должна раскрыть вам тайну. Я — повелительница вод. Мне подвластны все подземные ключи и все истоки рек. Мой муж — старший сын короля ветров, но мы должны были держать наш брак в тайне, пока был жив король-отец, не разрешавший сыну жениться. Я не могла воспитывать детей дома. Поэтому каждый раз, когда у жены бобыля рождалась дочь, я уносила ребенка, заменяя его своим, а дочери бобыля воспитывались в семье моей тетки.

Когда старшая из девушек собралась выходить замуж, мне пришлось вторично совершить обмен. Так я поступала всегда, когда одна из дочерей покидала родительский дом: в ночь перед свадьбой уводила свою дочь, а на ее место приводила дочь бобыля. Старый король ветров давно уже лежал в постели больным и потому не замечал нашего обмана.

В день крестин я дарила каждому ребенку серебряный рубль, который потом в сундуке превращался в приданое для невесты. Все зятья были довольны своими молодыми женами и их приданым, но этот алчный человек, которого вы видите здесь закованным в кандалы, решил оклеветать своего тестя, думая получить таким путем побольше добра.

Две недели тому назад старый король умер, и мой муж стал повелителем ветров. Теперь нам уже не надо держать наш брак в тайне и скрывать детей. Здесь, перед вами сидят мои двенадцать дочерей. Об их приемных родителях, бобыле и его жене, я позаботилась. Они останутся у меня до самой смерти.

— А ты, жалкий клеветник, которого я приказала заковать в кандалы, — сказала королева, обращаясь к зятю бобыля, — должен немедленно понести заслуженную кару. Я велю приковать тебя цепями к золотой горе, чтобы твои жадные глаза всегда видели золото, но руки твои не могли ухватить ни пылинки. Семьсот лет будешь ты терпеть эти мучения, пока смерти не будет позволено взять тебя. Таков мой приговор.

Едва королева произнесла эти слова, раздался страшный грохот, словно разразилась гроза. Земля задрожала, и судьи со слугами упали в беспамятстве. Придя в себя, они увидели, что находятся в лесу, на том самом месте, куда привел их зять бобыля. Но там, где стоял стеклянный дворец со всей своей пышностью и великолепием, теперь из-под земли пробивался холодный прозрачный ручеек.

О бобыле, его жене и жадном зяте в народе ничего больше не слыхали. А овдовевшая дочь бобыля осенью снова вышла замуж и прожила счастливо до самой смерти.

КАК СИРОТА НАШЕЛ СВОЕ СЧАСТЬЕ

Жил однажды на свете бедный поденщик. Работали они с женой от зари до зари не покладая рук, и все же заработка их едва хватало, чтобы прокормить семью. Из троих детей, родившихся у бедняков, в живых остался лишь младший сын.

Когда мальчику было девять лет, родители его умерли один за другим. Сироте ничего другого не оставалось, как пойти по домам просить милостыню у добрых людей.

Год спустя мальчик нанялся пастушонком к зажиточному хуторянину. Хозяин был не злой человек, зато хозяйка, державшая мужа под башмаком и всем в доме управлявшая по своему произволу, была сущая ведьма. Немало горя хлебнул здесь сирота. Побоев, которые терпел он каждый день, хватило бы с избытком на троих, а хлеба никогда не удавалось поесть досыта. Но на лучшую долю надежды не было, поэтому мальчик все сносил терпеливо.

Однажды случилось несчастье — из хозяйского стада пропала корова. До захода солнца бегал мальчик по лесу, обшарил все кусты, но коровы не нашел. Хоть и знал сирота, что ему не сдобровать, все же вечером погнал стадо на хутор.

Еще издали до мальчика донесся голос хозяйки.

— Ах ты, бездельник, пес ты ленивый! Ты куда это запропастился со стадом? — кричала она.

Делать нечего, надо было спешить домой и подставлять спину под хозяйскую палку.

Когда стадо подошло к воротам хутора, было уже совсем темно. Но хозяйка своим острым глазом сразу заметила, что одной коровы не хватает. Не говоря ни слова, она выдернула из изгороди жердь и стала так колотить мальчика, словно хотела его на куски изрубить. В своей бешеной злобе она засекла бы беднягу до смерти или изуродовала бы на всю жизнь, если бы хозяин, услышав крик и плач пастушка, не пришел к нему на помощь. Зная нрав своей жены, он решил прямо в дело не вмешиваться, а действовать обиняком.

— Ты ему кости не ломай, — просительно сказал он жене, — если у него ноги будут целы, он сможет пойти поискать корову. Это нам будет выгоднее, чем отправить его на тот свет.

— Верно, — ответила хозяйка. — С мертвеца взятки гладки. — И, ударив мальчика еще несколько раз, она послала его в лес разыскивать пропажу.

— Без коровы не возвращайся — заколочу до смерти! — пригрозила она ему.

Плача и охая, мальчик вышел из ворот и поковылял в лес, где днем пас стадо. Он бродил по лесу всю ночь напролет, но не нашел и следов пропажи. Наутро у мальчика созрело твердое решение. — «Будь что будет, — сказал он себе, — но домой я больше не вернусь!» — и быстро зашагал куда глаза глядят. Хутор остался позади, и с каждым шагом мальчик все более отдалялся от дома. Долго ли он бежал и далеко ли зашел, сирота и сам не знал. Но когда силы его, наконец, иссякли и он, как мертвый, упал на траву, солнце стояло уже высоко, время шло к полудню.

Очнувшись от тяжелого сна, мальчик почувствовал на своих губах влагу. Он открыл глаза и увидел маленького старичка с длинной седой бородой. Старичок как раз закрывал затычкой флягу, из которой поил мальчика.

— Дай мне еще попить, — попросил сирота.

— На сегодня хватит, — ответил старичок. — Если бы я по пути случайно не забрел сюда, ты бы так и уснул навеки. Ты ведь едва дышал, когда я подошел к тебе.

Потом старичок расспросил мальчика, кто он и куда направляется. Сирота рассказал ему всю свою жизнь, начиная с того времени, как себя помнил, и кончая вчерашним вечером. Рассказал он и о жестоких побоях, из-за которых убежал с хутора. Молча, в глубоком раздумье, слушал старик рассказ сироты и, когда тот кончил, произнес серьезно:

— Милое дитя! Тебе жилось так же, как и многим другим детям, чьи родители уже покоятся в могиле: некому позаботиться о сироте, некому осушить его слезы. Возвращаться к хозяину тебе нельзя. Если уж ты убежал, ищи себе счастья на свете.

У меня нет ни дома, ни земли, ни детей, и я не могу дольше о тебе заботиться. Но я охотно дам тебе хороший совет. Спокойно отдохни здесь до завтра. Утром, когда взойдет солнце, хорошенько заметь то место, где оно встало, и иди в том направлении. Следи, чтобы по утрам солнце светило тебе в глаза, а по вечерам — в затылок. Путь твой далек, но пусть это тебя не пугает, с каждым днем силы твои будут крепнуть. Через семь лет ты увидишь перед собой огромную гору, вышиною до самых небес. Там ждет тебя счастье.

Вот тебе мешок и фляга. В них ты всегда найдешь для себя пищу и питье. Только смотри, ни кусочка хлеба, ни капли питья не расходуй зря, не то источник их иссякнет. Если увидишь голодную птицу или животное, страдающее от жажды, поделись с ними — это тебе разрешено. На дне мешка ты найдешь свернутый лист лопуха. Храни его бережно. Если встретится на твоем пути река или озеро, опусти лопух в воду, и он тотчас же превратится в лодку и перевезет тебя на другой берег. Не забудь потом снова сложить его в мешок.

Старик передал мальчику мешок и флягу, промолвил: «Прощай!» — и исчез.

«Не приснилось ли мне все это?» — подумал мальчик. Но мешок и фляга были у него в руках, значит, старичок приходил наяву. Сирота развязал мешок и нашел там половину каравая, коробочку с соленой салакой, немного масла и жареного свиного сала. Таких яств он давно уже не пробовал. Во фляге же было питье, вкусом напоминавшее не то свежее молоко, не то

мед. Мальчик утолил голод и лег спать, положив под голову мешок и флягу, чтобы их никто не украл.

Наутро сирота проснулся с восходом солнца, подкрепил свои силы и двинулся в путь. К своему удивлению, он, пройдя большое расстояние, совсем не чувствовал усталости, и только голод напомнил ему о том, что наступило время обеда. Тогда он раскрыл свой мешок, наелся досыта и, поспав немного, отправился дальше. С пути он не сбился: заходящее солнце светило ему прямо в затылок.

Так шел он несколько дней, направляясь прямо на восток, пока не увидел перед собой небольшое озеро. Теперь он мог испытать чудесную силу лопуха. Все произошло так, как и предсказывал старик: вместо лопуха на поверхности воды закачалась маленькая лодочка. Мальчик сел в нее, взмахнул веслами и вскоре очутился на другом берегу. Здесь лодочка снова превратилась в лист лопуха, и сирота спрятал его в мешок.

Он странствовал год за годом, но запасы пищи и питья в его мешке никогда не истощались. С того дня, как сирота двинулся в путь, прошло, наверное, лет семь, потому что мальчик успел уже превратиться во взрослого юношу. Однажды он увидел издали высокую гору, которая, казалось, упиралась вершиной в самые тучи. Прошла неделя, пока сирота достиг подножья горы. Здесь он уселся отдохнуть. Ему не терпелось узнать, сбудутся ли предсказания старика.

Вдруг до его слуха донеслось странное шипение. Через несколько минут показалась большая змея, длиной по меньшей мере аршин в двадцать. Она ползла, извиваясь, невдалеке от юноши. Он хотел убежать, но, скованный страхом, не мог двинуться с места. Змея быстро проползла мимо.

Некоторое время вокруг было тихо. Потом до юноши донесся такой звук, словно какое-то большое животное приближалось тяжелыми прыжками — топ-топ! Это была огромная жаба, ростом с годовалого жеребенка. Отвратительное существо, также не замечая юноши, проскакало мимо.

Наконец шум послышался высоко в небе, точно надвигалась буря. Юноша взглянул вверх и увидел в воздухе большого орла. Он летел в ту же сторону, куда скрылись змея и жаба.

«Здесь творятся чудеса, — подумал юноша. — Принесут ли они мне счастье?»

Вдруг вдали показался всадник на вороном коне, скакавший к подножью горы. Конь летел как ветер, точно на ногах у него были крылья.

Всадник, увидев юношу, остановил коня и спросил:

— Проходил тут кто-нибудь?

— Здесь проползла змея длиной, наверно, аршин в двадцать, — ответил юноша. — Потом проскакала большая жаба величиной с годовалого жеребенка и, наконец, пролетел орел. Велик ли он был, я судить не мог, но шум его крыльев напоминал раскаты грома.

— Это мои заклятые враги, — сказал всадник, — я сейчас гонюсь за ними. Я бы охотно взял тебя к себе на службу, если у тебя на примете нет ничего лучшего. Поднимись на вершину горы и на другом ее склоне увидишь мой дом. Я, вероятно, поспею туда к твоему приходу, если не раньше.

Юноша согласился, и всадник быстрее ветра помчался дальше. Идти в гору было нелегко. Три дня пришлось потратить нашему путнику, чтобы взобраться на вершину горы, затем еще два дня спускался он по другому склону. Хозяин оказался уже дома. Он рассказал, что догнал и убил змею и жабу, но орла ему так и не удалось поймать. Потом хозяин спросил юношу, не согласится ли тот наняться к нему в батраки на год.

— В сытной пище недостатка у тебя не будет, ешь сколько душе угодно. А если будешь преданно служить мне, я не поскуплюсь и на жалованье.

После того, как договор был заключен, хозяин повел нового работника по своим владениям, объясняя, какую работу он должен выполнять. Юноша увидел пещеру, вход в которую был закрыт тройной железной дверью.

— В пещере прикованы цепями злые псы, — сказал хозяин. — Ты должен следить, чтобы они не прорыли лапами яму под дверью. Если хоть один из псов вырвется на волю, удержать остальных будет уже невозможно: они пойдут за своим вожаком и уничтожат все живое на земле. Как только последний пес

убежит из пещеры, наступит конец света и солнце взойдет в последний раз.

Потом хозяин подвел работника к горе, сложенной человеческими руками из обломков скал.

— Эти камни собраны для того, — сказал хозяин, — чтобы можно было сразу привалить один из них к дверям, если псы прорoют под ними яму. Быки, которые возят камни, стоят в хлеву. Я покажу их тебе и объясню, что ты должен делать.

В хлеву юноша увидел около ста огромных черных быков; у каждого на голове было по семь рогов.

— Шесть пар этих быков, запряженные в телегу, без труда увезут камень, — сказал хозяин. — Вот тебе железный лом. Как только ты дотронешься до камня, он тотчас же сам скатится в телегу. Видишь, труд твой не сложен, но тем бдительнее ты должен быть. Проверяй двери каждый день по три раза, а ночью — один раз, чтобы не случилось беды.

Юноша быстро освоился с новой работой, и она пришлась ему по душе. Каждый день он ел и пил самые дорогие кушанья и напитки, каких только может пожелать человек. Через два-три месяца юноша заметил, что псы проделали под дверью дыру, сквозь которую уже могли просунуть нос; но к двери сразу же привалили камень, и псам пришлось все начинать сызнова.

Так прошло несколько лет. За это время юноша скопил порядочно денег из своего жалованья. Под конец он затосковал — ему захотелось снова вернуться к людям: ведь он в течение долгих лет никого не видел, кроме своего хозяина. Тот, правда, обращался с юношей хорошо, но все же время здесь тянулось очень медленно и скучно, особенно когда на хозяина нападал беспробудный сон и он спал по семь недель подряд.

Как-то раз, когда хозяин спал, прилетел большой орел и, усевшись на скалу, повел такую речь:

— Ну и глуп же ты, что продался хозяину за хорошую еду и питье. Какой тебе толк от денег, которые ты скопил, здесь ведь их и истратить некуда. Лучше сделай вот что: возьми из конюшни быстроногого коня, привяжи ему на спину мешок с деньгами, сам садись на мешок и поезжай в ту сторону, где заходит солнце. Через несколько недель ты приедешь к людям. Но коня

ты должен держать на железной цепи, чтоб он не убежал домой, не то хозяин живо догонит тебя. А пока у него коня нет, он бессилен.

— Но кто же будет стеречь псов, если я уйду? Ведь хозяин спит, — сказал работник.

— Глупец ты, глупцом и останешься! — ответил орел. — Неужели ты до сих пор не понял, что хозяин-то и обязан стеречь этих адских псов! Но он очень ленив, потому и спит по семь недель. А не будет у него батрака — небось, бросит лентяйничать и сам примется за работу.

Этот совет пришелся работнику по душе, и он поступил так, как велел орел: взял коня, привязал ему на спину мешок с деньгами, сел верхом и поскакал. Не успел он спуститься с горы, как услышал, что хозяин кричит ему вдогонку:

— Стой! Остановись! Забирай себе свои деньги, только оставь мне коня!

Но работник спокойно продолжал свой путь. Через несколько недель он снова очутился среди людей. Вскоре он выстроил себе хороший дом, женился и зажил богато и счастливо.

TRÜ Raamatukogu

ЛЕГКОНОГАЯ ПРИНЦЕССА

В некоем королевстве жила прекрасная принцесса. Слава о ней шла далеко по белому свету. Со всех сторон, с юга и с севера, с востока и с запада, съезжались женихи просить ее руки, и в воротах королевского замка то и дело появлялись знатные всадники на своих лучших скакунах. Но сватовство это было для юношей не таким простым делом, как в наши дни, когда иной жених, обойдя за утро семь домов, все же остается цел и невредим. Люди, добивавшиеся руки прекрасной принцессы, должны были обладать большой смелостью, и вот почему. У королевской дочери ноги были быстры и легки, как ветер, и она поклялась отцу, что не выйдет замуж, пока не найдется такой же быстроногий жених, который мог бы не только догнать ее, но и обогнать. Беда была бы невелика, не будь в этом состязании еще одного условия: жениха, отставшего в беге от девушки, сразу же казнили.

Как ни странно, многие знатные юноши шли на это страшное испытание, хоть и знали, что им грозит опасность сложить свою голову на плахе. Отрубленные головы палач насаживал на колья и выставлял перед королевским замком, словно на посмешище или для устрашения других смельчаков. Тут иной рассудительный человек может сказать, что в этих головах, торчащих на кольях, видно, ума не хватало, иначе незадачливые женихи не продали бы свою жизнь так глупо и за такую дешевую

цену. Но, говоря так, подобные разумники забывают, что у юноши в жилах кипит горячая кровь и иной раз толкает его на безрассудство.

В конце концов торчащие на кольях головы сделали свое дело: наплыв женихов стал уменьшаться, а если кто и заезжал на королевский двор, то, не задерживаясь и так и не попытав счастья, поворачивал обратно. А если и случалось какому-нибудь глупцу посвататься к принцессе, то домой он уже больше не возвращался, а оставлял свою голову на съедение воронам.

Давно уже не слышно было стука конских копыт на дороге, и народ начинал надеяться, что этим пустым попыткам сватовства пришел конец, как вдруг во дворец явился какой-то королевич из дальней страны. Жених этот отличался большой хитростью: прежде чем отправиться просить руки принцессы, он несколько лет подряд ежедневно упражнялся в беге и научился бегать так быстро, что обгонял любого самого сильного и проворного бегуна в своем королевстве.

Однако свататься королевич поехал в карете; он хотел, во-первых, похвастаться своим богатством, а во-вторых, дать ногам отдохнуть перед испытанием. На дорогу юноша взял полпуда золота, привязав его, точно мешок с овсом, позади кареты.

Не успел королевич проехать и несколько верст, как заметил вдали в открытом поле человека, летящего навстречу, словно на крыльях. Через несколько мгновений быстроногий бегун, как ветер, пронесся мимо кареты.

— Стой, стой! — закричал королевич во все горло, чтобы быстроногий услышал его. Тот сразу же остановился. Подъехав поближе, королевич увидел, что у человека к обеим ногам привязано по жернову, и это заставило королевича еще выше оценить силы бегуна.

— Зачем ты привязал к ногам жернова? — спросил королевич.

— Чтобы при быстром беге мои ноги все же касались земли, — ответил человек. — Если бы не груз на ногах, меня бы унесло под небеса.

Королевич тут же подумал: «Такой человек может мне пригодиться. Кто знает, как обернется дело! Может быть, я смогу

послать его вместо себя на испытание, если увижу, что мне самому не справиться».

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил он бегуна.

— Я не прочь, если сговоримся. А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь сколько захочешь, получишь хорошую летнюю и зимнюю одежду, а жалованья — штоф золота в год, — ответил королевич.

Быстроногий согласился, и королевич велел ему сесть на мешок с золотом, привязанный позади кареты.

— Зачем мне садиться? — удивился человек. — Неужели вы думаете, что у ваших коней ноги быстрее и крепче моих? Не беспокойтесь, уж их-то я обгоню.

Так они и отправились дальше.

Вскоре королевич увидел человека, сидящего у обочины дороги; он прицеливался из ружья, словно хотел подстрелить птицу. Но сколько ни вглядывался королевич и его слуги, они нигде, ни на земле, ни в воздухе, не заметили ничего, что могло бы служить охотнику мишенью.

— Что ты тут делаешь? — спросил королевич. Охотник вместо ответа махнул рукой, словно хотел сказать: не шумите, спугнете дичь!

— Что ты тут делаешь? — повторил свой вопрос королевич, но так как ответа опять не последовало, спросил и в третий раз.

— Помолчите, пока я сам не отвечу. Я должен сперва подстрелить дичь, — тихо произнес охотник.

Вскоре раздался выстрел. Охотник сразу же встал и молвил:

— Готово! Теперь я могу вам ответить. В городе Вавилоне вокруг башни давно уже кружился комар, пытаясь сесть на самый кончик шпиля. Я не мог допустить этого: в комаре более пяти пудов весу, и он мог бы сломать тонкий шпиль. Поэтому я и подстрелил его.

— Неужели ты видишь так далеко? — удивленно спросил королевич.

— Да разве это далеко? — засмеялся человек. — Мои глаза видят и намного дальше.

— Погодите! — вскричал Быстроногий. — Я сейчас сбегаю, посмотрю, солгал он или сказал правду.

С этими словами он вихрем сорвался с места и вмиг исчез из виду.

«Этот стрелок тоже мог бы мне пригодиться», — подумал королевич и решил с ним договориться.

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил он Зоркоглазого.

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил тот. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь сколько захочешь, получишь хорошую летнюю и зимнюю одежду, а жалованья — штоф золота в год, — ответил королевич.

Стрелок согласился. В это время подоспел и Быстроногий. Он уже побывал в Вавилоне и без труда нес на спине громадного комара. Затем меткий стрелок уселся на мешок с золотом позади кареты, и все двинулись дальше.

Проехав немного, королевич, который, как и все хитрые люди, ко всему зорко приглядывался, заметил на обочине дороги странного человека: он лежал на боку и, приложив ухо к земле, словно к чему-то прислушивался. Ухо его напоминало огромную трехсаженную трубу.

— Что ты тут делаешь? — спросил королевич.

— В город Рим съехались пять королей, и сейчас у них идет тайное совещание насчет войны. Я хотел узнать, не затронет ли война и нас, — ответил человек.

— Неужели ты слышишь на таком далеком расстоянии? — удивился королевич.

— Разве это далеко? Мое ухо слышит и намного дальше, — молвил человек. — Я мог бы знать все, о чем говорится в мире, будь у меня охота слушать всю эту пустую болтовню.

Королевич решил, что и этот человек может ему пригодиться, и спросил:

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу?

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил Длинноухий. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть сможешь сколько захочешь, получишь хоро-

шую одежду, а жалованья буду тебе платить штоф золота в год, — молвил королевич.

Длинноухий охотно согласился, и они ударили по рукам. Затем он свернул свое длинное трубоподобное ухо, чтоб оно не касалось земли, уселся рядом с Зоркоглазым на мешок с золотом, и они двинулись дальше.

Проехав немного, путники увидели большой лес. Еще издали королевич заметил, что верхушки некоторых деревьев время от времени приподнимаются на несколько саженей над другими и снова быстро исчезают. Юноша спросил слуг, не знают ли они, отчего это происходит, но никто не смог ему ответить. Если дерево рубили, то, падая, оно могло исчезнуть с глаз; но каким образом деревья, прежде чем упасть, приподнимались на несколько саженей вверх, — этого никто понять не мог.

Вскоре наши путники въехали в густой лес и своими глазами увидели, что здесь происходит. Какой-то человек, выбрав нужное ему дерево, обхватывал его обеими руками и вырывал с корнями из земли, словно то была капуста или брюква.

Увидев, что карета остановилась, человек бросил работу и приблизился к путникам. Он подумал, что господин, сидящий в богатой карете, — владелец этого леса и что он хочет запретить ему корчевать деревья. Поэтому человек смиренно произнес:

— Добрый господин! Не гневайтесь, что я без разрешения свалил в вашем лесу несколько тощих деревьев; больших я не трогал. Моя старуха задумала варить кашу и велела мне принести охапку дров. Я как раз хотел взять еще парочку бревен да и отправиться домой, а вы тут и подъехали.

Королевич, пораженный огромной силой человека, подумал: «Представлюсь шутки ради владельцем этих лесов и посмотрю, действительно ли этот дуболом так силен».

— Я не запрещаю тебе брать деревья, — молвил королевич. — Возьми, если хочешь, еще одно, потолще.

Человек обрадовался, выбрал толстое дерево, которое едва мог обхватить руками, и вытащил его из земли.

Тогда королевич спросил его:

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу?

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил человек. — А какую плату вы мне положите?

— Пить и есть будешь сколько захочешь, получишь хорошую одежду, а жалованья — штоф золота в год, — молвил королевич.

Человек почесал в затылке, словно не зная, как ему быть, а потом сказал:

— Позвольте мне снести домой охапку дров и сказать старухе, куда я иду, чтоб она зря меня не дожидалась. Я мигом вернусь.

Получив разрешение, человек взял в охапку выкорчеванные деревья и быстрым шагом пошел домой. Вскоре он вернулся. Королевич был очень доволен, что заполучил еще одного слугу, который может ему при случае пригодиться.

Лес остался позади, и путники долго ехали по широкой равнине. Наконец они увидели невдалеке город, а еще чуть поближе — семь ветряных мельниц, стоящих вдоль дороги. Королевич, внимательно ко всему приглядывавшийся, заметил, что крылья мельниц вертятся, хотя погода стояла такая тихая, что и листок на дереве не колыхался. Проехав немного, юноша почувствовал вдруг порыв ветра, какой проникает иногда в комнату через трубу или щель в стене; но через несколько минут ветер стих, как будто его и не бывало. Юноша оглядывался по сторонам, но никак не мог понять, откуда мог взяться этот ветер. Подъезжая к городским воротам, он заметил на краю дороги невысокого человека. Тот, опершись рукой о большой камень и немного откинувшись назад, другой рукой зажимал то одну, то другую ноздрю.

Остановив лошадей, королевич спросил:

— Что ты тут делаешь, братец?

— Что мне, бедняку, остается делать? Лучшей работы, которая меня кормила бы, я не нашел, вот и решил в тихую погоду, когда нет ветра, дуть на городские мельницы, чтоб они вертелись. А много ли заработаешь на таком пустом деле? Только чтоб с голоду не помереть.

— А разве для тебя это такая уж легкая работа? — спросил королевич.

— В этом вы можете убедиться воочию, — ответил человек. — Рот у меня все время закрыт, кроме того, я зажимаю пальцем одну ноздрю, чтоб не поднимать слишком сильный ветер, а то мельницы разлетятся в куски.

— Не хочешь ли поступить ко мне на службу? — спросил королевич.

— Я не прочь, если сговоримся и если вы положите мне такое жалованье, чтоб я больше не голодал, — ответил человек.

— Ты будешь получать то же, что и остальные слуги, — молвил королевич. — Еды и питья сколько угодно, хорошую одежду и штоф золота в год.

— На это я, пожалуй, согласен, пока не подвернется что-нибудь получше, — обрадованно ответил Ветродуй. — Значит, по рукам! Быка бери за рога, человека лови на слове, — говорит пословица.

Королевич взял с собой нового слугу и со своими пятью спутниками отправился в королевскую столицу искать счастья. Какая судьба ожидает здесь юношу? Женится он на прекрасной принцессе или сложит голову на плахе?

Приехав в город, юноша приказал приготовить для себя и своих спутников жилье в самой лучшей харчевне и велел отпускать его слугам кушанья и напитки, каких они только пожелают. Бросив горсть золотых монет на стол, королевич сказал хозяину:

— Возьми пока эту мелочь; перед тем как уезжать, я расплачусь с тобой как следует.

Затем он приказал созвать со всего города портных и сапожников, которые сшили бы его слугам богатую одежду, ибо его новые работники, хотя и были очень искусны каждый в своем деле, платьем похвалиться не могли. Про них можно было сказать словами поговорки: «Девять должностей, десятая — голод».

Слух о том, что новый жених очень богат, дошел до старого короля еще до того, как юноша явился к нему. А королевич смог отправиться к отцу принцессы лишь на третий день после приезда, так как одежда и обувь для слуг еще не были готовы.

Увидев красивого, цветущего юношу, старый король сказал ему с отеческой лаской:

— Откажитесь, дорогой друг, от этой затеи. Даже если ваши ноги легче легкого, вам не обогнать мою дочь: у нее ноги точно крылья. Жаль мне вашей молодой жизни, загубите вы ее понапрасну!

— Добрый король! — молвил юноша. — В народе говорят, будто тот, кто сам не хочет состязаться в беге с вашей дочерью, может послать на испытание своего слугу.

— Это правда, — ответил король. — Но какой вам толк от такого помощника? Если он отстанет — а это непременно случится, — все равно отвечать придется вам. Не его голова, а ваша будет отсечена и насажена на кол.

Немного подумав, королевич твердо сказал:

— Я решил так: пусть попытает счастья один из моих слуг, а в случае неудачи я отвечаю своей жизнью. Для этого я и приехал в вашу столицу и скорее соглашусь сложить здесь голову, чем отказаться от испытания, людям на посмешище. Пусть уж лучше смеются над мертвым, а не над живым.

Старый король долго еще уговаривал юношу бросить эту опасную затею, но все было напрасно — тот не согласился. Испытание назначили на следующий день.

После ухода королевича король решил поговорить с дочерью и позвал ее к себе. Их разговор услышал из харчевни Длинноухий и передал его королевичу.

— Дорогое дитя, — сказал король дочке. — Многих юношей ты погубила на своем веку, и это не раз печалило мое сердце. Но ни один из казненных женихов не был мне так по душе, как этот молодой королевич, который хочет завтра состязаться с тобой в беге. Он красив и умен. Прошу тебя, ради любви ко мне, умерь завтра быстроту своих ног и позволь жениху или его слуге обогнать тебя. Тогда у меня наконец будет зять, который после моей смерти наследует королевство.

— Что такое? — заносчиво вскричала принцесса, и лицо ее запылало от злости. — Чтоб я стала из-за какого-то юнца скрывать быстроту своих ног, лишь бы выйти замуж? Никогда! Лучше навек остаться старой девой. И кто ему велел сюда ехать?

Я его не звала, сам явился, непрошенный, как и прежние. Ну что ж, в наших лесах жердей хватит и для его безмозглой головы, и для других таких же. Вот как насадят их на колья, тогда уж ветер из них блажь выдует. Если вам жаль этого жениха, отошлите его сейчас же домой, а от меня ему пощады не ждите. Кто не слушает доброго совета — пусть пеняет на себя!

Король, зная крутой нрав дочери, не стал с нею спорить. Только успел Длинноухий передать королевичу услышанный разговор, как в комнату вошел Быстроногий и молвил:

— Мне стыдно у всех на виду бежать с жерновами на ногах. Прикажите купить шесть бычьих кож, сшить из них мешок и нагрузить его железом так, чтобы вес его был равен весу моих жерновов. Тогда все будет в порядке: народ сочтет меня бродячим подмастерьем.

Королевич тотчас же выполнил просьбу своего слуги. Купили нужное количество кож и железа, и на следующее утро мешок был готов.

Взвалив его на спину, слуга отправился к месту испытаний. Непривычный груз на спине сперва немного мешал, но Быстроногий скоро к нему приспособился.

Народ толпами валил смотреть на состязание. Многие смеялись над бегуном, нагрузившим на себя такую тяжесть, иные говорили:

— Умный человек, собираясь бежать, снимает с себя лишнюю одежду, а этот даже мешок не догадается сбросить.

Длинноухий тут же передал все эти разговоры королевичу, но Быстроногий не обратил на них никакого внимания. Местом испытаний служила дорога в семь верст длиной; по обеим сторонам ее были посажены деревья, защищавшие бегунов от жаркого солнца. В конце дороги из-под земли пробивался ручеек. По правилам испытаний бегуны должны были взять с собой пустые бутылки, добежать до родника, наполнить их водой и возвратиться обратно. Тот, кто прибежит первым, обогнав другого хотя бы на шаг или два, считается победителем.

Как только был подан условный знак, принцесса и быстроногий слуга королевича одновременно бросились бежать. Не прошло и нескольких минут, как слуга с мешком на спине, словно

ветер, пронесся мимо девушки, добежал до ручья, наполнил бутылку и помчался обратно. На полпути ему повстречалась королевская дочь, еще только бежавшая к ручью.

— Остановись на минутку, братец! — попросила принцесса. — Я слегка ушибла ногу. Дай мне из твоей бутылки несколько капель воды помочить ушиб, отдохни, а потом побежим дальше.

— Что ж, мне спешить некуда, — ответил слуга. — Если хотите, я посижу тут, пока вы сбегаете к ручью, а обратно побежим вместе.

Когда Быстроногий, не подозревая обмана, присел на землю, принцесса мигом сунула ему под нос снотворное зелье, и он тотчас же уснул. А девушка, взяв у него бутылку, побежала обратно. Все ее проделки видел Зоркоглазый, следивший за состязанием. Он взял свое ружье и так ловко сшиб сучок дерева, что тот упал прямо на нос Быстроногому и разбудил его. Увидев около себя пустую бутылку, а вдалеке — убегающую девушку, слуга испугался и помчался снова к роднику так, что только пятки засверкали. Тут он наполнил бутылку, вихрем понесся обратно, обогнал принцессу и первым прибежал к цели.

Итак, победителем вышел королевич, и голова его осталась цела. Принцесса же вернулась домой вне себя от злости. Она никак не могла примириться с тем, что нашелся на свете бегун, который ее обогнал.

Королевич вернулся со своими слугами в харчевню и приказал устроить для них богатый пир. Бегуна юноша щедро одарил, так же, как и стрелка, который во-время разбудил Быстроногого.

Однако шум пиршества не мешал Длинноухому слушать, о чем говорят между собой в замке король и его дочь.

— Теперь, дорогое дитя, — молвил король, — ты должна будешь выйти замуж. Ничего не поделаешь, нашлись ноги побыстрее твоих. И это меня очень радует, так как, во-первых, не будут больше погибать люди, а во-вторых, у меня будет зять, который мне так по душе.

Король хотел было продолжать, но тут у дочки, наконец, развязался язык, до этой минуты скованный злобой, и из ее милого ротика слова полились, точно вода на мельничное колесо. Королю не удалось больше вставить ни слова.

Принцесса твердо заявила, что если отец задумал насильно выдать ее замуж, то лучше ей тогда расстаться с жизнью. Никакая сила в мире не заставит ее стать женой человека, который одержал над ней победу с помощью своего слуги.

Под конец, воспользовавшись тем, что язычок дочки начал уставать, король снова заговорил с ней. Он пытался действовать и угрозой, и лаской, но все было напрасно.

— По мне, отдайте ему хоть полкоролевства, лишь бы от него откупиться! — вскричала принцесса. — Но в жены он меня не получит.

Королевич сильно опечалился, когда Длинноухий передал ему этот разговор. Но тут вдруг вмешался Дуболом.

— Не горюйте, — сказал он. — Свет не клином сошелся, как думает эта принцесса. Найдутся девушки и покрасивее и пообходительнее ее! Король же пусть заплатит вам неустойку: попросите разрешения взять из его казны столько золота, сколько человек может снести в мешке. А дочка пускай себе сохнет! Скоро на нее никто и смотреть не захочет, не то что к ней свататься.

Королевичу этот совет пришелся по душе. Отправившись на другое утро к королю и услышав от него то же, что вчера узнал от Длинноухого, юноша молвил:

— Я отказываюсь от своего сватовства и прошу разрешить мне взять из вашей казны столько золота, сколько под силу унести в мешке одному человеку.

Король, обрадованный тем, что так дешево отделался, не раздумывая согласился. «Я полагал, что юноша этот похитрее, — размышлял он. — Ему и невдомек, что золото очень тяжеловесно. Самый сильный человек его много не унесет».

На том они и расстались, оба довольные уговором.

В харчевне Дуболом сказал королевичу:

— Пошлите слуг в город и прикажите им скупить все куски парусины, какие найдутся в лавках. Потом позовите пятьдесят портных и велите им сшить из этой парусины, взятой вшестеро, мешок такой длины и ширины, как позволит ткань. В этом мешке я и унесу королевскую неустойку.

Королевич так и сделал. Он пообещал портным, если те к утру сошьют мешок, большую награду. Говорят, стоит только хозяйке начать жарить мясо в печи, как у портного в руках игла так и запляшет; а уж как подгоняла мастеров обещанная плата — и говорить нечего.

Портные всю ночь напролет сидели за шитьем, и у каждого была одна лишь забота — как бы уберечь свои глаза от иглы соседа, чтоб тот их в спешке не выколол.

Незадолго до полудня портные закончили работу, прошив почти все швы мешка по два раза. Мастера получили обещанную плату и наградные в придачу, так что, проработав одну ночь, могли теперь пировать три дня подряд. Дуболом вскинул пустой мешок на спину и отправился в королевскую кладовую за золотом.

Королевский казначей, увидев огромный мешок, сказал с насмешкой:

— Ты, братец, видно, ошибся дорогой: собрался идти за мякиной, а попал сюда. Для денег такой мешок не годится . . .

— Ничего, в большом мешке целее будет, а возьму я столько, сколько смогу унести, — ответил Дуболом.

Разговаривая таким образом, они дошли до кладовой. Когда двери были отперты и стало видно бочки с золотом, казначей спросил в шутку:

— Как ты полагаешь, хватит тут золота, чтоб наполнить твой мешок?

— Увидим, — ответил Дуболом. — Разве можно что-нибудь сказать заранее? Мой хозяин, едучи сюда, думал вернуться домой с молодушкой, а оказывается, ему только и награды будет, что мешочек золота. Ну, что ж, деньги иной раз лучше злой жены.

В ответ на это казначей молвил насмешливо:

— Жаль, что ты не взял с собой совка, дело пошло бы быстрее. А наполнять мешок, да еще такой большой, горстями — это очень скучно.

— Мой покойный отец говаривал в шутку: «Коли нет кружки, пей прямо из кадушки», — ответил Дуболом. Подняв первую бочку с золотом, словно это была корзиночка с легчай-

шим пухом, и попросив подержать мешок, он высыпал в него звенящие монеты. Когда то же самое случилось со второй и третьей бочкой золота, казначей от страха побледнел как полотно. Вскоре все бочки были опорожнены, а мешок еще не был наполнен и до половины.

— Разве у вашего короля нет больше золота? — спросил Дуболом.

— В ящиках у стены еще есть золото, но оно в слитках, — ответил казначей.

— Давайте-ка их сюда, — молвил Дуболом и опорожнил ящики, так же, как и бочки.

Когда все углы и закоулки были очищены, слуга взвалил мешок на спину и отправился к харчевне.

А казначей, которому больше незачем было запирать замки и засовы, со всех ног побежал к королю, чтобы поведать о несчастье. Старый король тоже испугался и велел тотчас же позвать к себе дочь.

— Видишь, какая беда случилась из-за твоего упрямства! — вскричал он. — Вся казна моя пропала, королевич разорил меня, я беден, как церковная мышь! Какой я теперь король? Правитель без денег — как без рук. Даже с врагом теперь не повоюешь! Воины, как услышат, что мне нечем платить им жалованье, так и разбегутся в разные стороны.

— Так оставить дело нельзя! Золото надо вернуть во что бы то ни стало, хоть хитростью, хоть силой, — сказала принцесса.

Но прежде чем они успели что-либо предпринять, королевич покинул город.

— Теперь мы должны действовать силой, — молвила принцесса. — Велите тотчас же созвать все войско и направьте его по следам обманщика. Вряд ли он успел со своим тяжелым грузом уйти далеко.

Приказ короля был исполнен без промедления. На другой день войско выступило в погоню за королевичем — впереди конница, за ней пеший строй. Позади ехали король и его дочь. Чтобы подбодрить воинов, король обещал им в награду третью часть золота, которое будет отобрано у коварного пришельца.

H. Reindorff 1945

А королевич со своим грузом был в это время уже довольно далеко от города. Огромный мешок с золотом нисколько не обременял Дуболома, но передвигаться он мог только пешком; конечно, за хорошие деньги можно бы найти столько лошадей, сколько требовалось для такого груза, но где взять телегу, у которой оси не сломались бы под тяжестью золота?

Когда Дуболом со своим мешком перебрался через высокую гору и присел отдохнуть у ее подножья, Длинноухий рассказал своим спутникам обо всем, что делалось и говорилось в королевской столице. А Зоркоглазый уже видел войско, посланное им вдогонку. Это обеспокоило королевича. Но Ветродуй сказал:

— Мы должны немного отойти от горы, чтобы мне удобнее было дуть на войско, когда оно достигнет вершины.

Путники отправились дальше и вскоре нашли удобное место, где и расположились.

Как только Зоркоглазый объявил, что первый отряд конницы достиг вершины горы, Ветродуй принялся дуть. И — о чудо! Как пыль, поднятая вихрем, взвились к облакам люди и кони. Падая, они разбивались вдребезги. Такая же участь постигла и пешее войско. В конце концов, на горе осталась лишь карета, в которой сидели король с легконогой принцессой.

— Взметнуть их тоже в воздух? — спросил Ветродуй. Но королевич запретил ему это, сказав:

— Попробуем еще раз сговориться с ними по-хорошему.

Затем он поехал в своей карете навстречу королю, учтиво поклонился ему и сказал:

— Вы потеряли все — у вас нет ни денег, ни войска. Как вы теперь сможете править королевством? Отдайте мне руку вашей дочери, и тогда наступит конец всем вашим несчастьям.

Старый король и своенравная легконогая принцесса не стали больше противиться и согласились.

— Не тревожьтесь, — сказал королевич будущему тестю. — Ваше золото я велю тотчас же доставить обратно. А при мудром и заботливом управлении страной в королевстве вырастут новые люди взамен тех, что сегодня были развеяны по ветру. А пока не подрастут новые воины, границы государства будут

охранять мои верные слуги. Один из них обладает такими зоркими глазами, что видит далеко в небе самую мелкую мошкару, второй слышит шорох мыши на глубине ста саженей, третий может унести на спине все золото и серебро королевской казны, а четвертый — развеять в прах целое войско.

Затем все они вернулись в королевскую столицу, и вскоре была отпразднована пышная свадьба, длившаяся четыре недели. Молодой зять поселился у короля, а после его смерти стал править королевством.

ЧУРБАН И БЕРЕСТА

Однажды жил в деревне скупой хозяин. Он был такой скряга, что ни один батрак, ни одна служанка не могли долго ужиться в его доме. Правда, хозяин не требовал с них работы больше, чем другие хуторяне, но кормил слуг так плохо, что беднягам никогда не удавалось наесться досыта. Больше пяти-шести месяцев никто такой жизни выдержать не мог — голод заставлял людей бежать куда глаза глядят.

Мало-помалу пошла про скаредного хозяина дурная молва по всей округе, и никто уж не стал наниматься к нему в работники.

В ту пору жил в Алутага[1] знаменитый мудрец, и хозяин решил сходить к нему за советом. Принес он ему в подарок мешок денег и другое добро и повел такую речь:

— Нельзя ли где сыскать такого батрака и батрачку, которые бы хорошо работали, а хозяина своего не объедали?

— Сыскать, конечно, можно, — ответил мудрец. — Только мне это не под силу. Придется тебе вызвать самого старика![2] Он один может тебе помочь.

И мудрец дал хозяину такое наставление:

— Три четверга подряд, незадолго до полуночи, выходи на

---

[1] Алутага — северо-восточная часть Эстонии, прилегающая к Чудскому озеру с севера.

[2] «Vana peremees» (эст.) — «старый хозяин», одно из наименований черта в эстонской мифологии. (Прим. перев.)

перекресток дорог, прихватив с собой черного зайца в мешке, и там посвисти. На свист и явится старик. А уж сторговаться с ним ты и сам сумеешь. Больше я тебе ничем помочь не могу. Только смотри, чтоб старик тебя не обманул.

— Где же мне взять черного зайца? — спросил хозяин.

— А ты вместо зайца возьми черную кошку, — посоветовал мудрец.

Когда наступил первый четверг, хозяин, засунув в мешок кошку, отправился на перекресток. Хоть и страшновато ему было, он все же свистнул и стал ждать. Но никто не отзывался. Тогда хозяин свистнул еще раз, подумав при этом: «Если он и теперь не явится, значит, я пришел зря».

Только успел он это подумать, как в воздухе послышался шум, словно раздували кузнечные мехи. Над головой у хозяина пронеслось что-то черное, и чей-то голос спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — ответил хозяин.

— Приходи в четверг на той неделе, мне сегодня недосуг торговаться с тобой, — ответил голос, и черная тень тотчас же исчезла.

Крестьянину было досадно, что он потратил время зря, но делать было нечего: когда имеешь дело с самим стариком, надо запастись терпением.

Через неделю хозяин снова пришел на перекресток. На этот раз не успел он свистнуть, как появился маленький старичок с сумой за плечами и спросил:

— Чего тебе, братец, надо?

— Продаю черного зайца, — снова ответил хозяин.

— Сколько ты за него хочешь?

— Дорого не спрошу, — сказал крестьянин. — Дай мне батрака и батрачку, которые бы хорошо работали и меня не объедали.

— На сколько лет думаешь договариваться?

— Да по мне, хоть до конца жизни, — ответил хозяин.

Но старичок сказал, что не может заключить сделку сроком больше, чем на семь или на четырнадцать лет, на что крестьянин и согласился.

— Приходи в четверг на той неделе и захвати с собой своего черного зайца, — сказал старик. — А я приведу тебе за это батрака и батрачку, которые никогда не спросят у тебя ни есть, ни пить. Но запомни: в засуху ты должен класть их на ночь в воду, иначе они завянут и не смогут больше работать.

В третий четверг вечером хозяин снова пришел на перекресток. Только он свистнул, как старик появился, но один — без батрака и батрачки.

— Дай мне три капли своей крови из указательного пальца в залог того, что ты не отступишься от сделки, — потребовал старик.

— А где же батрак и батрачка? — удивился хозяин.

— В мешке, — ответил старик.

Но мешок был так мал, что крестьянин не поверил. Старик, как будто прочтя его мысли, промолвил:

— Не бойся! Я тебя не обманываю. — Он пошарил в мешке, вытащил оттуда узел величиной с пучок кудели и сказал: — Вот твой батрак! — И тотчас же рядом со стариком вырос высокий, широкоплечий парень. Потом старик вытащил из мешка второй узел, из которого вышла девушка.

— Вот твои батраки. Кормить их не надо, — сказал старик. — Теперь дай мне в залог три капли крови и черного зайца и ступай домой.

Хозяин сделал все, что полагалось по уговору, а затем спросил, как зовут его новых работников.

— Батрака зовут Чурбан, а батрачку — Береста, — ответил старик и, засунув мнимого зайца в мешок, пошел своей дорогой. А хозяин с новыми домочадцами отправился домой.

Батрак и батрачка работали на хозяина от зари до зари, но есть никогда не просили, чем скряга был очень доволен. Если иной раз в знойный летний день работники казались усталыми, их клали на ночь в воду, и оба к утру делались такими же свежими и сильными, как и раньше. А скаредный хозяин, которому не надо было кормить батраков и платить им жалованье, богател с каждым годом.

Так прошло семь лет, потом еще без малого семь, и хозяин забеспокоился, что ему скоро придется лишиться таких выгод-

ных работников. Стал он думать, как бы оставить их у себя надольше.

Как-то утром, проснувшись, хозяин увидел, что батрак и батрачка еще не принимались за работу. Думая, что они заспались на сеновале, он приставил к стене лестницу и полез наверх. Но на сеновале было пусто. На постелях батраков лежали только гнилой чурбан и кучка бересты. Тут хозяин понял, что означали имена его работников: батрак и батрачка были, повидимому, колдовским способом сделаны из дерева и бересты.

Хозяин хотел было спуститься вниз, как вдруг чья-то рука схватила его за горло и тут же задушила. Когда жена стала искать мужа, она не нашла на сеновале ничего, кроме трех капель крови. Войдя в амбар, хозяйка увидела, что закрома пусты, а сундук, где хранились деньги, наполнен пожелтевшими березовыми листьями. Так вдруг пропало все нажитое ими добро. Вскоре умерла и вдова хозяина. Она так и не узнала, что мужа задушил старый черт, которому скряга из жадности продал свою душу.

Так получил по заслугам скупой хозяин, наживший богатство нечестным путем.

ЛОПИ И ЛАПИ

Неподалеку от деревни, в убогой лачужке, жил бедный старик-бобыль со своей старухой. Мужа звали Лопи, а жену Лапи. Им словно на роду было написано жить в нищете: за какое бы дело они ни взялись, все у них шло прахом. Были у них когда-то и дети, но все умерли, и остались бобыли к старости без опоры, одинокие, словно два сухих пня. Каждый вечер, усевшись на скамью у печи, старики принимались браниться между собой и ссориться по пустякам. А всякий знает, что во время ссоры человек всегда хочет свалить свою вину на другого и обвиняет его в том, в чем тот вовсе не виноват.

Во время таких перебранок Лопи не раз говорил:

— Посчастливилось бы мне найти жену получше — худо ли было бы жить на свете? Я, может, богатым человеком стал бы...

Но Лапи была куда бойчее на язык, чем ее муж: скажет он одно слово, а она ему в ответ — двадцать. Поэтому стоило ему только рот открыть, как старуха начинала кричать:

— Ах ты, оборванец несчастный! Если я по своей девичьей глупости не сумела найти себе мужа получше, в том, конечно, и моя вина есть. Но, по правде говоря, я часто думаю, уж не колдовством ли ты меня заманил к себе? Кто тебя знает, какое зелье ты мне тайком подмешивал в еду и питье, пока не приворожил меня? Женихов у меня было хоть отбавляй, и если бы я на свою беду не повстречалась с тобой, сидела бы я сегодня бары-

ней за богатым столом. А теперь должна в нищете свой век доживать, и все из-за тебя! И в том, что наши дети поумирали, тоже ты виноват — не сумел ты ни обо мне, ни о них как следует позаботиться!

И так лились ее речи без конца, точно вода в ручье, пока муж иной раз не затыкал ей рот кулаком.

Сидели однажды вечером муж и жена на скамейке у печки и по обыкновению ссорились, как вдруг в комнату вошла женщина в богатом господском наряде. Увидев ее, Лапи умолкла, а Лопи опустил руку, которую занес было, чтобы ударить старуху. Гостья ласково поздоровалась с хозяевами и сказала:

— Вы люди бедные и немало горя видели на своем веку. Но через три дня вашим бедствиям придет конец. Поэтому храните в доме мир и хорошенько подумайте, чего бы вам пожелать, чтобы стать счастливее. Хоть я и кажусь вам обыкновенным человеком, но мне подвластны тайные волшебные силы, и я могу исполнить любую вашу просьбу . . . Три дня даю вам на размышление и три ваших желания обещаю выполнить. Как только вы их выскажете вслух, они тотчас же сбудутся. Но будьте благоразумны и не высказывайте пустых желаний.

Сказав это, женщина попрощалась с хозяевами и быстро вышла из комнаты. Лопи и Лапи, забыв о своей ссоре, молча смотрели на дверь, не зная, что и думать о таком чуде. Наконец муж сказал:

— Пойдем-ка спать. У нас еще три дня впереди. Надо их потратить с толком и хорошенько подумать, чего бы нам пожелать.

И хотя у стариков и было в запасе целых три дня, они полночи не спали и все думали, какие бы желания им высказать.

О, какой мир и тишина царили в избушке все эти дни! Лопи и Лапи словно переродились: они разговаривали между собой ласково, каждый заглядывал в глаза другому, стараясь угадать, чего тому хочется, и исполнить его желание. Однако большую часть дня муж и жена молча сидели в углу, раздумывая, чего они могли бы пожелать.

На третий день после полудня Лопи отправился в деревню, где в то утро у одного из хозяев закололи свинью и сейчас

варили колбасу. Лопи захватил с собой из дому котелок с крышкой и решил попросить у соседки немного навара от колбасы, чтобы сварить в нем вечером капусту. Лопи полагал, что если человек поест хорошей пищи, то и мысли ему в голову придут хорошие.

Вернувшись домой, он поставил на огонь котел с капустой, чтобы ужин поспел во-время.

Вечером, когда настал час высказать желания вслух, муж и жена сели за стол, на котором дымилась миска с капустной похлебкой. Не успели они отведать вкусного кушанья, как Лапи сказала с довольным видом:

— Ай-да похлебка! И сытно, и вкусно! Вот бы к ней еще и колбаски в придачу!

Не успела она произнести эти слова, как вдруг — бац! — с потолка на середину стола упала большая колбаса! Муж и жена были так испуганы, что им и в голову не пришло приняться за колбасу. А Лопи, увидев, что первое желание уже исполнилось, обозлился на жену и крикнул:

— Эх ты, недотепа! Да пусть она у тебя на носу повиснет, если . . .

Но бедному мужичку не пришлось договорить: колбаса уже висела у Лапи на носу, да еще и приросла к нему крепко-накрепко.

Что теперь делать? Два желания пропали зря. И, кроме того, у Лапи был теперь такой диковинный нос, что она ни за что не решилась бы показаться людям на глаза. У мужа и жены, правда, оставалось в запасе еще одно желание, и если бы толком подумать, можно было бы все устроить по-хорошему. Но у бедной Лапи в эту минуту не было иного желания, как избавиться от колбасы, поэтому старуха и высказала его вслух. И в тот же миг колбаса исчезла, словно ее и вовсе не бывало.

Теперь все три желания были высказаны, а Лопи и Лапи попрежнему остались бедняками.

Долго ждали они, не появится ли еще раз чудесная гостья, но так и не дождались. Кто не сумеет во-время поймать свое счастье, тот потеряет его навсегда.

ХИТРОУМНЫЙ

В о времена Калевипоэга в стране Кунгла[1] жил король, обладавший несметными богатствами. Каждые семь лет в середине лета он устраивал для своих подданных большой пир, длившийся обычно две-три недели подряд.

Тот год, о котором пойдет у нас речь, был как раз годом пиршеств, и народ надеялся, что празднества через несколько месяцев начнутся. Но надежды эти могли и не сбыться, так как король уже два раза оказывался вынужденным отменять пир — так было и четырнадцать, и семь лет тому назад. Тогда хоть и запасали множество различных яств для пиршества, но никому из гостей не удавалось их попробовать. Происходило при этом нечто странное, чему трудно было бы поверить, не будь людей, которые своими глазами видели случившееся.

Очевидцы рассказывали, что оба раза, когда угощенье бывало приготовлено и ожидало гостей, к главному повару являлся какой-то неизвестный человек и просил разрешения отведать яств. Но стоило ему опустить поварешку в котел с супом, а ко рту поднести кружку с пивом, как в один миг все амбары, кладовые и подвалы оказывались пустыми и нигде не оставалось ни крошки съестного.

---

[1] Kunglamaa (эст.) — страна Кунгла — наименование страны счастья и изобилия в эстонской мифологии. (Прим. перев.)

Все повара и поварята клялись, что сами все это видели; но возмущение народа, которому не удавалось повеселиться на празднике, было так велико, что королю пришлось семь лет тому назад повесить главного повара, разрешившего неизвестному человеку прикоснуться к яствам.

Чтобы и на этот раз не случилось такой беды, устроителю пира была обещана большая награда. Но так как все же охотников на эту работу не находилось, король в конце концов пообещал отдать свою младшую дочь в жены тому, кто устроит пир. В случае же неудачи тот должен был поплатиться своей головой.

На самой границе страны, далеко от королевской столицы, жил зажиточный крестьянин. У него было три сына. Младший из них с детства отличался живым и острым умом, потому что его тайком воспитывала лесная фея, кормившая иногда мальчика грудью. Отец звал младшего сына Хитроумным и не раз говаривал детям:

— Вам, старшие мои сыновья, придется зарабатывать себе на хлеб насущный тяжелым трудом. А ты, хитроумный малыш, одним умом проживешь и, пожалуй, когда-нибудь и братьев обгонишь.

Перед смертью отец разделил свои поля и луга между старшим и средним сыном, а младшему дал денег на дорогу, чтобы тот мог пострaнствовать по белому свету, поискать себе счастья. Но как только отец умер, старшие братья отобрали у младшего все до последней копейки, вытолкали его из дому и крикнули вслед:

— Ты, хитрец, одним умом проживешь да еще и нас обгонишь. Деньги тебе только лишняя обуза!

Младший брат, не помня зла, беззаботно отправился в путь. «Найду когда-нибудь и я свое счастье!» — утешал он себя, отгоняя грустные мысли. Так шел он, пока не повстречался с двумя ремесленниками-подмастерьями. Обходительность Хитроумного и его веселый нрав пришлись им по душе. Остановившись на отдых, парни предложили юноше закусить вместе с ними, и он с радостью согласился, так как успел к тому времени изрядно проголодаться. Так прожил Хитроумный первый день своих скитаний. Расставшись вечером с парнями, он бодро отправился

дальше. Он был сыт, поэтому не тревожился о завтрашнем дне. Ночлег же юноша мог найти где угодно: зеленая трава заменяла ему постель, синее небо служило крышей, а камень под головой — мягкой подушкой.

На другой день к полудню Хитроумный пришел на хутор, стоявший вдалеке от другого жилья. У дома он увидел горько плачущую молодую женщину.

— О чем ты горюешь? — спросил ее юноша.

— Муж у меня злой, сумасбродный, он каждый день бьет меня, если я ему не угожу. Сегодня приказал он сварить ему на ужин такую рыбу: живет, говорит, она в воде, да не рыба, есть у нее глаза, да не на голове. Где же мне сыскать такого зверя?

— Не плачь, молодушка! — ответил Хитроумный, стараясь утешить ее. — Твоему мужу захотелось поесть раков — рак хоть и живет в воде, да не рыба, есть у него глаза, да не на самой голове.

Женщина поблагодарила юношу за добрый совет, накормила его и дала на дорогу мешок со всякими припасами, которых ему могло хватить на несколько дней. Юноша решил теперь отправиться в королевскую столицу, где, как он считал, должны ценить умных людей. Там он надеялся найти свое счастье.

Куда бы ни заходил Хитроумный по пути, всюду только и разговору было, что о летнем королевском пиршестве. Юноша, услышав, какая награда обещана тому, кто устроит праздник, призадумался. «А не взяться ли мне за эту работу? — размышлял он. — Обойдется дело благополучно — значит, мое счастье, а не выйдет ничего — ну что ж, там и сложу свою голову. Чего мне бояться? Умирать все равно когда-нибудь придется, рано или поздно. Но если я поведу дело с толком, почему бы ему не выйти? Вдруг мне больше посчастливится, чем другим? А не согласится король отдать мне свою дочку в жены — деньги все равно должен будет заплатить. Вот я и стану богатым человеком».

Размышляя так и насвистывая, как жаворонок, шел юноша дальше, отдыхал иногда от дневной жары в тени кустов, ночевал под деревом или на полянке, а к вечеру того дня, когда в мешке кончились все запасы, благополучно добрался до столицы.

На другой день он попросил позволения явиться к королю. Король сразу заметил острый ум и смелость юноши, и они быстро сговорились.

— Как тебя зовут? — спросил король.

— Крещен я Никодимусом, но дома меня всегда звали Хитроумным, а это означает, что у меня голова на месте, — ответил юноша.

— Я тоже буду звать тебя Хитроумным, — молвил король. — Но помни: если случится беда, ты ответишь мне своей головой, сколько бы в ней ни было ума.

Хитроумный попросил у короля семьсот человек себе в помощь и, не медля ни минуты, начал приготовления к пиру. По его приказанию на большой поляне было построено двадцать больших овинов, поставленных четырехугольником и напоминавших мызные хлева. Между постройками оставался просторный двор, в который вели одни единственные большие ворота. В овинах Хитроумный велел сложить огромные печи с котлами и изготовить железные противни, на которых должны были жариться мясо и колбаса и печься кровяной хлеб.

В других помещениях стояли котлы и кадки для варки пива — котлы стояли в кухнях, а кадки под навесами. Помещения без печей были приспособлены под кладовые для холодных кушаний: в одной хранился хлеб, во второй сепик[1], в третьей — булки и все прочее. Все нужные припасы — мука, крупа, соль, сало, масло — были разложены в кучи на дворе. Пятьдесят воинов стояли у ворот и стерегли королевское добро.

Король каждый день приходил посмотреть на приготовления и хвалил юношу за его ум и сноровку. Хитроумный приказал также построить на поляне несколько печей для выпечки хлеба и у каждой печи поставил охрану. К пиршествам закололи тысячу откормленных быков, две тысячи телят, пять тысяч свиней, десять тысяч баранов и множество другого скота. По рекам сновали лодки и ладьи, по дорогам тянулись повозки, груженные всевозможными припасами. Одного только пива было наварено семь тысяч бочек.

---

[1] Sepik (эст.) — хлеб из непросеянной пшеничной муки. (Прим. перев.).

Семьсот человек с утра до ночи были заняты подготовкой к празднику; им иногда помогали и подручные. Но больше всего забот было у Хитроумного — он должен был за всем следить и всем распоряжаться. Поварам, пекарям и пивоварам он дал строгий наказ — не пускать к котлам никого из посторонних и не давать пробовать пищу и напитки. Тому, кто нарушит приказ, угрожала виселица. А если появлялся какой-нибудь неизвестный, его тотчас же отводили к устроителю пира.

В первый же день пиршества утром Хитроумному доложили, что на одной из кухонь появился какой-то незнакомый старик и стал упрашивать повара, чтобы тот разрешил ему отведать праздничных кушаний, но повар ему отказал.

Хитроумный велел привести пришельца к себе. Вскоре в комнату ввели маленького старичка с седой бородой. Он робко попросил разрешения отведать праздничных яств, и юноша, пообещав выполнить эту просьбу, велел старику пройти вместе с ним в одну из кухонь.

По дороге он зорко присматривался, нет ли у старика при себе какой-нибудь необыкновенной вещи, и вдруг увидел у него на безымянном пальце левой руки блестящий золотой перстень. Войдя в кухню, Хитроумный спросил:

— Чем ты можешь поручиться, что не произойдет никакого несчастья, если я дам тебе отведать яств?

— Милостивый господин, у меня нет ничего, что я мог бы оставить тебе в залог, — ответил старик. Но Хитроумный, указав на красивый перстень, велел его отдать в залог. Старик уперся и стал уверять, что перстень дорог ему как память о покойной жене и что он поклялся никогда не снимать его с пальца.

— В таком случае, я не могу выполнить твою просьбу, — молвил Хитроумный. — Без залога никому не разрешается отведывать кушанья. — Но старику так хотелось попробовать вкусной пищи, что он в конце концов отдал юноше перстень. Пришелец только собрался опустить ложку в котел, как Хитроумный сзади ударил его обухом по голове с такой силой, что и бык свалился бы замертво. Но старичок не упал, а только чуть-чуть покачнулся. Хитроумный схватил его обеими руками за бороду и ве-

лел принести крепкую веревку; старика связали по рукам и ногам и подвесили его за ноги к потолку.

— Потерпи, пока не кончится пир, — крикнул юноша с насмешкой, — потом мы с тобой поговорим. А твое волшебное кольцо я оставлю у себя в залог.

Делать было нечего, пришлось старику с этим примириться: он ведь не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

На пир съехались тысячи людей со всех концов страны. И хотя празднество длилось три недели, недостатка ни в кушаньях, ни в напитках не было, наоборот, яств оставалось в изобилии. Народ благодарил и восхвалял короля и Хитроумного, устроивших такой пышный праздник. Когда король предложил юноше обещанную награду, тот сказал:

— Прежде чем брать плату, мне необходимо еще кое с кем свести счеты.

Взяв с собой семь дюжих молодцов, юноша велел им запастись крепкими палками и отправился в кухню, где три недели тому назад оставил старика, подвешенного на балке.

— Эй, люди! — крикнул он молодцам. — Возьмитесь-ка за дубинки покрепче и задайте старичку такую баню, чтоб он на всю жизнь запомнил наше пиршество.

Все семеро принялись колотить старика с такой силой, что казалось, ему вот-вот придет конец. Но от их ударов веревка развязалась, старик упал на пол и вмиг провалился сквозь землю. На том месте, где он исчез, осталась глубокая яма.

— Залог в моих руках, с ним я и отправлюсь вдогонку за стариком, — сказал Хитроумный. — Передайте королю привет и скажите: если я не вернусь, пусть раздаст деньги нищим.

С этими словами юноша спустился в яму и исчез под землей. Подземный ход, по которому он шел, был вначале очень узким, но на глубине нескольких саженей стены его раздвинулись, и Хитроумный теперь мог свободно продвигаться вперед. Вниз вели ступени, так что юноша не боялся поскользнуться в темноте.

Так спускался он довольно долго, пока не очутился перед какой-то дверью. Заглянув в щелочку, он увидел в комнате трех молодых девушек. Подле одной из них сидел знакомый нам старик, положив голову к ней на колени.

— Если еще несколько раз приложить острие ножа к шишке, опухоль спадет и боль утихнет, — говорила девушка.

«Наверное, шишка эта вскочила от удара обухом, которым я наградил старика три недели тому назад», — подумал Хитроумный. Он решил подождать за дверью, пока хозяева не лягут спать и не погасят в комнатах свет.

— Помогите мне пройти в комнату и уложите меня на постель, — попросил старик. — Все тело ноет, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой.

Девушки тотчас же отвели его в спальню и уложили. В сумерки, когда в комнате никого не было, Хитроумный потихоньку пробрался туда и спрятался за бочкой с квасом.

Вскоре девушки вернулись и стали разговаривать потихоньку, чтобы не разбудить старика.

— Шишка — это пустяки, — сказала одна из них, — да и от побоев старик быстро оправится. А вот волшебное кольцо ему никак не вернуть; потеря эта очень велика и мучает его, видно, сильнее, чем боль.

Поздно вечером, когда старик крепко спал, Хитроумный вышел из своего убежища и познакомился с девушками. Те, правда, сперва испугались, но хитрый юноша сумел рассеять их страх, и они в конце концов разрешили пришельцу остаться на ночь в подземелье. От девушек Хитроумный узнал, что у старика есть две чудесные вещи — меч и рябиновый прутик. Юноша решил унести их с собой. Прутик, если им прикоснуться к морским волнам, мог построить мост через море, а мечом можно было уничтожить целое войско.

Хитроумный провел в подземелье весь день, к вечеру раздобыл меч и прутик, а на другое утро до восхода солнца с помощью младшей дочери покинул жилище старика. Однако, выйдя за дверь, он не нашел прежнего подземного хода. Перед ним расстилался просторный двор, а дальше, за лугом, волновалось море.

После ухода юноши девушки принялись так громко спорить, что разбудили старика. Из их слов он понял, что в доме побывал кто-то чужой. Рассердившись, старик вскочил, осмотрелся кругом и увидел, что меч и прутик похищены.

G. Reindorff 1945

— У меня украли самое драгоценное! — зарычал он и, забыв про свою боль, бросился вон из дверей.

Тем временем Хитроумный, сидя на берегу моря, размышлял — испытать ли ему чудесную силу прутика или же поискать сухого пути. Вдруг он услышал у себя за спиной сильный шум, словно надвигалась буря. Обернувшись, юноша увидел старика — тот что было силы бежал к нему. Хитроумный вскочил и успел еще хлестнуть прутиком море, воскликнув: «Мост впереди, вода позади!» Только он вымолвил это, как очутился на мосту, далеко от берега.

Старик, пыхтя и отдуваясь, подбежал к берегу и, увидев вора на мосту, переброшенном через море, остановился.

— Никодимус, сынок, куда ты идешь? — громко закричал он.

— Домой, папаша! — прозвучало в ответ.

— Никодимус, сынок! Не ты ли ударил меня обухом по голове и подвесил меня за ноги к потолку?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли велел семи молодцам избить меня и взял мое золотое кольцо?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли подружился с моими дочерьми?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Не ты ли украл у меня меч и прутик?

— Я, папаша!

— Никодимус, сынок! Вернешься ли ты обратно?

— Вернусь, папаша! — ответил Хитроумный.

Отвечая, юноша в то же время шел вперед, удаляясь от берега, и вскоре перестал слышать старика.

Перебравшись через море, Хитроумный разузнал, как поближе пройти в королевскую столицу, и поспешил за обещанной наградой.

Но тут дело обернулось совсем по-другому. Пока Хитроумного не было в городе, его братья поступили на службу к королю — один кучером, другой камердинером. Оба жили в полном достатке.

Когда Хитроумный явился к королю за обещанным вознаграждением, тот молвил:

— Я ждал тебя целый год и хотел было раздать твое жалованье бедным, как ты велел. Но тут вдруг объявились твои старшие братья и потребовали, чтобы их считали твоими наследниками. Они передали дело в суд, и деньги присудили им, так как думали, что тебя нет в живых. А потом я взял твоих братьев к себе на службу.

Хитроумный подивился рассказу короля: он полагал, что провел в подземелье у старика всего две ночи да на обратный путь потратил несколько дней. А тут вдруг оказалось, что каждая ночь равнялась году.

Юноша не захотел судиться с братьями, оставил им все деньги и начал искать себе новую службу. Он благодарил судьбу и за то, что остался жив.

Королевский повар взял Хитроумного себе в подручные. Юноша теперь целыми днями крутил вертел, на котором жарилось мясо. Старшие братья презирали младшего за его низкую должность и не хотели с ним знаться, но Хитроумный все же любил их. Однажды вечером он рассказал братьям о том, что в подземном царстве, где он побывал, гуси и утки покрыты золотыми и серебряными перьями. Братья передали это королю и посоветовали ему послать Хитроумного за редкими птицами.

Король, позвав к себе юношу, велел ему наутро собираться в путь, в ту страну, где живут златоперые птицы.

С тяжелым сердцем отправился Хитроумный в дорогу, взяв с собой волшебное кольцо, прутик и меч. Через несколько дней юноша добрался до берега моря и увидел тут какого-то старика с длинной седой бородой, сидящего на камне. Когда Хитроумный подошел поближе, старец спросил его:

— Чем ты опечален, братец?

Юноша рассказал о своем горе. Старик его утешил и посоветовал смело идти вперед.

— Пока волшебное кольцо в твоих руках, — сказал он, — с тобой ничего плохого не случится.

Затем он дал Хитроумному раковину, велел построить мост с помощью волшебного прутика и сказал:

— Как дойдешь до середины моря — ступи левой ногой в раковину, и ты сразу очутишься в подземном царстве. Хозяева в это время будут спать. Сшей из паутины мешок, сунь в него златоперых птиц и немедленно возвращайся обратно.

Поблагодарив мудреца за добрый совет, Хитроумный отправился в путь.

Все случилось так, как предсказывал старик. Но только успел Хитроумный добраться со своей добычей до берега моря, как вслед за ним, пыхтя и отдуваясь, прибежал старый черт.

Идя по мосту, Хитроумный услышал те же вопросы, что и в прошлый раз: «Никодимус, сынок! Ты ли ударил меня обухом по голове и подвесил меня за ноги?» — и так далее. Не забыл старик упомянуть и о краже златоперых птиц. Хитроумный, ответив на все вопросы «да», поспешил убежать.

Как и предсказывал добрый старик, Хитроумный со своей драгоценной добычей к вечеру добрался до города. Мешок из паутины был так крепок, что ни одна птица не смогла из него вырваться.

Король наградил юношу и велел ему наутро снова собираться в путь: он слышал от братьев Хитроумного, что у хозяина подземного царства много золотой и серебряной утвари, и королю захотелось завладеть ею.

Хитроумный не осмелился перечить королю и, понурив голову, отправился в путь с тяжелым сердцем, раздумывая о том, удастся ли ему на этот раз вернуться благополучно. На берегу моря его снова поджидал седобородый старичок.

— О чем ты печалишься? — ласково спросил он юношу.

Узнав, куда тот направляется, старик дал Хитроумному раковину и горсть камешков и стал поучать его:

— Постарайся придти к старому черту после обеда. Если увидишь, что хозяин спит, девушки сидят за прялками, а старуха на кухне начищает золотую и серебряную утварь, взберись потихоньку на трубу и сбрось сверху завязанные в мочалку камешки старухе на голову. Потом слезай, сунь дорогую утварь в мешок и уходи как можно скорее.

Хитроумный поблагодарил мудреца и во всем последовал его совету. Но узелок с камешками, как только выскользнул у

него из рук, сразу же превратился в шестипудовый мешок, наполненный круглыми булыжниками величиной с куриное яйцо. Старуха была вмиг раздавлена его тяжестью. Хитроумный же быстро засунул всю золотую и серебряную утварь в мешок из паутины и поспешил в обратный путь.

Старый черт, услышав грохот падающих камней, подумал: «Наверное, труба свалилась», — и сразу не пошел взглянуть, что случилось. Потом он окликнул старуху, но никто ему не ответил. Тогда старик поднялся, заглянул на кухню и, увидев, что стряслась беда, погнался за вором. Хитроумный был уже на мосту, когда черт, пыхтя и отдуваясь, прибежал на берег.

— Никодимус, сынок! — вскричал старик и повторил все свои вопросы от начала до конца, не забыв прибавить и последний:

— Никодимус, сынок! Не ты ли украл у меня золотую и серебряную утварь?

— Я, папаша! — ответил юноша.

— Никодимус, сынок! Придешь ли ты ко мне еще раз?

— Нет, папаша! — молвил Хитроумный и отправился своей дорогой.

Как ни бранился старый черт, как ни проклинал вора, но задержать его не мог, так как все вещи, обладавшие волшебной силой, были в руках у юноши.

На другом берегу моря Хитроумный опять встретил доброго старичка и присел рядом с ним отдохнуть, сбросив с плеч тяжелый мешок. Донести его он смог только с помощью волшебного кольца. Тут старичок сказал юноше:

— Братья ненавидят тебя. Они постараются во что бы то ни стало с тобой разделаться, если ты во-время не раскроешь их коварные замыслы. Они уговорят короля отправить тебя на такую работу, где тебя ждет верная смерть. Сегодня ты явишься к королю с богатой добычей, и он встретит тебя приветливо. Воспользуйся этим и попроси, чтобы королевская дочь в сумерки тайком подошла к дверям комнаты, где живут твои братья, и послушала, о чем они говорят между собой.

Когда Хитроумный явился к королю с грузом сокровищ, которые едва могли увезти десять лошадей, тот приветливо

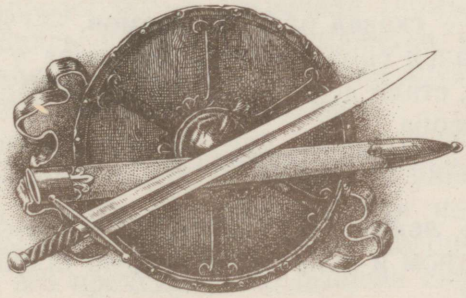
встретил его и был к нему очень ласков. И юноша поступил так, как советовал ему мудрый старик.

Король, обрадовавшись, что Хитроумный не потребовал большего вознаграждения, велел дочери пойти вечером к дверям и послушать, о чем будут говорить кучер и камердинер.

Братья, избалованные беззаботной жизнью, стали хвастать друг перед другом своим счастьем и, что было еще глупее, — клеветать на королевскую дочь.

Вне себя от стыда и злобы, принцесса прибежала к отцу, со слезами на глазах передала ему бесстыдную клевету, которую слышала собственными ушами, и попросила наказать виновных. Король велел немедленно заточить лжецов в тюрьму, а на другой день, когда они признали свою вину перед судом, приказал их казнить. А Хитроумный сделался советником короля.

Через несколько лет какой-то иноземный властитель с большим войском напал на королевство, и Хитроумный отправился воевать с врагом. Тут он впервые вытащил из ножен меч, добытый в подземном царстве, и стал косить им вражеские войска. Вскоре на поле брани не осталось ни одного чужеземца. А король был так обрадован этой победой, что отдал свою дочь замуж за Хитроумного.



ССОРА ГНОМОВ

ел однажды по лесу путник. Выйдя на небольшую полянку, он увидел трех гномов, которые громко спорили и ссорились между собой. Они били друг друга, толкали, кусали, топтали ногами и таскали за волосы, так что страшно было смотреть. Человек, подойдя поближе, спросил, из-за чего они ссорятся.

— Хорошо, что ты пришел! — закричали гномы. — Ты будешь судьей в нашем деле и поможешь разрешить наш спор.

— Расскажите сначала, из-за чего у вас вышла ссора, иначе я не смогу вас рассудить, — ответил прохожий. — Только не кричите все сразу, а говорите поодиночке и толково, чтоб я вас понял.

— Хорошо, — сказал один из гномов. — Я расскажу тебе, с чего у нас начался спор. Видишь ли, вчера у нас умер отец и мы, трое братьев, стали делить между собой наследство. Вот тут и вышла у нас ссора.

— А какое наследство оставил вам отец? — спросил прохожий.

— Вот здесь лежит все оставшееся после него имущество, — молвил гном и показал на старую шляпу, пару лаптей и крепкую дубинку.

— Будьте же благоразумны! — ответил путник. — Неужели из-за таких пустяков можно ссориться? Лучше выбросить этот хлам в навозную кучу! А если вы не хотите это делать — раз-

делите между собой имущество поровну. Вас трое, и от отца осталось три вещи: поэтому пусть один из вас возьмет шляпу, другой — лапти, а третий — дубинку, и спору конец!

— Нет, так не выйдет! — закричали гномы. — Эти вещи нельзя делить, иначе пропадет их волшебная сила. Они должны оставаться вместе.

Когда путник стал расспрашивать, почему этот негодный хлам нельзя делить, один из гномов ответил:

— Эта старая безобразная шляпа — величайшее сокровище. Стоит ее надеть — и ты будешь видеть все, что происходит на свете, и даже сможешь читать мысли людей. А если ты наденешь на ноги лапти и скажешь: «Хочу перенестись в Курляндию или в Польшу», — то стоит тебе только поднять ногу — и ты сразу очутишься там, где пожелаешь. А возьмешь в руку дубинку и взмахнешь ею в воздухе, в тот же миг все перед тобой растает, превратится в воду, будь то друзья или враги. Даже скалы, горы и злые духи — все от взмаха этой дубинки разлетается в пух и прах. Дубинка эта сильнее молнии. Теперь ты понимаешь, что эти три вещи неотделимы друг от друга и мы должны пользоваться ими по очереди: один сегодня, другой — завтра, третий — послезавтра.

— Странная история, — заметил прохожий, которому в это время пришла в голову забавная мысль. — Но чтобы решить ваш спор, я должен сперва сам проверить, так ли обстоит дело, как вы говорите.

— Что ж, проверяй! — закричали гномы в один голос. — Но только торопись. Сегодня в Курляндии справляют богатую свадьбу, на которую собрались все наши друзья и родственники. Нам тоже хочется попасть на праздник.

— Вы сможете попасть туда, если эти вещи действительно обладают волшебной силой, — ответил путник. Взяв в руки старую шляпу, он увидел, что она сделана не из войлока, а из кусочков человеческих ногтей. А когда человек надел шляпу на голову, глазам его представилась пышная свадьба в Курляндии. Кроме того, он мог видеть все, что совершалось на белом свете.

— Дайте-ка мне теперь лапти и палку, — сказал он гномам, — а сами станьте в ряд, спиной ко мне, а лицом к солнцу, и

не оборачивайтесь до тех пор, пока я не скажу, как должно быть поделено наследство.

Глупые гномы беспрекословно выполнили приказ своего судьи. А тот, взяв в руки палку и размахнувшись изо всех сил, ударил их по спинам. И в ту же минуту гномы исчезли, словно их и не бывало. А на том месте, где они стояли, на листе лопуха заблестели три капли воды.

Обрадованный своей удачей, путник решил отправиться в Курляндию. Он поднял ногу и закричал:

— В Курляндию, на свадьбу! — и в тот же миг очутился на празднике.

Здесь собралось очень много гостей — и знатных, и простого люда, так как свадьбу справлял богатый и именитый хозяин. Обладатель волшебной шляпы, взору которого было открыто все, и зримое и незримое, взглянув вверх, увидел под потолком и на балках множество маленьких духов; их было гораздо больше, чем званых гостей. Но никто, кроме пришельца, не замечал их.

А духи вели между собой разговор:

— Смотрите! — крикнул один из них. — Старый дядюшка тоже пожаловал на свадьбу!

— Неправда! — возразил другой. — На нем дядюшкина шляпа, лапти, в руках дядюшкина дубинка, но все же это не дядюшка.

Между тем на стол подали различные яства в чашах, покрытых крышками. И тут наш путник увидел то, чего никто другой никогда бы не заметил: хорошие кушанья с удивительной быстротой исчезали и заменялись другими, похуже. То же происходило и с напитками в бутылках и кувшинах.

Пришелец узнал, где находится хозяин дома, подошел к нему, вежливо поздоровался и сказал:

— Не сердитесь, что я незваным пришел на ваш праздник.

— Добро пожаловать! — ответил хозяин. — Еды и питья у нас вдоволь, поэтому один-два лишних гостя нам не могут быть в тягость.

— Я тоже полагаю, что несколько лишних гостей не помешают вам, — ответил пришелец. — Но если незваных гостей больше, чем званых, то это может нанести ущерб самому богатому хозяину.

— Я не понимаю вас, — сказал хозяин.

Тогда гость снял шляпу и, передав ее хозяину, молвил:

— Наденьте мою шляпу и взгляните на потолок, тогда вам все станет ясно.

Хозяин надел шляпу и посмотрел на потолок. Увидев проделки маленьких духов, он побледнел как мертвец и сказал испуганно:

— Ой, братец! Я и не подозревал, что здесь есть такие гости. Когда я снимаю шляпу, они становятся невидимыми. Как же мне от них избавиться?

— Я мигом выпровожу непрошенных гостей из вашего дома, если вы попросите всех приглашенных ненадолго выйти из комнаты, хорошенько закроете двери и окна и позаботитесь о том, чтобы в стенах не осталось ни единой щели или скважины.

Хозяин, хотя и сомневался в успехе, выполнил все наставления своего гостя и попросил его поскорее выгнать маленьких расхитителей.

Через несколько минут званые гости покинули комнату, двери, окна и щели были тщательно закрыты, и пришелец, оставшись один на один с маленькими духами, стал так размахивать своей дубинкой под потолком и по углам, что любо-дорого было смотреть! Через несколько минут все духи были уничтожены, а на полу комнаты оказалось много водяных капель, словно прошел сильный ливень. Одна щелочка в стене случайно оказалась незаткнутой: через нее одному из духов удалось выбраться из комнаты, но и ему, когда он удирал, крепко досталось от волшебной дубинки. На дворе он долго охал:

— Ай, ай, как больно! Меня не раз поражали стрелы старика Грома, но дубинка эта бьет куда сильнее!

Хозяин же надел волшебную шапку, увидел, что комната очищена от духов, и попросил гостей войти обратно.

Сидя за свадебным столом, пришелец прочел тайные мысли жениха и невесты и узнал то, что было скрыто от всех остальных. Жених думал больше о том, чтобы завладеть богатством тестя, чем о своей молодой жене, а невеста, у которой в девичестве случился грех, надеялась путем замужества скрыть свой позор.

Жаль, что в наши дни такой шапки нигде не достать!

ХИТРЫЙ АНТС

Яеревенский пастор давно уже искал себе такого батрака, который, помимо другой работы, взялся бы каждую полночь звонить в церковный колокол. Правда, у пастора в услужении перебывало несколько хороших работников, но стоило батраку ночью отправиться на колокольню отзванивать полночь, как он вдруг бесследно исчезал, словно сквозь землю проваливался.

И хотя пастор все это держал в тайне, все же слухи о внезапном исчезновении людей со временем все больше распространялись. Злые языки поговаривали даже, что пастор якобы сам и душит своих батраков.

Пастор, видя, что к нему никто не хочет наниматься, увеличил жалованье втрое, а кроме того обещал каждый день хорошо кормить батрака. Несколько месяцев подряд, каждое воскресенье после проповеди, он взывал с церковной кафедры:

— Мне нужен хороший батрак, обещаю ему сытную еду и щедрую плату! — и так далее. Но все было напрасно.

Тут-то и пришел наниматься к попу хитрый Антс. Он незадолго до этого работал у скупого хозяина и порядком у него изголодался. Вот и соблазнили парня обещанные пастором хорошие харчи. Антс заявил, что хочет сразу же взяться за работу.

— Хорошо, сын мой, — сказал пастор, — если у тебя достаточно смелости и веры в бога, то отправляйся сегодня же ночью звонить в колокол. А завтра сговоримся окончательно.

Антс согласился и пошел в людскую. Предстоящее испытание его нисколько не тревожило.

Пастор был большой скряга. Все ему казалось, что его объедают. В часы, когда работники садились за стол, он частенько заходил в людскую, надеясь, что в его присутствии батраки побоятся много есть. Он уговаривал их почаще пить во время еды, думая, что тогда им меньше есть захочется.

Но Антс оказался хитрее своего хозяина; опорожнив единым духом ковш, он сказал:

— Вот и для еды вдвое больше места стало!

Пастор поверил и с того дня перестал уговаривать людей побольше пить.

А Антс посмеивался исподтишка, довольный тем, что проделка его удалась.

Примерно за час до полуночи новый батрак пошел в церковь. Там горел свет. Войдя внутрь, Антс очень удивился: он увидел перед собой множество людей, которые, как видно, пришли сюда не затем, чтобы помолиться.

Люди сидели за длинным столом и играли в карты. Антсу стало страшновато, но он и виду не подал, смело подошел к столу и подсел к игрокам. Один из них заметил его и спросил:

— Тебе, братец, чего здесь надо?

Антс в упор посмотрел на него, а потом, усмехнувшись, сказал:

— Эх ты, умник, лучше помалкивал бы! Уж если кто и имеет право здесь задавать вопросы, так это я. А раз я своим правом не пользуюсь, то и вам лучше держать язык за зубами.

Затем, взяв карты, он стал играть с незнакомцами, как будто это были его лучшие друзья. Ему везло — сколько бы он ни ставил, все возвращалось к нему вдвойне, так что карманы у некоторых игроков совсем опустели.

Но вот пропели петухи, наступила полночь. Тут вдруг погасли свечи, а игроки мгновенно пропали вместе со столом и скамейками. Антсу пришлось в темноте ощупью искать себе дорогу, пока он, наконец, не нашел лестницу, ведущую на колокольню.

Поднявшись по первой лестнице, он увидел маленького безголового человечка, сидящего на последней ступеньке.

— Эй, малыш! Тебе чего здесь надо? — спросил Антс и, не дождавшись ответа, дал ему сильный пинок ногой, так что безголовый скатился вниз по лестнице. На втором, третьем и четвертом пролете лестницы он повстречал таких же безмолвных стражей. Он всех их спустил вниз, друг за дружкой, так что у них только кости затрещали.

Наконец Антс беспрепятственно добрался до колокола. Взглянув вверх, чтобы проверить, все ли в порядке, он увидел еще одного безголового человечка, который, сгорбившись, сидел в колоколе. Человечек отвязал от колокола язык и, видно, ждал той минуты, когда Антс возьмется за веревку и можно будет сбросить ему на голову тяжелый язык, который, наверное, убил бы звонаря.

— Стой, дружок! — воскликнул Антс. — Такого уговора у нас с тобой не было. Ты, наверное, уже видел, как я спускал с лестницы твоих маленьких соседей, чтобы они не утруждали своих ножек? Скоро и ты полетишь туда же. Но так как ты сидишь выше всех, то я и отправлю тебя с большим почетом. Я выброшу тебя из окна, чтобы у тебя не было больше охоты возвращаться обратно. — Сказав это, он приставил лестницу, чтобы, взобравшись на нее, вытащить из колокола маленького человечка.

Человечек, видя, что ему не сдобровать, стал просить:

— Братец! Смилуйся надо мной! За это я тебе обещаю, что ни я, ни мои товарищи никогда не будем тебе мешать звонить по ночам. Я, правда, мал и уродлив, но кто знает, может быть, мне когда-нибудь удастся отплатить тебе за твое благодеяние.

— Ах ты, пигалица! — засмеялся Антс. — Твоей благодарности и комар на хвосте не почувствует! Ну, счастье твое, что я сегодня в хорошем настроении. Так и быть — живи! Однако берегись попадаться мне на глаза, в другой раз я с тобой шутить не стану.

Безголовый смиренно поблагодарил Антса, спустился, как белка, вниз по веревке и побежал по лестнице так, что только пятки засверкали.

А Антс стал на радостях названивать в колокол.

Услышав в полночь звон колокола, пастор очень удивился

и обрадовался, что наконец нашел батрака, которому посчастливилось выдержать испытание.

Выполнив работу, Антс отправился на сеновал и улегся спать.

У попа была привычка вставать рано утром, чтобы проверить, все ли батраки взялись за работу. Все были на своих местах, только Антса нигде не было видно.

Прошло утро, солнце уже приближалось к полудню, а Антс все еще не появлялся. Пастор испугался — не случилось ли со звонарем такой же беды, как и с прежними батраками. Но когда стали бить в колотушку, созывая людей на обед, явился и Антс.

— Где ты был до сих пор? — спросил поп.

— Спал, — ответил, зевая, Антс.

— Спал! — воскликнул удивленно поп. — Уж не думаешь ли ты каждый день спать до полудня!

— Конечно, думаю, — ответил Антс. — Ведь ясно как день, что один человек не может сразу служить двум хозяевам. Тот, кто днем работает, должен спать ночью, а тот, кто трудится ночью, — отдыхает днем. Освободи меня от ночной службы, тогда я буду работать от зари до зари. А если ты велишь мне звонить ночью на колокольне, тогда уж давай мне отсыпаться до обеда.

После долгих споров, наконец, уговорились, что Антс по ночам звонить не будет. Зато он должен работать от зари до зари, может отдыхать полчаса после завтрака, целый час после обеда, а в воскресные дни будет совсем свободен.

— Но, — сказал поп, — иной раз может случиться, особенно зимой, когда дни короткие, что поработать придется и дольше.

— Нет, я не согласен, — воскликнул Антс, — ведь летние дни куда длиннее. Я не буду больше работать, чем мне полагается, — по будням от зари до зари.

Вскоре пастора пригласили в город крестить ребенка в какой-то богатой семье. И хотя от церковной усадьбы до города было всего несколько часов езды, Антс взял с собой из дому мешок с едой.

— Зачем ты берешь с собой еду? — спросил пастор. — Ведь к вечеру мы будем в городе.

Антс ответил:

— Кто знает, что может в дороге случиться, вдруг наша поездка затянется. А ведь по нашему уговору я должен вам служить только до захода солнца. Если же солнце зайдет раньше, чем мы доберемся до города, то придется вам ехать дальше одному, без меня.

Поп принял эти слова за шутку, ничего не ответил Антсу, и они тронулись в путь.

Недавно выпал снег, ветром намело сугробы, и дорога местами была так занесена, что нельзя было ехать быстро. Невдалеке от города путники должны были проезжать густым лесом. Когда они добрались до его опушки, солнце уже склонялось к закату. В глубоком снегу кони плелись шаг за шагом, а Антс то и дело оборачивался и поглядывал на солнце.

— Что ты так часто оглядываешься назад? — спросил пастор.

— У меня ведь на затылке глаз нет, чтобы следить за солнцем, — ответил Антс.

— Оставь свои глупые шутки, — сказал поп, — постарайся лучше, чтоб мы засветло поспели в город.

Антс ничего не ответил, но продолжал время от времени оглядываться на солнце.

Когда они добрались до середины леса, солнце зашло. Антс остановил лошадей, взял свой мешок с едой и вылез из саней.

— Ты что, с ума сошел, Антс? Что ты хочешь делать? — спросил поп.

На это Антс спокойно ответил:

— Хочу устроиться здесь на ночлег — солнце зашло и моя работа кончена.

Хозяин и уговаривал, и просил, и даже угрожал, но, увидев, что все это не помогает, пообещал Антсу хорошие чаевые и прибавку к жалованью.

— Как вам не стыдно, господин пастор! — сказал Антс. — Неужели вы хотите быть искусителем и свести меня с пути истинного, чтобы я отступился от нашего уговора? Уговор дороже денег, поэтому все сокровища мира не могут меня прельстить.

Хотите сегодня вечером попасть в город — езжайте сами, а я не могу дальше с вами ехать. На сегодня моя работа закончена.

— Антс, милый ты мой, золотой мой! — сказал поп. — Я не вправе оставлять тебя одного. Оглянись кругом, сам увидишь, какое опасное место ты себе выбрал для ночлега. Вон там стоит виселица, на ней и сейчас еще болтаются два разбойника, а души их горят в аду. Неужели ты хочешь ночевать рядом с такими соседями?

— А почему бы и не заночевать? — спросил Антс. — Мошенники висят наверху, я же хочу устроиться внизу, на земле; таким образом мы не будем мешать друг другу.

Сказав это, он повернулся к хозяину спиной и, взяв мешок с едой, пошел своей дорогой.

Чтобы не лишиться платы, полагающейся за крестины, поп вынужден был ехать в город один. Там немало удивились, увидев, что пастор приехал без кучера. А когда он рассказал, что с ним приключилось, люди так и не смогли решить, кто глупее — хозяин или слуга.

Антсу же и дела не было до того, что говорят или думают о нем люди. Утолив голод едой, захваченной с собой из дому, он закурил трубку, приготовил себе местечко под ветвистой елью, закутался в теплую шубу и вскоре заснул.

Через несколько часов его вдруг разбудил какой-то крик. Ночь была лунная. Невдалеке, под сенью ели, стояли два безголовых человечка и сердито перебранивались между собой. Антс поднял голову, чтобы получше разглядеть их, но человечки в тот же миг закричали:

— Это он и есть, это он!

Один из них подошел к Антсу и сказал:

— А, старый знакомый! Счастливый случай свел нас снова. Мои кости все еще побаливают после того, как ты нас спустил с церковной колокольни. А может быть, ты уже об этом позабыл? Теперь настал и наш черед проучить тебя так, чтобы ты еще несколько недель вспоминал нашу встречу. Эй, братцы! Возьмитесь-ка за дубинки и принимайтесь за дело.

Словно огромная туча комаров, налетели отовсюду безголовые человечки. Каждый держал в руке большущую, крепкую ду-

бинку. Маленьких противников было такое множество и они наносили Антсу такие сильные удары, что он и защищаться не мог. «Конец мне пришел!» — подумал он про себя.

Но, на его счастье, в это время появился еще один маленький человечек.

— Стойте, братцы, стойте! — закричал он своим сородичам. — Этот человек однажды сделал мне добро, и я остался у него в долгу. Он даровал мне жизнь, когда я был в его власти. Хоть он и сбросил кое-кого из вас с лестницы, но, к счастью, никто не покалечился. А ушибленные места вы уже давно распарили в бане. Поэтому простите его и идите домой.

Безголовые человечки быстро согласились и спокойно пошли своей дорогой. Тут Антс узнал своего избавителя: это был тот ночной дух, что сидел тогда в колоколе.

Человечек подсел к Антсу под ель и сказал:

— Ты тогда посмеялся над моими словами. А ведь я говорил тебе, что, может быть, наступит время, когда и я тебе пригожусь. Вот и пришел такой день. И пусть впредь это будет тебе наукой: не следует гнушаться даже самым маленьким существом на свете.

— Сердечное тебе спасибо, — сказал Антс. — Твои сородичи только начали меня колотить, и то у меня все кости затрещали. А если бы ты не подоспел во-время, то я мог бы и жизни лишиться.

Тут снова заговорил безголовый человечек:

— Теперь мы с тобой квиты, но я хочу сверх того вознаградить тебя за побои, понесенные тобой сегодня. Не надо тебе больше маяться в батраках у жадного пастора. Завтра, как придешь домой, иди сразу к северному углу церкви. В стене найдешь замурованный камень, который не побелен известью, как все другие. Послезавтра ночью у нас полнолуние. В полночь выверни ломом из стены этот камень. Под ним ты найдешь несметные сокровища. Там находится золотая и серебряная церковная утварь, собранная несколькими поколениями, а также деньги, спрятанные во время войны. Одну треть денег ты должен раздать бедным, все остальное по праву является твоей собственностью, с которой можешь поступать как сам захочешь.

Вдали, в деревне, пропел петух. Безголового человечка как будто ветром сдуло; не осталось от него и следа. У Антса все тело ломило, он долго не мог заснуть и думал о спрятанных богатствах. И только под утро он задремал.

Солнце стояло уже высоко, когда хозяин, возвращаясь из города, подъехал к Антсу.

— Ты, Антс, вчера сделал большую глупость, что не поехал со мной, — сказал поп. — Я и поел и попил всласть, да и денежки в кармане звенят! — Сказав это, он побренчал монетами, чтобы Антсу еще досаднее стало.

Антс спокойно ответил:

— Вам, господин пастор, из-за этих грошей пришлось всю ночь не спать, а я и выспался, и заработал во сто раз больше.

— Покажи мне, что ты заработал, — сказал пастор.

На это Антс ему ответил:

— Глупый и копейкой хвалится, а умный свой рубль прячет.

Приехав домой, Антс быстро справился со своей работой — распряг лошадей, задал им корма. Потом направился к церкви, обошел вокруг нее и увидел в указанном месте небеленый камень.

В ночь полнолуния, когда дома все спали, он тайком вышел из комнаты, взял лом и с большим трудом вывороти из стены тяжелый камень. За ним он действительно нашел клад, о котором ему говорил безголовый человечек. В следующее воскресенье Антс роздал третью часть денег бедным и отказался от работы у пастора. И так как он не требовал за это короткое время жалованья, то хозяин охотно отпустил его.

После этого Антс переехал в другие места, купил себе хорошую усадьбу, женился и жил счастливо и спокойно еще много лет.

ЗОЛУШКА

Когда-то в давние времена жил на свете богатый человек. Была у него единственная дочь, которую и отец и мать нежно любили за ее тихий и кроткий нрав и берегли как зеницу ока.

Однажды матери приснился сон, предвещавший, как ей казалось, большое несчастье. Женщина готова была щедро вознаградить того, кто сумеет разгадать ее сон. Но, не успев разыскать такого мудреца, она тяжело захворала и уже на второй день болезни почувствовала приближение смерти. В ту пору мужа не оказалось дома — он отправился за лекарем. Умирающая велела позвать к себе дочку, погладила ее по головке и с грустью сказала:

— Я умираю и оставляю тебя, бедняжку, сиротой. Отец позаботится о тебе, и мое материнское благословение будет всегда с тобой. Если ты будешь доброй и кроткой девочкой, наши сердца всегда будут вместе, потому что узы любви между матерью и ребенком не может порвать даже смерть. Посади на моей могиле рябину. Осенью птицы найдут там ягоды и отплатят тебе за это добром; ведь может случиться, что у тебя не окажется других друзей. А появится у тебя какое-нибудь желание — потряси рябину, и я тогда буду знать, чего тебе хочется. Если же настанет для тебя горькая минута, приди на мою могилу и сядь под рябиной; она, как мать, утешит тебя и развеет твою печаль.

Вскоре женщина умерла. Муж, вернувшись домой, уже не застал ее в живых. Девочка горько плакала и ни днем, ни ночью не отходила от тела матери, пока его не положили в гроб и не опустили в могилу.

Сиротка посадила у могильного холмика рябину, оросив ее своими слезами. Потом прошел дождик, и дерево стало расти так хорошо, что любо было смотреть. Девочка часто приходила посидеть в тени рябины: могилка матери стала для нее теперь самым любимым местом.

На следующую осень отец отправился сватать себе невесту и через несколько недель вернулся с новой хозяйкой. Но он и не подумал о том, сможет ли его вторая жена заменить мать его ребенку. Богатому вдовцу нетрудно найти себе жену, но чтобы мачеха действительно заменила сиротке мать — это случается редко.

У мачехи было двое дочерей от первого мужа. Она привезла их с собой. А своя кровь, как говорится, всегда роднее, поэтому сиротке ничего хорошего ждать не приходилось. Мачеха считала своих детей сущим золотом, а падчерицу и в грош не ставила. Дочки, заметив это, сразу же решили, что они здесь хозяйки, а сиротка должна быть им служанкой.

В первые дни после свадьбы мачеха была с падчерицей приветлива, ласковыми притворялись и дочки, но доброта эта шла не от сердца. Их сердца были черствы, полны гордости и злобы, а для нежности и любви в них не было места.

Жизнь сиротки день ото дня становилась все тяжелее, но отец не замечал этого и сердце его не отзывалось на ее горести.

— И что эта дармоедка все время в комнатах вертится! — сказала однажды мачеха. — Что ей, на кухне места мало? А нука, живо — коромысло на плечи, да к колодцу, воду таскать! Потом в хлев, потом хлеб месить, белье стирать! Хочешь есть — заработай сперва свой кусок!

Дочки тотчас же с ней согласились.

— Верно! Пусть будет нашей служанкой! — сказали они.

У сиротки отобрали все ее хорошие платья, а из сундука, оставленного ей покойной матерью, вынули все украшения; их поделили между собой мачехины дочки. На сиротку же надели

старую рваную юбку. Бедняжка с утра до вечера возилась в золе и пыли, выполняя всю домашнюю работу, и так как она при этом вынуждена была ходить замарашкой, то мачеха и сестры прозвали ее Золушкой.

Злая мачеха и ее дочки не давали девочке житья и тайком наговаривали на нее отцу, так что и у него Золушка не находила защиты, если жаловалась ему на свое горе.

Долгое время Золушка молча сносила все обиды и не рассказывала рябине, посаженной на могилке матери, о своих горестях. Однажды она полоскала в ручье белье и вдруг услышала, что сорока кричит ей с верхушки дерева:

— Глупая девочка! Глупая девочка! Почему ты не поведаешь рябине свое горе и не спросишь у нее совета, как облегчить свою тяжелую долю?

Тут Золушка вспомнила о том, что наказывала ей мать перед смертью, и решила, как только улучит минутку, пойти к рябине. Днем Золушке было некогда, но ночью, когда все уснули, она потихоньку встала с постели, оделась, пошла на могилку и, сев на холмик, стала трясти рябину. Вдруг девочка услышала голосок, говоривший:

— Скажи мне, такое ли у тебя чистое и кроткое сердце, как и прежде, или время изменило тебя?

— Я такая же, как и прежде, — ответила Золушка и вдруг почувствовала, что чьи-то невидимые руки гладят ее по головке и по щекам. А голос произнес:

— Когда тебе станет тяжело и ты не в силах будешь справиться с работой, позови на помощь петушка и курочку.

Девочка сперва никак не могла понять, в чем ей могут помочь домашние птицы, но по дороге домой она вспомнила, что сестры часто из озорства смешивают чечевицу и горох с золой, а она должна по зернышку выбирать их, прежде чем опустить в котелок вариться. Она решила как-нибудь шутки ради позвать птиц, чтобы посмотреть, не смогут ли они, в самом деле, облегчить ей эту кропотливую работу.

В те дни в королевском дворце готовились пышные празднества. По всей стране были разосланы гонцы, которые объявляли на площадях и дорогах приказ короля: все молодые и краси-

вые девушки, не моложе пятнадцати и не старше двадцати лет, должны собраться в королевский замок. Праздник будет длиться три дня, и за это время единственный сын короля должен выбрать себе в жены самую разумную и обходительную из девушек.

О, какое поднялось всюду волнение! К счастью, не надо было брать с собой во дворец свидетельство о крещении, поэтому на праздник могли пойти и те, кому уже слегка перевалило за двадцать.

Сестры Золушки, любимые мачехины дочки, тоже собирались на королевский праздник. Теперь у сиротки работы было по горло. Она с утра до ночи стирала и гладила, шила сестрам наряды, продолжая делать и всю остальную домашнюю работу. Но, словно и этого было мало, старшая сестра вытрясла полную миску чечевицы в золу и крикнула сиротке:

— Собери и поставь вариться!

Тут Золушка вспомнила совет, услышанный на могиле матери, и потихоньку позвала:

— Петушок, курочка! Идите сюда, помогите собирать чечевицу.

Маленькие помощники тотчас же явились и принялись за дело: они быстро выбрали из золы все зернышки чечевицы и клювиками положили их в миску.

Когда наконец наступил первый день празднеств, Золушку заставили наряжать сестер. Она умыла их, причесала, надела на них роскошные платья, но сестры вместо благодарности изругали ее и так нахлопали по щекам и по затылку, что у нее в глазах зарябило и уши покраснели. Золушка кротко перенесла эту обиду, только вздохнула несколько раз.

Отправив сестер во дворец, Золушка осталась одна, и на сердце у нее стало так тоскливо, что слезы навернулись на глаза. С какой радостью пошла бы и она на бал, если бы ей позволили и если бы у нее было нарядное платье!

Наплакавшись вдоволь, девушка немного успокоилась, взяла в руки спицы и села на скамью у очага. Она думала о своей умершей матери, и ей хотелось тоже обрести вечный покой. Но она решила, пока живет на земле, терпеливо сносить все обиды.

Вдруг Золушка услышала, что кто-то зовет ее по имени,

огляделась вокруг, но никого не заметила. Через несколько минут чей-то голос произнес:

— Пойди на могилку и потряси рябину.

Золушка поспешила на могилу матери. Не успела она несколько раз встряхнуть рябину, как вокруг стало светло как днем. А на ветке рябины сидела маленькая, с аршин ростом, женщина в золотой одежде. В одной руке она держала маленькую корзинку, в другой золотую палочку. Гостья стала расспрашивать Золушку о ее житье-бытье и, услышав рассказ девушки, спустилась вниз. Она погладила сиротку по щекам и сказала ласково:

— Утешься, жизнь твоя скоро переменится. А сегодня ты должна пойти на королевский праздник.

Золушка недоверчиво посмотрела на незнакомку, решив, что та говорит это в насмешку.

Тогда маленькая женщина вынула из корзины куриное яйцо, дотронулась до него золотой палочкой, и тотчас же перед Золушкой появилась прекрасная карета. Потом незнакомка достала из коробочки шесть мышат и превратила их в красивых золотистых коней, которые тут же были впряжены в карету. Из черного жука сделали кучера, а из двух пестрых бабочек — слуг. Они попросили Золушку сесть в карету, чтобы ехать на празднества в королевский замок.

«Но как же я могу ехать на бал в замаранном, рваном платье?» — подумала девушка. Тогда маленькая волшебница дотронулась золотой палочкой до Золушкиной головы, и — о чудо! — девушка тотчас же преобразилась. Вместо плохого старого платья на ней появились нарядные одежды из шелка и бархата, сверкавшие золотом и серебром. Но красивее всего был золотой венец. Он был украшен драгоценными камнями, сиявшими, словно звезды в небе.

— Теперь поезжай на праздник и повеселись как следует, вместе со всеми, — молвила волшебница. — Пусть исчезнут из твоей памяти горькие воспоминания, и в сердце пусть засияет радость. Но ровно в полночь, как только петух пропоет в третий раз, ты должна, не медля ни минуты, покинуть королевский замок и спешить домой, не то пропадет вся сила волшебства, исчезнут

карета, кучер, слуги, а сама ты станешь такой же, какой была прежде. Помни о том, что я тебе сказала, если не хочешь попасть в большую беду и потерять свое счастье.

Золушка поклялась покинуть праздник во-время, села в карету, и кони галопом помчали ее к королевскому замку. Когда девушка вошла в зал, гостям показалось, что взошло солнце: Золушка затмила своей красотой всех собравшихся, они рядом с ней словно потускнели, как месяц и звезды в лучах утренней зари.

Сестры, правда, не узнали Золушку в этом пышном наряде, но, увидев прекрасную гостью, чуть не задохнулись от зависти. А королевич не отходил от девушки ни на шаг и никого, кроме нее, не видел и не слышал. Он нашептывал ей сладкие речи, шутил и танцевал только с ней, словно в зале и не было других девушек. Старый король и королева также всячески старались оказать внимание девушке, которая, как они думали, станет их невесткой.

Золушка чувствовала себя на седьмом небе. Ей было так весело, что не хотелось ни о чем думать; она радовалась своему мимолетному счастью. Девушка, наверное, совсем забыла бы о наказе волшебницы, если бы в полночь пение петуха не напомнило ей о том, что надо спешить домой.

Когда Золушка вышла из зала, снова послышался крик петуха, и прежде чем она успела сесть в карету, петух пропел в третий раз. В тот же миг карета, лошади и слуги исчезли, словно сквозь землю провалились. Золушка, увидев на себе старое, замаранное платье, что было духу побежала домой; в висках у нее стучало, по щекам пот катился градом.

Дома она тотчас же легла на свою постель у очага, но долго не могла уснуть, все думала о том великолепии, какое видела в королевском замке. В конце концов Золушка заснула и спокойно проспала до утра. Ей снился чудесный королевский праздник.

Сестры, уставшие после бала, проснулись лишь к обеду. Встав, они велели Золушке умыть, одеть и причесать их. Между собой они только и говорили, что о вчерашнем празднестве и о неизвестной девушке, которая своей красотой, любезным обхождением и роскошью наряда превзошла всех остальных. Короле-

вич, говорили сестры, с той минуты, как девушка переступила порог, не сводил с нее глаз. Если она — обыкновенный человек, а не какое-нибудь волшебное существо, то уж наверное, это — дочь короля из чудесной страны Кунгла. После отъезда прекрасной гостьи королевич загрустил, не танцевал и ни с кем не разговаривал.

При этих словах у Золушки сердце забилось от радости, и она втрое дольше обычного одевала сестер, не обращая внимания на их брань и попреки. Возясь у очага, девушка весь день думала только о пышном празднике и о королевиче, которому она так приглянулась.

Вечером сестры опять поехали на бал, а Золушка со спокойным сердцем осталась дома и не пошла больше к рябине, решив, что добрая волшебница обо всем позаботится. Сестры вернулись задолго до полуночи и рассказали, что королевич был печален, ни с кем не танцевал и не разговаривал, а все время посматривал на дверь, не появится ли снова прекрасная девушка. Потом король объявил, что сын его захворал и завтра празднеств не будет.

Однако мы забыли рассказать вот о чем: спеша покинуть королевский замок, Золушка обронила на пороге золотую туфельку. На другое утро королевич случайно увидел потерянный башмачок и решил, что он поможет ему найти девушку. Тоска не давала юноше покоя ни днем, ни ночью. Он готов был скорее умереть, чем отказаться от прекрасной девушки. Но как бы ему разыскать свою любимую?

Через несколько дней королевич приказал объявить по всей стране, что его женой будет та девушка, которой придется впору найденный башмачок. Услышав это, все молодые девушки поспешили в замок попытать счастья: каждой не терпелось узнать, не поможет ли ей ее ножка стать женой королевича.

Красивый золотой башмачок лежал на шелковой подушке в самой роскошной комнате королевского замка. Одна за другой входили сюда девушки и из знатных семей, и из простого люда — всем было дозволено примерять башмачок. Но одной он оказывался длинен, другой слишком короток, третьей слишком узок и никому не приходился впору.

G. Reindorff 1946

Пришли попытать счастья и сестры Золушки, считавшие, что у них ножки совсем крошечные. Но как ни натягивали они на ногу золотой башмачок, до крови сдавливая пальцы, ничто не помогало. Тогда младшая сестра, поморщившись, сказала:

— Этот дурацкий башмак сделан нарочно для того, чтобы поиздеваться над нами. Его никто не сможет надеть.

Но тут вдруг оказалось, что она неправа.

Велико было удивление и испуг сестер, когда отворилась дверь и в комнату вошла Золушка в своем будничном, замаранном платье, в котором она обычно хлопотала у очага. Рассердившись, сестры велели вытолкать замарашку из комнаты, но слуги еще не успели выполнить их приказание, как Золушка сунула ногу в золотой башмачок и — о чудо! — он пришелся ей впору, словно был сделан для нее по заказу! Все окружающие онемели от изумления. Но тут случилось нечто еще более удивительное. Комната вдруг наполнилась таким густым облаком тумана, что на расстоянии шага ничего нельзя было различить. Потом в тумане блеснул свет и показалась фигурка маленькой волшебницы. Золотой палочкой она дотронулась до Золушки, и та мгновенно преобразилась. Теперь посреди комнаты стояла прекрасная девушка, приглянувшаяся королевичу в первый вечер праздника. Королевич радостно подбежал к Золушке, обнял ее и сказал:

— Эту девушку сама судьба посылает мне в жены!

Маленькая волшебница подарила Золушке такое богатое приданое, что понадобились несколько возов, чтобы перевезти его в город. Потом начались пышные свадебные празднества, длившиеся целый месяц. Так всеми презираемая сиротка стала женой королевича.

Сестры от зависти чуть не лопнули, увидев, что Золушка, которую они считали хуже дворовой собаки, окружена теперь таким почетом. Но кроткое сердце Золушки не помнило обид. Она не захотела платить злом за зло, простила сестер, а став после смерти тестя королевой, щедро их одарила.

Золушки давно уже нет на свете, но память о ней до сих пор живет в народе. Ее считают самой доброй и прекрасной королевой, какая когда-либо жила на земле.

СПЯЩАЯ КОРОЛЕВНА

У некоего могущественного короля внезапно умерла дочь. Глубокая печаль объяла всю страну; повсюду лились горькие слезы, раздавались рыдания.

И вот случилось так, что в тот самый день, когда умершую собирались проводить в могилу, из дальних стран в королевскую столицу прибыл мудрец. Увидев скорбные лица горожан, он понял, что здесь произошло что-то необычайное, и стал расспрашивать людей, какое горе их угнетает. Когда ему рассказали, что случилось, он немедленно направился к королевскому дворцу, назвался опытным врачом и попросил разрешения явиться к королю.

Едва переступив порог и взглянув на королевну, он воскликнул:

— Эта девушка не умерла! Она просто устала. Дайте ей отдохнуть!

Услышав это, король приказал незнакомцу приблизиться. Мудрец молвил королю:

— Вашу дочь нельзя хоронить, так как она не умерла. Я изготовлю стеклянный гроб, в который мы ее и уложим; пусть она в нем спокойно поспит, пока не наступит время пробуждения.

Король был очень обрадован этими словами и пообещал щедро наградить мудреца, если предсказание его сбудется.

Мудрец сделал большой гроб из стекла, устлал его внутри шелковыми подушками и уложил на них королевну. Закрыв гроб

стеклянной крышкой, он приказал отнести его в просторную комнату, которую запер на замок, а у дверей поставил стражу, приказав ей следить за тем, чтобы никто не нарушал покоя спящей. Затем мудрец сказал королю:

— Разошлите своих людей по всем странам и прикажите скупить все стеклянные изделия, какие там найдутся. Я сложу огромную печь, величиной с вашу столицу, и в этой печи мы сварим стекло в одну глыбу. Когда же минует шесть лет и пение жаворонков возвестит нам о наступлении седьмого лета, пошлите по всему свету гонцов и прикажите объявить, что каждому юноше разрешается свататься к вашей дочери. Тот, кто сумеет взобраться на вершину стеклянной горы верхом или пешком, тот пусть и будет вашим зятем. Когда явится этот избранник — а это должно случиться ровно через семь лет и семь дней, — ваша дочь проснется и даст ему со своей руки золотое кольцо. Обладателю колечка, пусть это будет даже самый последний из ваших подданных, даже сын какого-нибудь бедняка, вы должны отдать свою дочь в жены, иначе вы ее совсем потеряете, ибо она погрузится в вечный сон.

Король обещал в точности выполнить все указания мудреца и тотчас же велел скупать стекло во всех ближайших странах.

Когда шестой год подходил к концу, груда стекла уже тянулась в длину на целую милю, а в высоту достигала семи сажен.

Тем временем мудрец закончил кладку печи для плавки. Печь была так высока, что верхушка ее достигала облаков. В помощь мудрецу король отрядил две тысячи работников. Когда же печь загрузили и начали плавить стекло, вокруг распространилась такая жара, что болота, реки и мелкие озера высохли до дна, а в родниках и глубоких колодцах вода заметно убыла.

А теперь, пока мудрец изготовляет свою стеклянную гору, мы с вами пойдем в деревенскую лачугу, стоящую невдалеке от королевской столицы. Здесь жил старик-крестьянин со своими тремя сыновьями. Два старших сына были толковые молодцы и умелые работники, младший же слыл немножко придурковатым. Когда отец заболел и почувствовал, что приближается его смертный час, он позвал к себе сыновей и сказал им:

— Я знаю, что скоро вас покину, поэтому хочу объявить вам свою последнюю волю. Вы, мои любимые старшие сыновья, будете совместно владеть домом и землей, если только не вздумаете жениться. Ведь недаром исстари говорят в народе: «Где семь холостых братьев уживаются мирно, там двум хозяйкам бывает так тесно, что они начинают друг друга за волосы таскать». Если это случится и у вас, вам придется, конечно, разделиться. А младший брат ваш не годится ни в хозяева, ни в работники, поэтому он должен до конца дней своих жить под вашим кровом. За это я вам обоим оставляю в наследство сундучок с моими сбережениями. Младший брат ваш, правда, умом недалек, но сердце у него доброе; он всегда был мне послушным сыном, будет и вам во всем повиноваться.

Не проронив ни слезинки, но на слова не скупясь, старшие сыновья пообещали выполнить последнюю волю отца. Младший же сын не сказал ни слова, только горько заплакал.

— Еще об одном прошу я вас, — продолжал умирающий. — Когда вы меня похороните, пусть каждый из вас по очереди проведет одну ночь на моей могиле!

И, опять не проронив ни единой слезы, но не скупясь на слова, старшие братья обещали выполнить и это желание отца. Младший же и теперь не сказал ни слова, только плакал горькими слезами.

Когда отец умер, старшие братья приготовили богатый поминальный обед и пригласили много чужих людей, чтобы показать, что хоронят отца честь-честью. Сами они были веселы, пили и ели, точно на свадьбе, младший же потихоньку плакал, сидя у гроба отца. И когда гроб унесли и опустили в могилу, младшему сыну показалось, что для него нет больше радостей на земле, словно их погребли вместе с отцом.

Поздно вечером, когда ушли последние гости, младший брат спросил, кто пойдет в первую ночь на могилу отца. Старшие ответили:

— Мы очень устали и хотим спать. Тебе все равно делать нечего, отправляйся-ка ты на могилу!

Не сказав ни слова в ответ, младший сын пошел на могилу отца. Там было тихо-тихо, только где-то стрекотал кузнечик.

Чтобы не заснуть, юноша стал медленно бродить вокруг могилы. Около полуночи из-под земли послышался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Мне в глаза песок роняет
С черною землей сырою?

Сын пропел в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Ходит мальчик над тобою,
На тебя песок роняет
С черною землей сырою.

Тогда голос спросил:

— Почему же старшие братья не пришли первыми на могилу?

На это младший брат ответил, что они очень устали на похоронах и поэтому не смогли придти.

Снова раздался голос отца:

— Каждому по заслугам! Получишь и ты заслуженную награду. Возможно, придет время, когда тебе потребуется нарядное платье. Тогда приди сюда, топни три раза левой ногой и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за первую ночь!» — и ты получишь и платье, и коня. Но братьям ничего не говори об этом.

С восходом солнца младший брат отправился домой, поел и лег спать.

Когда стало смеркаться, он спросил братьев, кто из них думает в эту ночь пойти на могилу отца. Братья насмешливо ответили:

— Нашего отца красть никто не собирается. Если тебе так уж хочется, можешь и сегодня отправляться на могилу. Но своими бдениями ты все равно отца не воскресишь.

Эти жестокие слова еще более опечалили младшего брата, и он со слезами на глазах вышел из дому.

На могиле отца было попрежнему тихо-тихо, только кузнечик стрекотал в траве. Юноша стал медленно ходить взад и вперед. Около полуночи — петухи пропели уже два раза — из могилы раздался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Мне в глаза песок роняет
С черною землей сырою?

Сын пропел в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Ходит мальчик над тобою,
На тебя песок роняет
С черною землей сырою.

Голос спросил, почему старшие сыновья опять не пришли. Младший брат сказал в их оправдание, что они очень устали от дневных трудов.

Но голос произнес:

— Каждому по заслугам! Я и тебе не могу отказать в награде, которой ты заслуживаешь. Возможно, придет время, когда тебе понадобится еще более нарядное платье, чем то, которое я тебе обещал вчера. Тогда смело приходи сюда, топни левой ногой три раза и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за вторую ночь». И тотчас же получишь такое роскошное платье и такого прекрасного коня, что люди не в силах будут оторвать от тебя глаз. Но ничего не говори об этом братьям.

С восходом солнца младший брат вернулся домой. Старшие братья еще спали. Юноша поел, улегся на лежанку у печки и проспал до полудня.

Вечером, когда наступило время идти на кладбище, он спросил братьев, кто из них в эту ночь хочет бодрствовать на могиле отца. Братья ответили со смехом:

— Кто две ночи подряд делал никчемную работу, пускай и на третью ночь продолжает! Отец сам из могилы не убежит, красть его тоже никто не станет. Будь он в здравом уме, он бы не потребовал от нас этих ночных бдений на могиле.

Младший брат, опечаленный их бессердечием, опять ушел со слезами на глазах.

На могиле отца было тихо-тихо, только кузнечик стрекотал в траве. Чтобы не заснуть, младший брат стал медленно ходить взад и вперед. Около полуночи — петухи пропели уже два раза — из могилы снова раздался жалобный голос:

Кто шагает надо мною,
Мне в глаза песок роняет
С черною землей сырою?

Сын пропел в ответ:

Младший твой сынок шагает,
Ходит мальчик над тобою,
На тебя песок роняет
С черною землей сырою.

Голос спросил снова, почему же не пришли старшие братья, и получил тот же ответ, что и вчера.

Тогда голос произнес:

— Каждому по заслугам! И я не могу отказать тебе в награде, которую ты заслужил. Возможно, придет время, когда ты по себе узнаешь, что чем больше человек имеет, тем большего ему хочется. Но желания доброго сына, который хранит любовь к отцу и после его смерти, должны быть выполнены. Сначала я хотел разделить свои тайные сокровища между всеми вами, но теперь моим единственным наследником будешь ты. Если тебе потребуется еще лучший наряд и лошадь, смело приходи сюда, топни левой ногой три раза и скажи: «Дорогой отец, прошу вознаграждения за третью ночь» — и тотчас же получишь самое красивое платье и самого дорогого коня. Весь свет будет с восхищением смотреть на тебя, твои братья будут тебе завидовать, а могущественный король отдаст тебе в жены свою дочь. Но братьям ничего не говори об этом.

С восходом солнца младший брат отправился домой, думая про себя: «Таких дней я, бедняк, никогда не дождусь». Закусив, он прилег на лежанку, заснул и проснулся лишь к вечеру, когда солнце уже заходило.

Пока он спал, старшие братья так рассуждали между собой:

— Этот увалень только и делает, что по ночам сторожит могилу, а днем спит. Нам никогда от него пользы не будет, так зачем же нам его кормить? Лучше кормить свинью, ту хоть к рождеству заколоть можно.

Один из братьев предложил:

— Давай прогоним его из дому, пускай кормится под чужими окнами!

Но второй брат считал, что этого делать не следует, так как о них самих может пойти дурная молва: люди зажиточные, а родного брата послали попрошайничать.

— Лучше будем отдавать ему объедки с нашего стола, — сказал второй брат. — Досыта не наестся, но и с голоду не помрет.

Тем временем мудрец уже выплавил стеклянную гору, и король велел повсюду оповестить народ, что каждому юноше разрешается свататься к королевской дочери. Но выйдет она замуж лишь за того, кто верхом на коне или пеший сумеет взобраться на вершину стеклянной горы, где стоит гроб королевны.

Король устроил большой пир. Всем желающим разрешалось там пить и есть сколько кому хотелось. Пир длился три дня, и каждый день для угощения резали по сто быков и по семьсот свиней и варили по пятьсот бочек пива. Вешала с колбасами стояли сплошными стенами, хлебы из пшеничной муки и сладкие пироги были нагромождены, словно стога сена.

Спящую королевну отнесли в гробу на самую вершину стеклянной горы. Со всех концов съезжались гости, одни — чтобы испытать свою ловкость, другие — чтобы развлечься редким зрелищем. Блестящая гора сияла, словно второе солнышко, и ее было видно за много верст.

Наши старые знакомые — старшие братья заказали себе красивую праздничную одежду и отправились на пир. Младшему пришлось остаться дома, чтобы не срамить братьев своим нищенским видом.

Но едва старшие братья скрылись из виду, как младший пошел на могилу отца, проделал все так, как ему было велено, и проговорил:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за первую ночь!

И тотчас же перед ним появилась медная лошадь с медной уздечкой, а на седле лежала сверкающая медная одежда, которая оказалась юноше как раз впору, словно была сделана по мерке.

Около полудня медный всадник на медном коне прискакал к стеклянной горе, где толпились уже сотни и тысячи людей. Пока никому еще не удалось подняться хотя бы на несколько шагов по

скользкой поверхности горы. Медный всадник промчался сквозь толпу и с разбега поднялся по стеклянной горе на одну треть ее высоты, да с такой легкостью, будто под ним была обыкновенная земля. Спустившись, он поклонился королю и мгновенно скрылся из виду. Но многие утверждали, будто спящая королевна шевельнула рукой, когда медный всадник поднимался на гору.

Вернувшись домой, старшие братья только и говорили, что о медном всаднике и его удивительном медном коне. Младший брат молча прислушивался к их беседе, но ни слова не сказал о том, что он и был тот самый всадник.

На другое утро братья ушли с восходом солнца, чтобы не опоздать на празднества. Около полудня младший брат отправился на могилу отца. Он проделал все, что было велено, и сказал:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за вторую ночь!

Не успел он высказать свою просьбу, как перед ним очутился серебряный конь с серебряной уздечкой и таким же седлом. На седле лежала красивейшая, блестящая серебряная одежда, причем все было юноше как раз впору, точно сшито по мерке.

В полдень серебряный всадник на серебряном коне прискакал к стеклянной горе, где толпились сотни и тысячи людей. Пока никому еще не удалось подняться по скользкой горе хотя бы на несколько шагов. Серебряный всадник промчался сквозь толпу, поднялся по склону горы почти до половины ее высоты, точно под копытами его коня была простая земля, затем повернул обратно, приветствовал короля и быстро скрылся. На этот раз люди видели совершенно ясно, как спящая королевна при приближении серебряного всадника шевельнула головой. Братья прибыли домой к вечеру. Они без устали расхваливали серебряного всадника и дивились силе его коня. В конце концов братья решили, что чудесный всадник, наверно, не простой смертный и что все это какое-то колдовство. Младший брат молча прислушивался к их словам, но ничем не показал, что он и был тот самый всадник.

Утром старшие братья снова ушли с восходом солнца. В этот день народу собралось еще больше, потому что именно сегодня

истекал назначенный мудрецом срок — семь лет и семь дней, и королевна, по его предсказанию, должна была проснуться.

Около полудня младший брат пошел на могилу отца. Он проделал все, как ему было велено, и сказал:

— Дорогой отец, прошу вознаграждения за третью ночь!

Тотчас же, как только он произнес эти слова, перед ним появился золотой конь с золотой уздечкой и золотым седлом, а на седле лежало великолепное золотое платье. Оно пришлось юноше как раз впору, точно было сшито по мерке.

В полдень золотой всадник на золотом коне прискакал к стеклянной горе. Здесь толпились сотни и тысячи людей, но никто из них не в силах был подняться на гору хотя бы на несколько шагов.

Ни медный, ни серебряный всадник не оставили на горе ни малейшего следа, и она оставалась такой же скользкой, как и раньше. Золотой всадник промчался сквозь толпу, поднялся по стеклянной горе до самой вершины с такой легкостью, точно под копытами его коня была обыкновенная земля. Когда он достиг вершины, крышка гроба сама открылась, спящая королевна приподнялась, сняла с пальца золотое колечко и дала его золотому всаднику. Юноша поднял девицу, усадил ее на своего золотого коня и спустился с горы. Он передал королевну в объятия отца, учтиво попрощался и вмиг исчез, точно сквозь землю провалился.

Радость короля была безгранична. По совету мудреца, он велел на следующий день объявить повсюду, что тот, кто принесет золотое колечко королевны, станет ее мужем.

Народ всю ночь не расходился, всем хотелось посмотреть, чем кончится дело. И наши старые знакомые, старшие братья, тоже оставались на месте и отдавали должное праздничным яствам. Велико же было их изумление, когда они вдруг увидели, что к королю приблизился какой-то бедно одетый человек, очень похожий на их отверженного брата. И в руке этот нищий держал золотое колечко королевны!

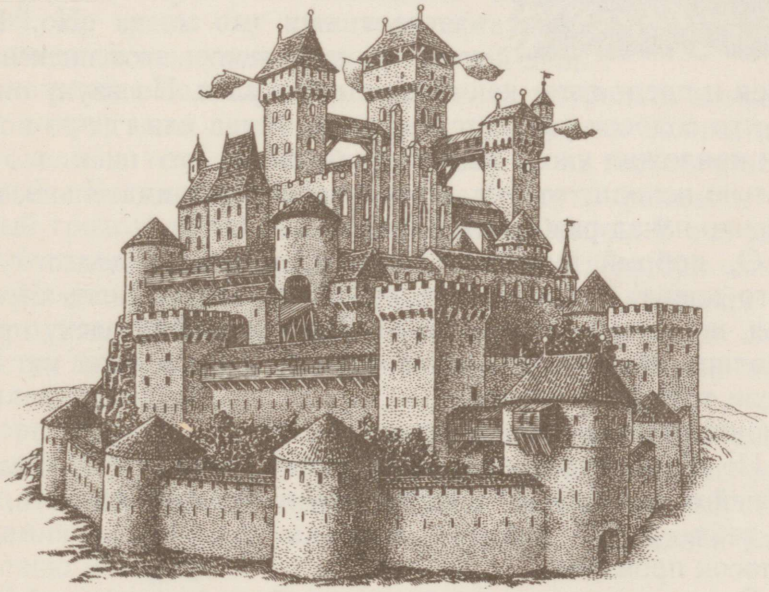
Король уже пожалел было о своем обещании: ему совсем не хотелось отдавать любимую дочь за бедняка.

Но мудрец сказал королю:

— Этот юноша, которого вы по одежде принимаете за нищего, — сын могущественного короля дальней страны. Когда ему было три дня от роду, злая колдунья украла его, а взамен положила в колыбель ребенка крестьянина. Этот младенец вскоре умер, а похищенный королевич вырос в крестьянском доме и во всем повиновался человеку, которого считал своим отцом.

Король был этим очень доволен. Он велел приготовить пышный свадебный пир, который длился четыре недели, а потом завещал зятю свое королевство.

А мнимые братья королевича вскоре умерли от зависти и злобы.



МУДРЫЙ СОВЕТЧИК

ел однажды дорогой бедный юноша, утомился и присел на траву около большого камня отдохнуть и закусить. Насытившись, он растянулся тут же на земле и заснул. И приснился путнику странный сон: ему чудилось, будто чей-то пискливый голосок беспрерывно напевает ему что-то на ухо. И, что самое удивительное, этот писк не прекратился и после того, как юноша проснулся. По звуку он определил, что голосок раздается в самом камне или где-то под ним. Путник приложил ухо к камню и убедился, что писк этот действительно исходит оттуда. Прислушавшись внимательно, юноша постепенно начал разбирать и слова:

— О, добрый путник! Освободи меня из долгого томительного плена! Вот уже семьсот лет терплю я здесь страшные мученья, но умереть мне не дают. Ты родился на пасху при восходе солнца, поэтому ты один можешь спасти меня из заточения, если только захочешь.

Юноша ответил нерешительно:

— Не знаю, будет ли в моих силах помочь тебе. Расскажи подробней о своей беде и научи, что я должен сделать, чтобы спасти тебя.

Голосок произнес:

— Срежь на границе трех поместий рябиновую ветку толщиною в палец и длиною в пядь, затем возьми несколько пучков чабреца и цирцеи, сожги все это вместе с рябиновой веткой и дымом обкури камень; при этом обойди вокруг него девять раз,

двигаясь против солнца, и смотри хорошенько, чтобы ни одна точечка на камне не осталась неокуренной. Тогда откроются врата моей темницы, для меня снова засияет солнце и я снова почувствую дыхание ветра. Моя благодарность за спасение будет беспредельна, и с моей помощью ты станешь богат и знатен.

Парень подумал и сказал:

— Помочь ближнему в беде — долг каждого человека. Хоть я и не знаю еще, добрый ты дух или злой, но все же постараюсь помочь твоему горю. Но прежде всего ты должен поклясться, что, освободившись, ты не единому человеку не причинишь вреда.

Узник клятвенно обещал выполнить это требование.

Парень пошел в лес, чтобы раздобыть ветку рябины и те травы, какие ему нужны были для окуривания камня. К счастью, он знал неподалеку такое место, где сходились границы трех поместий. Но травы ему пришлось искать довольно долго, так что к камню он вернулся лишь на другой день.

После захода солнца юноша принялся окуривать камень. Он обошел вокруг него девять раз, двигаясь против солнца и тщательно следя за тем, чтобы ни малейшая точка не осталась неокуренной. Когда он кончал девятый круг, раздался такой страшный грохот, точно раскололась сама земля. В тот же миг огромный камень сдвинулся с места и поднялся на три сажени в высоту. Из-под камня стремительно выскочил маленький человечек и пустился бежать прочь, так что только пятки засверкали. И тут камень снова рухнул на свое место, осыпав все вокруг пылью и землей.

Вскоре маленький человечек вернулся к своему избавителю и бросился ему на шею, а потом пытался целовать его руки и ноги, но юноша ему этого не позволил. Потом они опустились возле камня на траву, и маленький человечек принялся рассказывать свою историю:

— Я был когда-то знаменитым знахарем, делал людям много добра и получал за это щедрую награду. Я излечивал от болезней и людей и животных, отводил от людей злые чары ведьм и колдунов. И те боялись меня, так как я всегда оказывался силь-

нее их. Они много раз собирались вместе и обдумывали, как бы от меня избавиться, но я с помощью моих тайных знаний разрушал все их коварные замыслы, и они не могли причинить мне никакого вреда.

В конце концов колдуны собрали очень много денег, отправили с ними гонца в северную страну, к могущественному злому волшебнику и позвали его на помощь. Этот плут одолел меня не столько своей мудростью, сколько коварством. Он выкрал мои орудия волшебства и заточил меня под камень, где я должен был мучиться до тех пор, пока не явится человек, родившийся на пасху при восходе солнца. Семьсот лет ждал я этого счастливого мгновения; наконец явился ты, внял моей мольбе и спас меня. Благодарю, тысячу раз благодарю тебя за твое доброе дело! До конца дней своих я не устану тебя благодарить, я буду служить тебе безвозмездно и направлю все свои силы и знания на то, чтобы осчастливить тебя и возвысить так, как только может быть возвышен смертный здесь, на земле. Когда я этого добьюсь, я еще раз позову тебя на помощь, чтобы рассчитаться с моими врагами, если только они мне попадутся на глаза. А до тех пор я буду скрываться от людей, чтобы мои враги не узнали о моем спасении. При помощи волшебства я могу принять любой нужный мне облик. Так, например, я могу превратиться в блоху и поселиться в кармане твоих штанов. И если тебе когда-нибудь потребуется мой совет и помощь, я вылезу из кармана, прыгну к тебе за ухо и буду говорить, что тебе надо делать. Кормить меня тебе не придется: семьсот лет прожил я под камнем без всякой пищи, плохо ли мне теперь на солнышке да на свежем воздухе! Сейчас давай ляжем спать, а с утра пойдем вместе искать счастья.

Когда этот дух или волшебник, или кто бы он там ни был, кончил свой рассказ, юноша поужинал и лег спать. На другое утро он проснулся поздно — солнце стояло уже высоко. Человечка, которого он накануне освободил из-под камня, нигде не было видно. Спросонок юноша даже не мог сообразить, видел ли он его в действительности или все это ему приснилось.

Позавтракав, он собрался было продолжать свой путь, как вдруг на дороге показались три пешехода. Они были одеты как

ремесленники, за плечами у них висели на ремнях кожаные сумки. Тут юноша почувствовал за ухом щекотанье, и до его слуха донесся тихий, как комариный писк, голосок:

— Предложи путникам отдохнуть и узнай у них, куда они идут.

Тут паренек понял, что его вчерашнее приключение было не сном, а явью. Теперь только он вспомнил, что маленький человечек обещал поселиться у него в кармане и давать ему добрые советы.

Юноша сделал несколько шагов навстречу путникам, приветливо предложил им присесть отдохнуть, а потом, если им окажется по пути, вместе отправиться дальше. Подмастерья рассказали ему о большом несчастье, случившемся несколько дней тому назад в столице: единственная дочь короля утонула, купаясь, и, хотя река там была совсем не глубокая, утопленницу никак не могли найти, точно она растворилась в воде.

Вдруг юноша услышал за ухом шепот:

— Ступай с ними — ты можешь там найти свое счастье!

Парень послушался совета и пошел с подмастерьями.

Вскоре дорога привела их в густой сосновый бор. Здесь в канаве близ дороги валялась старая котомка.

Голос за ухом прошептал:

— Подними старую котомку, она может вам пригодиться в пути.

Хотя юноша и не поверил, чтобы от такого хлама могла быть какая-нибудь польза, он все же поднял котомку, повесил ее себе за спину и сказал со смехом:

— Человек не должен брезговать тем, что попадается ему на дороге. Кто знает, не пригодится ли нам эта старая котомка.

Его спутники ответили с насмешкой:

— Дело твое, если хочешь, бери — пустая котомка плечей не оттянет.

Однако через несколько часов им пришлось убедиться в волшебной силе котомки и благодарить юношу за то, что тот подобрал эту, казалось, совсем негодную вещь.

Шагая под лучами жаркого полуденного солнца, путники сильно устали. Они присели в тени густого дерева и собрались

было подкрепиться тем, что у каждого было припасено на дорогу. Но тут добрый советчик, сидевший за ухом у юноши, сказал своему хозяину:

— Прикажи котомке раздобыть вам еду!

Юноша подумал: «Он хочет надо мной подшутить, почему бы и мне не позабавить людей?» Он снял котомку с плеч, положил ее перед собой на траву, постучал по ней палкой и произнес:

— Котомочка, котомочка! Раздобудь нам еду!

И тут-то произошло нечто невиданное и неслыханное: там, где только что лежала котомка, стоял теперь маленький столик, покрытый белой скатертью и уставленный блюдами с едой, а подле них были приготовлены четыре ложки. А какие вкусные кушанья здесь были! Суп из свежей говядины, свинина, колбасы, пироги из крупичатой муки, а для утоления жажды — и пиво, и вино, и мед.

Путники не заставили себя просить и принялись за еду. Им казалось, что они угощаются где-нибудь на свадьбе, так как никогда в жизни ничего более вкусного не едали.

Когда все наелись досыта, столик исчез так же внезапно, как и появился, а на его месте снова оказалась старая котомка.

Если вначале трое подмастерьев посмеивались над хозяином котомки, то теперь все наперебой добивались права нести эту драгоценную вещь; дело дошло при этом чуть ли не до ссоры. Наконец хозяин чудесной котомки сказал:

— Я подобрал эту рухлядь на дороге, поэтому по праву считаю ее своей собственностью.

Против этого спутники ничего возразить не могли, и им пришлось оставить котомку за ним. Однако нельзя же было допустить, чтобы такая ценная вещь и впредь просто болталась за плечами: один из подмастерьев достал из своей сумки иголку и моток шелковых ниток и сшил из хлебного мешка чехольчик, который осторожно надели на котомку, чтобы она в пути случайно от чего-нибудь не пострадала.

Отдохнув после обеда, путники пошли дальше. Сытый желудок да сердце, полное надежд, — самые веселые спутники. Это было видно и по нашим путешественникам, шагавшим по дороге

G. Reindorff 48

с песнями и веселыми шутками. Вечером они устроились на ночлег под кустиком на траве, и котомка накормила и напоила их так же славно, как и в полдень. Перед тем как лечь спать, они долго думали, как уберечь котомку от воров. Наконец, они решили, что каждый положит на нее голову, а ноги все четверо протянут в разные стороны — один на юг, второй — на север, третий — на восток, четвертый — на запад. Хозяин котомки, сверх того, привязал к ней один конец своего пояса, а другой — к левой руке, чтобы чувствовать малейшее движение своего сокровища. Несмотря на то, что лучших мер охраны и придумать нельзя было, парней всю ночь беспокоили тревожные сны, они не раз просыпались, причем прежде всего хватались за котомку, чтобы удостовериться, на месте ли их бесценное сокровище.

Утром котомочка раздобыла им еду и на завтрак. И так повторялось каждый день, пока они неделю спустя не прибыли в королевскую столицу. Тут советчик, сидевший за ухом у своего избавителя, шепнул ему, что утонувшую королевну затащила в омут злая русалка, и обещал показать дорогу туда, где девушку сейчас держат в заточении.

Однако прежде всего он велел юноше пойти к королю и объявить, что он решил во что бы то ни стало разыскать утонувшую королевну. А если с ним случится какое-нибудь несчастье, король должен будет половину обещанного вознаграждения переслать его родителям, а вторую половину раздать бедным.

Король, хотя и потерял уже всякую надежду увидеть оплакиваемую дочь, все же с радостью принял предложение юноши и обещал разделить его вознаграждение так, как тот пожелает. Когда пришелец покинул королевский дом, его советчик пропищал за ухом:

— Поймай сегодня вечером трех раков, они покажут тебе дорогу.

Юноша выполнил и это приказание.

На следующий день горожане валом повалили на берег реки, где пришелец должен был начать поиски пропавшей королевны. Посмотреть на работу отважного юноши прибыл и сам король. Он велел служанкам королевны показать то место, где девушка

погрузилась в воду: служанки тогда сидели на берегу, и несчастье произошло у них на глазах. Люди еще раз убедились в том, что тут никак нельзя было утонуть: глубина реки была не больше трех футов, дно ровное, а течение слабое. Правда, шагах в трехстах ниже по течению была глубокая яма; но как королевна могла очутиться так далеко? Очевидно, здесь не обошлось без колдовства.

Советчик снова пропищал на ухо юноше:

— Пусти незаметно в воду одного рака и посмотри, куда он поползет.

Юноша тотчас же выполнил это приказание. Сделав вид, что хочет рукой измерить глубину реки, он незаметно выпустил одного рака в воду. Рак прополз шагов двадцать вдоль берега реки, затем резко повернул налево и скрылся под обрывом. И второй, и третий рак проделали в точности то же самое. Тут советчик пропищал:

— Теперь дорога нам известна, туда и мы должны направиться. Топни три раза по берегу пяткой левой ноги и прыгай в воду вниз головой, там уж мы найдем дорогу.

Юноша так и сделал: он три раза топнул ногой о берег и прыгнул в реку вниз головой, так что только вода кругом запенилась. Люди молча ждали, что будет дальше.

В воде, под обрывом, юноша увидел пещерку, в которую человек еле-еле мог протиснуться.

— Забирайся в пещеру! — крикнул советчик.

Юноша с трудом полз вперед. Но потом стены пещеры раздвинулись, и он смог встать на ноги.

Вскоре в темноте забрезжил слабый свет, и юноша вышел на открытое место. Перед ним лежала широкая равнина, поросшая высокой травой, а вдали виднелся большой дом из синего камня.

— Запомни хорошенько, — произнес советчик, — все, чему я тебя сейчас научу, и выполни все в точности, иначе ты не сможешь освободить королевну из плена. Она живет в том синем доме, у русалки. Два медведя день и ночь стерегут ворота дома, чтобы ни единое живое существо не могло проникнуть туда или оттуда выбраться. С ними надо поладить. Когда мы туда придем,

возьми свою котомку и прикажи ей превратиться в колоду с медом. Сунь ее медведям, а сам сторонкой проберись в дом. Там я скажу тебе, что дальше делать.

Подходя к воротам, юноша услышал рев медведей и сильно перепугался; а когда он еще посмотрел на страшных зверей в щелочку, у него и вовсе душа ушла в пятки. Но он все же снял с плеч котомку и приказал ей обратиться в колоду с медом. Она была так тяжела, что юноша даже не в силах был ее поднять. Однако медведи уже почуяли запах меда, сами распахнули ворота настежь и кинулись к колоде с такой жадностью, что даже не заметили человека. Тот проскользнул за их спиной во двор, а оттуда — напрямик к дверям, которые, к счастью, не были заперты. Советчик произнес:

— В дверях налево торчит золотой ключ, запри им двери, а ключ положи к себе в карман, тогда старая русалка не сможет оттуда выйти. В комнате справа, где ты видишь в дверях серебряный ключик, томится королевна.

Когда юноша повернул в замке ключ, в комнате раздался такой ужасный рев, что стены задрожали. Но он сунул ключ в карман и поспешил к дверям с серебряным ключиком. Открыв двери, он увидел королевну, с грустным видом сидевшую на своем ложе. Появление незнакомца сперва испугало ее, но когда тот объявил, что пришел освободить ее, девушка обрадовалась и весело спрыгнула на пол. Юноша сказал:

— Нам нельзя медлить, мы должны выбраться отсюда, пока медведи не съели весь мед.

Он взял королевну за руку и повел к дверям. Медведи все еще возились с колодой, которую вкатили во двор, поэтому не обратили на них внимания. Беглецы на цыпочках бесшумно обошли зверей и выбежали из ворот. Юноша запер ворота снаружи, чтобы медведи не могли вырваться, и поспешил дальше. Советчик пропищал ему на ухо:

— Позови котомку обратно!

Юноша крикнул:

— Котомочка! Котомочка! Вернись ко мне!

И в то же мгновенье котомка очутилась у него за спиной. Когда они подошли к пещере, юноша сказал королевне:

— Здесь будет темно и тесно, но вы не бойтесь, скоро мы снова выберемся на белый свет. Как только мы войдем в воду, зажмурьтесь и не открывайте глаз, пока я вас не вынесу на берег.

Проход в пещере оказался теперь много шире, чем прежде, и беглецы свободно пробирались вперед. В реке юноша взял королевну на руки и вынес на берег.

Люди уже не надеялись на его возвращение, поэтому многие разошлись по домам; но король и его приближенные все еще сидели у реки, толкуя о происшедшем несчастье. Вдруг на поверхности воды показались две человеческие головы.

О, какая радость охватила короля и всех окружающих, когда они увидели перед собою не мертвое тело, а живую королевну, здоровую и невредимую! Король обнимал по очереди то дочь, то ее спасителя и плакал от счастья.

Радостная весть с быстротой ветра распространилась в народе, и горожане тысячами повалили к берегу посмотреть на чудо.

По королевскому приказу юноше, спасшему королевну, отвели место во дворце, а также щедро его вознаградили: ему заплатили в три раза больше, чем было обещано.

Вечером, когда юноша собирался спать, советчик пропищал ему на ухо:

— Теперь ты стал богатым человеком, и у нас нет нужды оставаться здесь больше двух-трех дней. Потом мы должны снова двинуться в путь. Я думаю, со временем король отдал бы за тебя свою дочь. Но я не советую тебе жениться. Ты еще слишком молод. Пойдем, побродим по белу свету, пока ты не станешь старше и умнее.

Совет этот не понравился юноше, но, к счастью, он вспомнил, что до сих пор все наставления мудрого советчика приносили большую пользу, поэтому решил и на этот раз подчиниться.

Король и королевна упрашивали юношу погостить у них подольше, но тот не посмел выполнить их просьбу, так как советчик, сидевший у него за ухом, дал ему совсем другое наставление. Как человеку богатому, юноше теперь не было нужды

странствовать пешком, он мог бы разъезжать и в карете. Но так как спешить ему было некуда, а котомка каждый день добывала ему пищу, то он и продолжал свое путешествие прежним привычным способом — на собственных ногах.

Однажды, остановившись на отдых, он опять почувствовал щекотание за ухом, и тонкий голосок пропищал:

— За тобой гонятся враги, они хотят отобрать у тебя котомку. Твои бывшие спутники проболтались о ней в городе, и теперь горожане задумали ее присвоить. Возьми крепкую сосновую дубинку такой длины, чтобы она уместилась в твоем мешке, высверли ее с одного конца и залей расплавленным свинцом. Тогда у тебя будет надежный помощник, который защитит тебя от врагов.

Юноша в тот же день выполнил приказ своего советчика, достал крепкую дубинку и сунул ее в котомку.

На другой день, когда он проходил через густой лес, на него внезапно набросились десять грабителей. Советчик шепнул ему:

— Вызови дубинку из котомки!

Юноша так и сделал, и тут случилась удивительная вещь: дубинка тотчас же ожила, выскочила из котомки и принялась так колотить разбойников, что те вскоре пустились наутек.

Однажды погожим летним вечером наш путник прибыл в большую деревню, где молодежь как раз устроила большое гулянье. Одни с песнями качались на качелях, другие, не жалея ног, плясали на зеленой лужайке под звуки волынки. Вдруг юноша, любовавшийся этим зрелищем, услышал за ухом шепот:

— В счастливый час явились мы сюда! Мой враг попался! Если мой замысел удастся и ты сумеешь как следует взяться за дело, враг сегодня же будет в наших руках, и я смогу с лихвой рассчитаться с ним. Присмотрись внимательно к танцующим, и ты увидишь среди них девушку, у которой вместо бус на шее красивая пестрая лента. Пригласи эту девушку танцевать; когда вы будете особенно быстро кружиться, ты должен крепко ухватиться за пеструю ленту и рвануть ее так, чтобы она разорвалась на куски. Девушка живуча, как кошка, с ней ничего не сделается.

Юноша тотчас же подошел к танцующим, стал искать де-

вушку с лентой на шее и вскоре ее заметил. Это была высокая девица с вьющимися волосами; парни наперебой звали ее плясать. Как только девушка кончила танцевать с другим, юноша пригласил ее на танец. В ту минуту, когда они особенно быстро кружились, он схватился правой рукой за ее ленту и рванул ее так, что та разлетелась на части. Раздался страшный рев, и девушка исчезла.

Люди, испуганные ужасным криком, увидели, что какой-то человек с седой козлиной бородкой со всех ног удирает к лесу, а другой, ростом повыше, бежит за ним по пятам, и бородатому, видно, не улизнуть. К этому времени совсем стемнело, и люди вскоре потеряли бегущих из виду. А молодежь снова стала веселиться, точно ничего особенного и не случилось.

Наш путник долго еще смотрел на танцующих, потом двинулся дальше, чтобы поискать подходящее место для ночлега. Невдалеке от деревни он услышал за собой быстрые шаги. Оглянувшись, юноша увидел, что его догоняет какой-то человек.

— Обожди, братец! — крикнул тот. — Я пойду с тобой, я ведь все еще у тебя в долгу. Разве ты меня не узнаешь? Правда, за это время я успел превратиться в рослого и сильного человека. Ты освободил меня из заточения, в котором я томился семьсот лет, а сегодня ты отдал мне в руки моего злейшего врага. Теперь мне не нужно больше скрываться у тебя в кармане.

И волшебник рассказал, как в лесу догнал и связал своего врага. Тому теперь никак не уйти. Как только была уничтожена пестрая лента, которая в действительности была живой змеей, вся колдовская сила его пропала. Волшебник собирался колотить своего врага дубинкой до тех пор, пока он не откроет, куда семьсот лет назад спрятал трех королевен с их несметными сокровищами.

— Если мы их разыщем и тебе удастся освободить девушек от колдовских чар, ты станешь богат и счастлив.

Закончив на этом беседу, путники с помощью котомки сытно поужинали и улеглись спать.

На другое утро они отправились в лес посмотреть на захваченного колдуна. Старикашка стоял скрюченный, как ёж; руки и ноги у него были связаны, под коленями пропущена палка, так

что он не мог даже шевельнуться. Волшебник крикнул повелительно:

— Дубинка, вон из котомки!

Тут дубинка обрушилась врагу на спину и принялась так его отделывать, словно готова была превратить в кашу все его кости. Колдун стал умолять о пощаде и пообещал открыть всю правду. Однако, когда мудрец потребовал, чтобы он возвратил похищенных королевен и все сокровища, колдун ответил, что за несколько веков успел забыть, куда их запрятал. Тут дубинка снова получила приказ взяться за работу. У колдуна не осталось уже никакой надежды на спасение, и он открыл, наконец, где находится его тайник. Волшебник произнес:

— Пока мы не найдем девушек и их богатства, ты будешь у меня в плену. Однако здесь тебя оставлять нельзя; вдруг сюда кто-нибудь случайно забредет и из жалости освободит тебя.

С этими словами он взвалил колдуна на спину, словно комок пакли, отнес его к глубокому оврагу и сбросил вниз, так что у старикашки только кости затрещали.

— Дожидайся тут, пока мы не вернемся! — смеясь, крикнул волшебник.

Он объяснил своему спутнику, что указанное колдуном место находится очень далеко, что попасть туда они смогут только при помощи волшебства, причем котомка должна их повезти на себе. По его приказу котомка превратилась в небольшое корыто, в котором едва могли поместиться два человека. С обеих сторон к корыту были прикреплены двухсаженные крылья. Как только путники уселись в него, корыто поднялось в воздух до самых облаков и полетело на юг. Еду и питье корыто давало им так же исправно, как и котомка, так что они ни в чем не терпели недостатка. Их летучий кораблик день и ночь мчался вперед, не зная устали.

Так летели наши путешественники больше недели. Наконец, волшебник приказал корыту опуститься на землю.

Они очутились в необъятной раскаленной пустыне. Среди песков изредка попадались груды камней. Волшебник снова превратил корыто в котомку, повесил ее на спину своему спутнику и сказал:

— Тебе предстоит еще двухдневный переход к такому месту, куда я не могу сопровождать тебя.

Он стал разгребать песок у подножья одной из развалин и вскоре добрался до потайного люка. Путники подняли крышку люка и увидели лестницу. Волшебник поймал большую муху, посадил ее в коробочку и велел своему спутнику спрятать ее за пазуху. Затем он дал юноше такое наставление:

— Когда тебе прикажут назвать ту или другую королевну, выпусти муху из коробочки и проследи, на которую из девушек она сядет. Тогда ты сможешь дать правильный ответ.

После этого юноша решительно двинулся в путь, подумав про себя: будь что будет!

Несколько часов спускался он по темной лестнице и, наконец, почувствовал усталость и голод. Присев на ступеньку, юноша подкрепился едой, утолил жажду, отдохнул часа два и пошел дальше. Вскоре глаза его уловили впереди бледный луч света, а еще через полчаса путник вышел на поляну, где стоял великолепный дворец. Юноша направился к нему. В дверях пришельца встретил маленький седой старичок с длинной бородой и сказал:

— Иди, братец, попытай счастья. Если ты сумеешь угадать, которая из королевен младшая, то, как только ты возьмешь ее за руку, спящие тотчас же проснутся. Но если ты ошибешься, ты сам погрузишься в непробудный сон.

Юноша вытащил из-за пазухи свою коробочку и пошел вслед за старичком. В третьей комнате спали на красивых шелковых постелях три миловидные девушки, настолько похожие друг на друга, что никак нельзя было угадать, которая из них младшая.

Юноша долго смотрел на девушек, но в конце концов, так и не решив задачи, выпустил муху из коробочки. Муха покружилась по комнате, затем опустилась на девушку, лежавшую посередине. Юноша подошел к ней, схватил ее за руку и крикнул:

— Вот младшая сестра!

В тот же миг королевны проснулись, встали с постелей, а младшая сестра бросилась на шею своему избавителю и молвила:

— Благодарю тебя, храбрый юноша! Ты пробудил нас от долгого сна и освободил от колдовских чар. Поспешим же домой!

На обратном пути юноша увидел, что лестницы, по которой он шел раньше, теперь уже нет. Путники некоторое время пробирались ощупью по темному подземному ходу и вышли, наконец, на солнечный свет. Вместо песчаной пустыни они увидели красивые луга, покрытые травой и цветами; там, где были развалины, стоял роскошный королевский дворец, а дальше виднелся большой город. Навстречу им вышел волшебник, взял юношу за руку и отошел с ним в сторону, где за кустами скрывался небольшой пруд с чистой, прозрачной водой.

— Погляди-ка на свое отражение в воде! — приказал волшебник.

Когда юноша взглянул в воду, он не поверил своим глазам: лицо у него, правда, было прежнее, но одет он был в роскошное королевское платье из золота, шелка и бархата.

— Кто дал мне все это? — спросил он.

Волшебник ответил:

— Это последняя услуга котомки. Впредь ты не будешь нуждаться ни в ее помощи, ни в моей, потому что через несколько дней женишься на королевне, а когда старый король навеки закроет глаза, сам станешь королем. Надеюсь, я теперь оплатил тебе свой долг.

— Больше чем в тысячу крат! — радостно воскликнул юноша.

И действительно, несколько дней спустя он отпраздновал свою свадьбу, а через год, когда старый король сошел в могилу, зять его наследовал королевский трон.

БЛАГОДАРНЫЙ КОРОЛЕВИЧ

Король из страны Кунгла однажды заблудился в дремучем лесу. Долго бродил он, разыскивая дорогу, но все было напрасно.

Вдруг перед ним появился какой-то старик и спросил:

— Чего ты, братец, ищешь в этом темном лесу? Вряд ли ты найдешь здесь кого-нибудь, кроме диких зверей.

Король ответил:

— Я заблудился и ищу дорогу к своему дому.

— Что ж, я охотно помогу тебе, — сказал старик, — если ты пообещаешь отдать мне в награду то, что первое увидишь у себя дома.

Подумав, король сказал:

— Первым меня всегда встречает мой любимый пес. Но с какой стати я буду отдавать тебе мою лучшую охотничью собаку? Рано ли, поздно ли, я все же и сам выберусь отсюда!

Старик выслушал его и, не сказав ни слова, скрылся.

Король блуждал по лесу еще три дня и три ночи, взятые из дому припасы у него уже кончились, а на дорогу он так и не набрел.

На четвертый день тот же старик снова подошел к нему и спросил:

— Теперь ты согласен отдать мне то, что первое встретишь дома?

Но король был упрям. Он и на этот раз отказал старику и снова принялся бродить по лесу. Наконец, совсем выбившись

из сил, он опустился на землю под деревом, думая, что наступил его смертный час.

Тут старик — а это был не кто иной, как сам нечистый, — в третий раз подошел к нему и сказал:

— Не будь же таким глупцом! Неужели ты так дорожишь собакой, что не хочешь пожертвовать ею даже ради спасения своей жизни? Пообещай отдать мне в награду то, что я прошу, и ты выйдешь целым и невредимым из беды.

На этот раз король сдался.

— Моя жизнь дороже тысячи собак! — воскликнул он. — У меня ведь целое королевство на плечах. Так и быть, я выполню твое требование. Веди меня домой!

Едва он успел произнести последнее слово, как очутился на опушке леса, откуда виден был королевский дворец.

Он зашагал к дому, и первым, кого он встретил, был его маленький сынок, который, сидя на руках у няньки, радостно протягивал к отцу ручонки. Король испугался, накричал на няньку и велел ей поскорее унести ребенка.

Тут прибежала и его верная собака, радостно виляя хвостом. Однако в награду за свою преданность она на этот раз получила только пинок ногой. Так нередко ни в чем не повинные слуги расплачиваются за ошибку хозяина.

Когда гнев короля немного улегся, он приказал своего ребенка, очень красивого мальчика, обменять на дочку бедного бобыля. И с тех пор королевич рос в убогой крестьянской лачуге, а дочь бобыля спала в королевской колыбели, под шелковым одеялом.

Через год старый холостяк[1] явился за обещанным. Он взял себе девочку, считая ее королевской дочерью, потому что об обмене детей не подозревал.

Король был очень обрадован тем, что хитрость его удалась. Он устроил веселый пир и щедро одарил родителей девочки, чтобы его собственный ребенок, живя у них, ни в чем не нуждался. Но своего сына король пока не решался взять домой,

---

[1] «Старый холостяк» — одно из наименований черта в эстонских народных сказках. (Прим. перев.)

опасаясь, как бы обман не обнаружился. Крестьяне же были очень довольны сделкой; у них одним едоком стало меньше, а хлеба и денег прибавилось.

Время шло, королевич вырос, вернулся в родительский дом и стал жить в роскоши и почете. Однако жизнь эта его не радовала: он узнал, какой ценой был спасен, и не мог примириться с мыслью, что ни в чем не повинная девочка должна страдать из-за оплошности его отца. Он решил либо спасти девочку, либо погибнуть вместе с ней.

Однажды он тайком нарядился деревенским парнем, взвалил себе на плечи полувакковый[1] мешок с горохом и отправился в тот самый лес, где восемнадцать лет тому назад заблудился его отец.

В лесу он начал во весь голос причитать:

— Ох я, несчастный! Куда я забрел, кто выведет меня из этих ужасных дебрей! Ведь здесь нет ни единой человеческой души!

Вдруг перед ним появился незнакомый старик с длинной седой бородой и кожаной сумкой у пояса — настоящий тартуский житель! Старик приветливо поздоровался и проговорил:

— Я эти места знаю хорошо и выведу тебя из лесу, если ты пообещаешь мне хорошую плату.

— Что я, бедный мужичок, могу вам обещать! — воскликнул хитрый королевич. — У меня нет ни гроша за душой. Даже кафтан на мне хозяйский — я нанялся в батраки за харчи и одежду.

Незнакомец взглянул на мешок с горохом и произнес:

— Ну, не такой уж ты бедный! Вон какой мешок у тебя на спине! Видно, не легкий!

— Да в мешке-то один горох! — ответил королевич. — Прошлой ночью умерла моя старая тетка и не оставила после себя ни гроша. В доме не нашлось даже гороха. А ведь, по деревенскому обычаю, людям, которые сидят ночью около покойника, дают моченый горох, чтобы их ко сну не клонило. Вот я и

---

[1] Вакк (пура) — старинная мера зерна в Прибалтийском крае. В Эстляндии пура равнялась приблизительно трем пудам. (Прим. перев.)

попросил у хозяина полмешка гороха, обещал потом за него отработать да и собрался на похороны. Чтобы сократить путь, я пошел напрямик, лесом, и, как видите, заблудился.

— Значит, ты сирота! — воскликнул незнакомец, скаля зубы. — Не хочешь ли наняться ко мне на хутор? Я как раз подыскиваю работящего батрака, а ты мне пришелся по душе.

— Я не прочь, если сговоримся, — ответил юноша. — Родился я батраком, чужой хлеб повсюду одинаково горек, а какому хозяину служить, мне все равно. Какое же жалованье вы будете мне платить в год?

— Каждый день свежие харчи, — сказал старик, — причем два раза в неделю мясо. Если же тебе надо будет отправиться на работу куда-нибудь подальше, получишь к хлебу еще масла и салаки. Отпущу тебе также всю необходимую одежду и, сверх всего, отведу кусочек пашни на четыре мешка зерна.

— Я согласен! — ответил королевич. — Тетку похоронят и без меня, а я пойду с вами.

Старик остался, видимо, очень доволен сделкой. Он завертелся на одной пятке, а потом как пустится в пляс — только деревья кругом затрещали.

Немного погодя старик со своим новым работником тронулся в путь, стараясь скоротать время сладкими речами и не замечая, что его спутник через каждые десять-пятнадцать шагов бросает на землю горошинку из своего мешка. Переночевали наши путники под густой елью, а утром двинулись дальше.

К вечеру они подошли к большому камню. Старик остановился, внимательно осмотрелся, свистнул и три раза ударил о землю пяткой левой ноги. Камень тотчас же отодвинулся, и открылись потайные двери в подземелье. Старик схватил королевича за руку и крикнул:

— Иди за мной!

Их обступила кромешная тьма, и королевичу показалось, что дорога опускается все глубже и глубже. Вскоре забрезжил свет, который совсем не походил на сияние солнца или луны.

Королевич испуганно взглянул вверх, но не увидел над собой ни солнца, ни неба. Блестящее туманное облако медленно двигалось над каким-то новым миром, в котором все было чуждо

и незнакомо. Земля и вода, деревья и травы, животные и птицы — все имело совсем иной вид, чем на земле. Но больше всего поразила королевича царившая вокруг мертвая тишина: не слышно было ни шума, ни голосов, всюду было тихо, как в могиле. Юноша не слышал даже звука собственных шагов. Кое-где на деревьях сидели птицы; они вытягивали шейки и выпячивали грудки, будто пели, но до ушей королевича их пение не доходило. Собаки раскрывали пасти, будто лаяли, быки поднимали рогатые головы, словно мычали, но ни лая, ни мычанья не было слышно. Вода переливалась по каменистому дну ручейка, ветер сгибал вершины лесных деревьев, но ни единый звук не нарушал тишину. Мухи и жуки также летали бесшумно.

Старик не произносил ни слова, а когда его спутник попробовал было заговорить, то сейчас же заметил, что звуки застревают у него в горле, словно оно омертвело.

Долго шли они в этом страшном царстве молчания. У королевича сердце замирало от ужаса, волосы вставали дыбом, а по телу пробегала холодная дрожь.

Наконец — о радость! — до его слуха стали доноситься какие-то звуки, и в этом призрачном мире, казалось, проснулась жизнь.

Можно было подумать, что большой табун лошадей где-то поблизости перебирается через трясину и под копытами коней хлюпает болотная вода. Старик сказал, облизываясь:

— Я слышу, как у нас дома варится каша! Значит, нас ждут.

Они пошли дальше, и королевичу показалось, что где-то раздается шум лесопилки, на которой работает не менее дюжины пил. А его новый хозяин произнес:

— Это старая бабушка легла спать и захрапела.

Через некоторое время они поднялись на гору, и королевич увидел хозяйский хутор. Тут было так много различных построек, что хутор скорее походил на деревню или поселок, чем на крестьянскую усадьбу.

Наконец, они подошли к воротам, возле которых стояла пустая собачья конура.

— Забирайся в будку! — крикнул хозяин. — И сиди там, пока я не поговорю насчет тебя со старой бабушкой. Она, как

почти все старики, очень привередлива и терпеть не может чужих людей в доме.

Весь дрожа, королевич залез в конуру. Он раскаивался в своей излишней смелости, из-за которой попал теперь в такую беду.

Вскоре хозяин вернулся и велел королевичу вылезти из конуры.

— Заруби себе на носу, — сказал он грозно, — что здесь ты должен жить по нашему хозяйскому уставу, не то тебе не сдобровать:

Не забудь: гляди и слушай —
Есть на то глаза и уши.
Рот закрой, как на замок!
Выполняй мои приказы,
Я спрошу — ответь мне сразу,
А потом — опять молчок!

Войдя в дом, королевич увидел красивую молодую девушку с карими глазами и вьющимися волосами. Он подумал: «Если у старика много таких красавиц, неплохо, пожалуй, с ним породниться, девушка мне очень нравится».

Девушка накрывала на стол. Молча расставила она посуду, подала ужин и отошла к очагу, где присела на скамеечку и принялась вязать чулок. На королевича она даже не взглянула. Хозяин сел за стол один, не пригласив ни батрака, ни девушку; старой бабушки почему-то не было видно. Старик оказался большим прожорой: в один миг проглотил всю снедь, какая была на столе, а ее хватило бы, по крайней мере, на дюжину едоков. Дав своим челюстям отдохнуть, он сказал девушке:

— А теперь выскреби котлы и наедайтесь сами, но кости оставьте собаке!

Королевич поморщился, услышав, что он и эта милая девушка должны делить с собакой какие-то объедки. Вскоре, однако, лицо его прояснилось, когда он увидел, что из остатков ужина получилось довольно вкусное кушанье.

За столом он то и дело исподтишка посматривал на девушку. Многое дал бы королевич за то, чтобы ему разрешили перекинуться с ней словечком. Но едва он открывал рот, как де-

вушка устремляла на него умоляющий взгляд, точно просила: молчи, молчи!

Поэтому юноше поневоле приходилось говорить только глазами. Он охотно ел кушанья, приготовленные девушкой, думая, что ей приятно видеть, как гость ценит ее труды. Старик растянулся на лежанке возле печки.

Когда девушка и батрак кончили ужинать, старик сказал королевичу:

— Два дня можешь отдыхать с дороги и присматриваться к хозяйству. Но послезавтра вечером явись ко мне, и я распоряжусь насчет следующего дня. Работа у нас распределяется с вечера, чтобы утром, когда я встаю, люди были уже на своих местах. А теперь спать! Девушка тебе покажет, где лечь.

Королевич хотел было о чем-то спросить, но старик вихрем налетел на него и загрохотал:

— Молчать, собака! Посмей только нарушить хозяйский устав! Я тебя мигом сделаю на голову короче. А теперь проваливай спать!

Девушка поманила королевича пальцем и указала на дверь, в которую ему надо было войти. Ему показалось, что у девушки на глазах выступили слезы. Королевич с удовольствием помедлил бы еще в дверях, если бы не боялся старика. «Не может быть, чтобы эта милая девушка была его дочерью, — подумал королевич, — видно ведь, что у нее настоящее человеческое сердце. Не она ли и есть та самая девочка, которую когда-то отдали нечистому вместо меня и из-за которой я и решился отправиться сюда?»

Королевич заснул только поздно ночью. Но спал он тревожно и видел страшные сны. Ему снилось, что его подстерегают всевозможные опасности; но всякий раз появлялась прекрасная девушка и спешила к нему на помощь.

Утром, проснувшись, он сразу решил выполнять все, что девушка подскажет ему взглядом. Он застал ее уже за работой и стал ей усердно помогать: таскал воду, колол дрова, растапливал очаг и делал все, что требовалось по хозяйству.

После обеда королевич стал осматривать двор и постройки и очень удивлялся тому, что нигде не было видно старой ба-

бушки. В конюшне стояла белая лошадь, а на скотном дворе — черная корова с белоголовым теленком. Из птичника, запертого на замок, доносилось кудахтанье и кряканье, там, как видно, было много домашней птицы — кур, гусей, уток.

Завтрак и обед оказались такими же сытными и вкусными, как и вчерашний ужин, и королевич мог бы легко примириться со своим новым житьем, если бы его не заставляли все время молчать, да еще в присутствии такой милой девушки.

На другой день королевич пошел к хозяину за приказаниями.

Старик сказал:

— На завтра я дам тебе совсем легкую работу. Возьми косу и накоси для белой лошади травы, столько, сколько ей потребуется на день, а потом выгреби навоз из конюшни. Но запомни: если я загляну в конюшню и увижу, что кормушка пуста, а навоз не убран, тебе не сдобровать!

Королевич обрадовался. «С такой пустяковой работой я справлюсь наверняка! — подумал он. — Я, правда, косы и в руках никогда не держал, но видел не раз, как ловко мужички ею орудуют. А силы у меня достаточно».

Он уже собрался было ложиться спать, как вдруг к нему в комнату на цыпочках вошла девушка и шепотом спросила:

— Что тебе велели завтра делать?

— На завтра, — ответил королевич, — мне дали совсем легкую работу: я должен накосить сена для белой лошади и вычистить конюшню. Вот и все.

— Ох ты, несчастный! — вздохнула девушка. — Разве ты в силах справиться с такой задачей! Ведь белая лошадь — это и есть старая бабушка хозяина. Это такое прожорливое животное, что для нее и двадцать косарей не смогли бы накосить сена, а чтобы очистить конюшню, надо еще душ десять батраков. Как же ты один можешь управиться с такой работой! Послушайся моего совета и проделай все, чему я тебя научу. Завтра, когда дашь лошади охапку или две сена, возьми крепкий ивовый прут и на глазах у лошади согни обруч. Потом возьми полено и принимайся тут же вытесывать из него затычку. Белая лошадь непременно спросит тебя, для чего ты все это делаешь, а ты

отвечай так: «Обручем я стяну тебе морду, если ты станешь съедать все сено, а затычка мне пригодится, если ты будешь выбрасывать на пол слишком много навоза».

Сказав это, девушка тотчас же вышла так же тихонько, на цыпочках, как и пришла; юноша даже не успел ее поблагодарить. Он запомнил ее совет, еще раз повторил его про себя, а затем лег спать.

На другой день рано утром королевич отправился на работу. Он быстро замахал косой и через несколько минут с радостью увидел, что граблями уже можно нагрести несколько больших охапок сена.

Бросив лошади в кормушку первую охапку, он побежал за второй и тотчас же вернулся. Каково же было его изумление, когда он увидел, что кормушка пуста, а на полу навалено навоза чуть ли не на целую телегу. Тут королевич понял, как легко он мог бы погибнуть, если бы девушка не дала ему мудрый совет. Он взял ивовый прут и принялся гнуть обруч. Белая лошадь повернула голову и удивленно спросила:

— Сынок, что ты с этим обручем собираешься делать?

— Да ничего особенного, — ответил юноша, — обруч я гну для того, чтобы стянуть тебе челюсти, если ты вздумаешь есть слишком много сена.

Белая лошадь глубоко вздохнула и тотчас же перестала жевать.

Юноша вычистил конюшню и принялся вытесывать клин.

— Что ты с этим клином хочешь делать? — снова спросила лошадь.

— Ничего особенного, — последовал ответ. — Он мне пригодится как затычка, если я увижу, что корм слишком быстро через тебя проходит.

Лошадь опять взглянула на него, вздохнула и, как видно, поняла его слова: прошло уже полдня, а сено в кормушке оставалось нетронутым и на полу было чисто.

Потом в конюшню явился хозяин и, увидев, что все здесь в полном порядке, спросил удивленно:

— Ты сам такой умный или у тебя есть умные советчики?

На это хитрый королевич ответил:

— Нет у меня никаких советчиков, одна только глупая голова на плечах.

Старик сердито скривил губы и, ворча что-то себе в бороду, вышел из конюшни. Королевич же был очень рад, что все обошлось так благополучно.

Вечером хозяин сказал королевичу:

— На завтра для тебя нет подходящей работы, у девушки же много хлопот по дому, поэтому тебе придется подоить черную корову. Но смотри, чтобы в вымени не осталось молока. Если я потом выжму хоть каплю молока, тебе это может стоить жизни.

Королевич подумал: «С этой работой я легко справлюсь, если, конечно, тут не кроется опять какой-нибудь подвох. Пальцы у меня сильные, смогу все выдоить начисто».

Он только что собрался укладываться спать, как пришла девушка и спросила:

— Какую работу тебе задали на завтра?

— Завтра у меня свободный день, — весело ответил королевич, — мне приказано только подоить черную корову.

— Ох ты, несчастный! — со вздохом произнесла девушка. — Знай же, милый юноша, что даже если ты будешь доить ее с утра до вечера, все равно не выдоишь; молоко притекает в ее вымя беспрерывно, точно из ручья. Я вижу, старик решил тебя погубить. Но ты не тревожься: пока я жива, с тобой ничего не случится. Запомни хорошенько то, что я тебе сейчас скажу, и выполни все в точности. Когда пойдешь утром в коровник, захвати с собой горшок с горящими углями и кузнечные клещи. Войдя в хлев, положи клещи в горшок и принимайся раздувать угли. Черная корова, наверное, спросит тебя, для чего ты это делаешь, а ты скажи ей то, что я тебе сейчас шепну на ухо.

Девушка прошептала ему на ухо несколько слов и удалилась. А королевич улегся спать.

Утром, как только заря зарумянила небосклон, королевич взял в одну руку горшок с углями, в другую клещи, направился в коровник и выполнил все наставления девушки. Черная корова некоторое время поглядывала на него искоса, потом спросила:

— Что ты там делаешь, сынок?

— Да ничего особенного, — последовал ответ, — я хочу только накалить клещи. Дело в том, что некоторые коровы имеют мерзкую привычку после дойки еще задерживать молоко. Против этого я знаю прекрасное средство: выдоив вымя, нужно сдавить соски раскаленными клещами, чтобы они потом зря не цедили молоко.

Черная корова глубоко вздохнула и боязливо стала следить за королевичем. Тот подставил подойник и тщательно выдоил ее. Когда он через некоторое время попробовал ее снова подоить, то ни в вымени, ни в сосках не оказалось ни капли молока.

Немного погодя пришел хозяин и стал отжимать соски коровы, но тоже ни капельки не выцедил.

Он спросил сердито:

— Ты сам такой умный или у тебя есть умные советчики?

Королевич ответил:

— Нет у меня никаких советчиков, одна только глупая голова на плечах.

Старик ушел, обозленный.

Вечером он сказал королевичу:

— У меня остался еще стожок сена на лугу, его нужно убрать до дождей. Привези его завтра домой, но смотри, чтобы ни былинки не осталось в поле, иначе ты можешь поплатиться жизнью.

Королевич подумал: «Задача немудреная, мне надо будет только нагрузить воз, лошадь сама повезет. А жалеть старую бабушку хозяина я вовсе не намерен».

Вечером девушка опять заглянула к королевичу. Тот сказал, смеясь:

— Здесь я научусь всякому крестьянскому труду. Завтра мне предстоит перевезти с луга стожок сена, причем я должен проследить, чтобы ни былинки на месте не осталось. Вот и все.

— Ох ты, несчастный! — вздохнула девушка. — Где же тебе с этим управиться! Если бы ты стал перевозить это сено всей волостью, да возил бы его целую неделю, то и тогда не перевез бы. То, что ты снимаешь со стога сверху, тут же нарастает

снизу, да еще с излишком. Послушай, что я тебе сейчас скажу: встань завтра до зари, выведи белую лошадь из конюшни и захвати с собой веревку покрепче. Веревку обмотай вокруг стога, впряги лошадь, сам заберись на стог и начинай громко считать: раз, два, три, четыре, пять, шесть и так далее. Лошадь немедленно же спросит — что ты там считаешь? А ты ей ответь вот что . . . — Девушка прошептала ему что-то на ухо и тотчас же выскользнула из комнаты.

Проснувшись утром, королевич тотчас же припомнил, что она ему советовала сделать. Он взял крепкую веревку, вывел из конюшни лошадь, вскочил на нее и поскакал в поле. Там он нашел, однако, не стожок, а огромный стог сена, по меньшей мере копен в пятьдесят. Он в точности выполнил наставления своей доброй советчицы. И вот, когда он взобрался на стог и принялся громко считать: раз, два, три, четыре и так далее, белая лошадь с изумлением спросила:

— Что ты, сынок, там считаешь?

— Да так, ничего особенного, — ответил королевич. — Я начал для забавы пересчитывать волков, которые только что выбежали из лесу целой стаей. Но их так много, что я не успел сосчитать.

Едва он упомянул о стае волков, как белая лошадь рванулась с места и — бежать! Она мчалась с быстротой ветра, и через несколько минут сено было привезено домой.

Хозяин был поражен, когда еще до полудня увидел батрака со стогом сена на дворе.

— Ты сам такой умный или у тебя здесь есть умные советчики? — спросил старик.

Королевич ответил:

— Нет у меня никаких советчиков, одна глупая голова на плечах.

Покачивая головой и ругаясь, старик удалился.

В сумерки королевич отправился узнать, какую работу он должен выполнить завтра. Хозяин сказал:

— Завтра тебе надо будет выгнать белоголового теленка на пастбище, но гляди, чтобы он у тебя не сбежал, иначе ты легко можешь поплатиться жизнью.

Королевич подумал: «Какой-нибудь десятилетний деревенский мальчишка пасет целое стадо, неужели мне не справиться с одним теленком!»

Он только что собрался лечь, как девушка опять явилась узнать, какая работа на этот раз поручена королевичу.

— Ну, на завтра я получил совсем пустяковую работу, — ответил он. — Мне придется пасти белоголового теленка.

Услышав это, девушка тяжко вздохнула.

— Ох ты, несчастный! С этим ты ни за что не справишься. Ты ведь не знаешь, что этот теленок носится как бешеный и способен за день обежать три раза вокруг света. Запомни хорошенько то, чему я тебя сейчас научу. Возьми эту шелковую ниточку, привяжи один конец ее к левой ноге теленка, а другой к мизинцу своей левой ноги, и тогда теленок ни на шаг не отойдет от тебя, все равно, будешь ли ты бодрствовать или спать.

Девушка ушла, а королевич лег спать. Но ему было очень досадно, что он опять забыл поблагодарить ее за полезные советы.

На другое утро юноша выполнил в точности все, чему научила его добрая девушка. Он вывел теленка на пастбище на привязи из шелковой нитки, и теленок, как верный пес, ни на шаг не отходил от пастуха.

После захода солнца, когда он повел теленка домой, ему повстречался хозяин. Гневно нахмурившись, старик спросил:

— Ты сам такой умный или у тебя имеются умные советчики?

Королевич ответил:

— Нет у меня никаких советчиков, одна только глупая голова на плечах.

Сердито ворча, старик удалился.

Вечером хозяин дал юноше мешочек ячменя и сказал:

— Завтра я дам тебе свободный день. Можешь спать хоть с утра до вечера. Зато сегодня ночью тебе придется как следует поработать! Посей немедленно этот ячмень. Он быстро взойдет и созреет. Собери его, обмолоти, провей, после этого дай зерну прорасти, чтобы получился хороший солод, перемели его и из этой муки свари пиво. Все это сделай с таким расчетом, чтобы утром, когда я проснусь, ты смог мне поднести кружку свежего

пива. Постарайся выполнить мой приказ в точности, чтобы не поплатиться головой.

Королевич вышел от старика в большом смятении. За дверью он горько заплакал.

— Эта ночь будет последней в моей жизни, — говорил он сквозь слезы. — Ведь ни один смертный не в силах выполнить эту работу. Тут не помогут и мудрые советы доброй девушки. Ох я, несчастный! Зачем я поступил так опрометчиво — покинул королевский дворец и бросился навстречу собственной гибели! Я даже не могу вознести свои жалобы к звездам небесным — тут ведь ни неба, ни звезд не видать.

И вот, когда он с мешочком ячменя в руках плача стоял возле дверей, к нему подошла добрая девушка и спросила, почему он так печален. Юноша ответил сквозь слезы:

— Ох, настал мой последний час! Мы должны с тобой расстаться навеки. Выслушай же мое признание: я — единственный сын могущественного короля и тоже мог бы когда-нибудь править обширным королевством. Но теперь всему конец. Прощай, жизнь! Прощайте, счастье и надежды!

И юноша, горько плача, рассказал девушке, какую работу хозяин поручил ему на ночь. Но сердце его наполнилось гневом, когда он увидел, что его горе нисколько не трогает девушку. Выслушав его, она проговорила смеясь:

— Успокойся, мой дорогой королевич! Сегодня ночью ты можешь спокойно спать, а завтра гулять, сколько душе угодно. Теперь выслушай мой совет и не пренебрегай им, хотя он и исходит из уст девушки простого звания. Возьми этот маленький ключик. Им можно отпереть двери третьего птичника, где содержатся духи, подвластные старику. Брось этот мешочек с ячменем через порог и повтори слово в слово приказание хозяина, а под конец скажи: «Если вы хоть на волосок отступите от моих приказаний, вы все погибнете. Если же вы сами не справитесь, то вам помогут; сегодня ночью двери седьмого амбара, где содержатся самые сильные духи хозяина, будут стоять открытыми».

Королевич в точности выполнил все указания девушки, а сам лег спать. Утром он побежал в пивоварню. Пиво уже бро-

дило в чанах, и пена через край стекала на землю. Он отведал свежего пива, нацедил его в большой жбан и понес на пробу хозяину, который как раз собирался встать с постели. Королевич думал, что хозяин поблагодарит его за хорошую работу, но старик вместо благодарности злобно проворчал:

— Это ты не сам придумал! Я вижу, ты нашел себе добрых друзей и советчиков. Ну, погоди, вечером мы еще с тобой поговорим.

Вечером же старик сказал:

— На завтра работы для тебя нет. Но утром, когда я проснусь, подойди к моей кровати и поздоровайся со мной за руку.

Забавная выдумка старика развеселила королевича, и он со смехом рассказал о ней девушке. Но та озабоченно нахмурилась и проговорила:

— Теперь берегись! Я вижу, старик решил тебя завтра сожрать. Одно спасенье — накали утром железную лопату докрасна и протяни ее старику вместо руки.

Утром лопату накалили докрасна еще задолго до того, как хозяин проснулся. Наконец из его спальни донесся сердитый окрик:

— Эй, лентяй! Где это ты пропадаешь? Почему не приходишь здороваться?

Королевич тотчас же вошел в спальню с раскаленной лопатой. Увидев ее, старик плаксиво пробормотал:

— Я сегодня очень болен и не в силах пожать тебе руку. Приходи-ка вечером, тогда я передам тебе свои приказания.

Целый день королевич прогулял, а вечером пошел к хозяину. Старик принял его ласково и сказал, улыбаясь:

— Я тобой очень доволен. Приходи завтра утром вместе с девушкой. Я знаю, что вы давно любите друг друга, и хочу вас повенчать.

Королевичу захотелось прыгать и петь от радости, но, к счастью, он во-время вспомнил строгий хозяйский устав и удержался и от того, и от другого.

Перед сном он поделился своей радостью с любимой, думая, что и она будет осчастливлена приятной вестью. Однако, к его удивлению, девушка смертельно перепугалась и побелела как

стена. Через несколько минут, когда язык ее, скованный страхом, снова задвигался, она произнесла:

— Старик догадался, что я давала тебе добрые советы, и хочет нас обоих уничтожить. Мы должны сегодня же ночью бежать и попытаться спастись, не то нас ждет смерть. Возьми топор, пойди в коровник и одним ударом отруби голову теленку, а вторым ударом расколи его череп пополам. В мозгу ты найдешь сверкающий красный шарик. Принеси его мне. Все остальное я сделаю сама.

Королевич подумал: «Лучше убить одного ни в чем не повинного теленка, чем самому умереть и дать погибнуть любимой девушке. Если нам удастся бежать, я вернусь в родной дом. Горох, который я разбросал, теперь, наверно, уже взошел и поможет нам найти дорогу».

Юноша пошел в коровник. Теленок лежал возле коровы и оба спали так крепко, что не слышали, как королевич вошел. Одним ударом топора он отрубил теленку голову. Корова тяжко застонала, точно видела страшный сон. Вторым ударом королевич расколол череп теленка. И — вот чудо! — в коровнике сразу стало светло как днем: из мозга теленка выкатился красный шарик, сиявший, как маленькое солнце. Королевич бережно завернул его в платок и спрятал за пазуху. Корова, к счастью, не проснулась, не то она своим мычанием могла бы разбудить хозяина.

У ворот королевича поджидала девушка с небольшим узелком в руках.

— Где шарик? — спросила она.

— Здесь! — ответил юноша и передал ей волшебный шарик.

— Теперь бежим! — воскликнула девушка. Она отвернула уголок платка, в который был завернут шарик; часть его, оставшаяся непокрытой, освещала им путь, словно свечка в фонаре. Как королевич и предвидел, горох успел вырасти, поэтому они не боялись сбиться с пути.

По дороге девушка поведала королевичу тайну, которую она случайно узнала, подслушав разговор хозяина со старой бабушкой. Старик говорил, что девушка — королевская дочь и что он хитростью отнял ее у родителей, когда она была еще ребенком.

Королевич и сам мог бы кое-что порассказать об этом, но промолчал и лишь порадовался в душе, что ему удалось спасти бедную девушку. До рассвета они успели пройти изрядную часть пути.

Старик проснулся поздно. Он долго протирал слипшиеся глаза, пока они не раскрылись и сон окончательно не испарился. Он с удовольствием подумал о том, как сейчас проглотит молодую парочку. Прождав напрасно некоторое время, он решил: «Наверное, все еще наряжаются к свадьбе». Но в конце концов ему надоело дожидаться, и он стал кричать:

— Эй, батрак, девушка! Куда вы запропастились?

Бранясь и проклиная нерадивых слуг, он звал все громче и громче, но никто не отзывался и не показывался. Наконец, разъяренный, старик слез с постели и отправился их разыскивать. В доме никого не оказалось, постели девушки и батрака были нетронуты. Старик побежал в хлев. Увидев убитого теленка и убедившись, что волшебный шарик исчез, он понял, что произошло. Тут старик разразился такой руганью, что все кругом почернело. Одним ударом он вышиб двери третьего амбара, в котором содержались духи.

— В погоню! В погоню! — заорал он. — Тащите их обратно!

Духи умчались как ветер.

Беглецы только вышли на широкую равнину, как вдруг девушка остановилась и сказала:

— Видно, что-то неладно — шарик у меня в руке зашевелился. За нами, наверное, послали погоню.

Оглянувшись, девушка увидела черную тучу, которая быстро приближалась. Девушка три раза перекатила шарик по ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!
Пусть я стану в поле речкой,
А мой спутник в речке рыбкой!

В тот же миг девушка превратилась в речку, а королевич — в рыбку, плавающему в ее волнах.

Духи вихрем промчались над ними, но вскоре вернулись и полетели обратно к дому.

Как только злые преследователи скрылись, речка снова превратилась в девушку, а рыбка — в юношу, и молодые люди побежали дальше.

Усталые духи возвратились к старику с пустыми руками. Он спросил их, не приметили ли они чего-нибудь особенного на своем пути.

— Нет, ничего! — отвечали они. — На равнине мы видели только речку, а в ней одну единственную рыбку.

Старик яростно загремел:

— Эх вы, бараньи головы! Так ведь это же они и были! Это же они и были!

Старик вышиб двери пятого амбара, выпустил оттуда духов и приказал им:

— Выпейте всю речку, рыбку поймайте на мели и доставьте мне.

Духи умчались как ветер.

Тем временем путники достигли опушки леса. Девушка остановилась и озабоченно сказала:

— Видно, что-то неладно: шарик в моей руке зашевелился.

Оглянувшись, она снова увидела на небе тучу, но более темную, чем прежде, с кроваво-красными краями.

— Погоня! — воскликнула девушка. Она три раза перекатила волшебный шарик по ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!
Преврати меня в шиповник,
Сделай юношу цветочком
На моей зеленой ветке!

И в то же мгновенье они преобразились: там, где только что стояла девушка, вырос куст шиповника; не было и юноши, зато на кусте цвела розочка.

Духи с шумом промчались в высоте, а через несколько минут пролетели обратно. Они не нашли ни речки, ни рыбки, а на куст шиповника не обратили внимания. Как только преследователи скрылись, куст шиповника и цветок превратились в девушку и королевича.

Отдохнув немного, они снова пустились в путь.

— Неужели вы их не нашли? — спросил старик, когда его подручные, запыхавшись, прилетели домой.

— Нет, — ответил старший дух, — мы не нашли ни речки, ни рыбки.

— И вы ничего особенного на пути не заметили? — закричал старик.

Старший дух ответил:

— На опушке леса рос куст шиповника, а на нем цвела розочка.

— Вы настоящие бараны! — заорал старик. — Это же и были беглецы! Это же они и были!

Старик побежал к седьмому амбару и послал в погоню своих самых сильных духов.

— Тащите их сюда, в каком бы виде вы их ни нашли — живыми или мертвыми! Вырвите шиповник с корнем! Забирайте все, что вам по дороге бросится в глаза!

Духи умчались с быстротой вихря.

Беглецы присели в тенистом лесу отдохнуть и поесть. Вдруг девушка воскликнула:

— Что-то опять неладно! Шарик пытается выскочить. Видно, за нами опять погнались и преследователи уже совсем близко, их только не видно за деревьями.

Она три раза перекатила шарик по ладони и сказала:

Слушай, слушай, красный шарик!
Пусть я стану ветерочком,
Спутник — мошкою крылатой!

В тот же миг оба преобразились. Девушка превратилась в ветерок, а королевич в образе комарика стал кружиться в воздухе.

Стая самых мощных духов старика грозовой тучей пролетела над ними и вскоре промчалась обратно, не найдя ни шиповника, ни цветка. Не успели духи скрыться, как ветерок превратился в девушку, а комарик в королевича.

— Теперь нам надо бежать изо всех сил! — воскликнула девушка. — Старик может сам погнаться за нами. А он-то узнает нас в любом облике.

Они пустились бежать и бежали до тех пор, пока не попали в темный подземный ход. Тут они стали взбираться наверх, а сияющий шарик освещал им дорогу. Усталые, запыхавшиеся, добрались они до большого камня. Девушка опять перекатила шарик три раза по ладони и проговорила:

Слушай, слушай, красный шарик!
Отодвинь с дороги камень,
Пусть ворота распахнутся!

Камень мгновенно отодвинулся, и королевич с девушкой благополучно очутились на земле.

— Мы спасены! — воскликнула девушка. — Здесь мы нечистому не подвластны, а на хитрости его мы не поддадимся. Но теперь, мой друг, нам нужно расстаться. Ты пойдешь к своим родителям, а я отправлюсь разыскивать своих.

— Нет! — возразил королевич. — Я не хочу с тобой разлучаться. Ты должна стать моей женой. Мы с тобой делили горе, должны разделить и радость.

Девушка сначала отказывалась, но, вняв просьбам королевича, пошла с ним. В лесу они встретили дровосека. Он рассказал им, что во дворце и по всей стране царит величайшая скорбь, так как королевский сын несколько лет тому назад бесследно исчез.

При помощи волшебного шарика девушка раздобыла для королевича его прежнее платье, чтобы он мог явиться к отцу в достойном виде, сама же решила подождать в крестьянской избушке, пока королевич не сговорится обо всем с отцом. Но старый король покинул этот мир, не дождавшись сына. Тоска по единственному ребенку сломила его силы. На смертном одре он покаялся в том, что выдал нечистому ни в чем не повинную девочку.

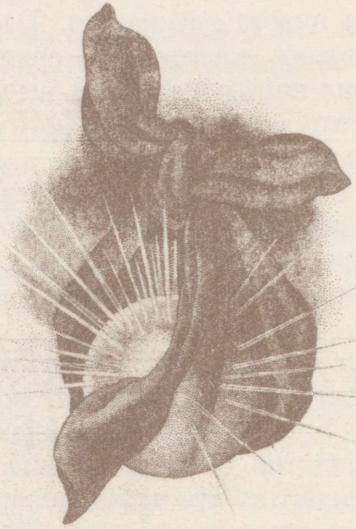
Королевич, как добрый сын, поплакал над телом отца и устроил торжественные похороны. Три дня предавался он своему горю, ничего не ел и не пил, а на четвертый день явился перед народом как новый король. Собрав королевских советников, он рассказал им о своих удивительных приключениях в подземном царстве, а также о том, как умная девушка спасла ему жизнь.

Советники воскликнули в один голос:

— Она должна стать вашей супругой и нашей повелительницей!

Когда юный король приехал за своей невестой, он был поражен, встретив ее в пышном королевском наряде. При помощи волшебного шарика она оделась так роскошно, что народ принял ее за дочь неимоверно богатого короля, прибывшую из дальней страны.

И тут начались свадебные празднества, длившиеся четыре недели.



В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

Однажды в морозную, вьюжную новогоднюю ночь мужичок заблудился в поле. Пробираясь сквозь высокие сугробы, он так выбился из сил, что благодарил судьбу, когда ему, наконец, удалось укрыться от ветра под густым кустом можжевельника. Здесь он решил переночевать, надеясь, что утром, при дневном свете, легче будет выбраться на дорогу. Он свернулся, как ёж, плотнее укутался в теплую шубу и заснул.

Во сне он вдруг почувствовал, что его кто-то трясет, и, очнувшись, услышал незнакомый голос, кричавший ему в самое ухо:

— Эй, земляк! Вставай, не то буран занесет тебя так, что ты и не выберешься.

Крестьянин высунул голову из-под шубы и открыл слипшиеся глаза. Перед ним стоял высокий человек, державший в руке вместо палки молодую сосенку, раза в два выше, чем он сам.

— Идем со мной! — сказал незнакомец. — Мы развели в лесу костер, там ты лучше отдохнешь, чем в чистом поле.

От такого радушного приглашения крестьянин не мог отказаться. Он тотчас же встал и пошел за незнакомцем.

Метель бушевала так, что на расстоянии трех шагов ничего не было видно. Но как только незнакомец поднял свою сосновую палку и громко воскликнул: «Эй, матушка вьюга! Освободи

нам путь!» — тотчас же перед ними открылась широкая дорога, на которую не попадало ни единой снежинки. И слева, и справа от них, и позади буран завывал с прежней яростью, но путники продвигались без всякого труда. Казалось, с обеих сторон возвышаются невидимые стены, ограждающие их от натиска бури.

Вскоре путники вступили в лес, в глубине которого светился огонек.

— Как тебя зовут? — спросил человек с сосновой палкой.

Крестьянин ответил:

— Я — Ханс, сын Длинного Ханса.

У огня сидели три человека, одетые в белое полотняное платье, точно в летнюю жару. Шагов на тридцать или более вокруг них царило настоящее лето. Землю покрывал сухой мох, на деревьях зеленели листья, в траве копошились муравьи и другие букашки. А с поля в это время доносился вой снежной метели. Еще более поразил Ханса костер: он пылал ярким пламенем, освещая все кругом, и вместе с тем совсем не дымил.

— Как ты думаешь, Ханс, здесь лучше ночевать, чем под можжевеловым кустом в открытом поле? — спросил незнакомец.

Ханс должен был согласиться и еще раз поблагодарил спутника за помощь. Затем он снял шубу, сложил ее, подложил себе под голову вместо подушки и растянулся у огня. Человек с сосновой палкой принес из кустов бочонок и угостил Ханса каким-то напитком. Сладкое питье пришлось мужичку по вкусу, и на душе у него стало легко и весело.

Человек с сосновой палкой прилег у костра и стал беседовать со своими товарищами на каком-то незнакомом языке. Ханс не понимал ни слова и поэтому вскоре уснул.

Проснувшись, он увидел, что находится один в какой-то незнакомой местности. Кругом не было видно ни огня, ни леса. Ханс усердно протирал глаза и старался припомнить, что с ним произошло ночью. Ему казалось, что все это он видел во сне. Издали доносился мощный гул, и Ханс чувствовал, как почва содрогается у него под ногами. Он прислушался и, определив, откуда доносится гул, направился в ту сторону, надеясь таким образом добраться до человеческого жилья.

Через некоторое время он увидел скалу, а в ней — пещеру, в которой виднелся слабый огонек и раздавался грохот. Войдя в пещеру, Ханс очутился в огромной кузнице со множеством мехов и наковален.

Вокруг наковален суетились работники — по семь человек у каждой. Более потешных кузнецов, пожалуй, свет не видел! Ростом человечки были Хансу по колено, головы у них были непомерно велики для их тщедушных тел, а молоты, которыми они размахивали, — почти вдвое больше самих кузнецов. Своими тяжелыми железными кувалдами человечки наносили по наковальням такие могучие удары, что их силе мог бы позавидовать самый дюжий кузнец. Никакой одежды, кроме длинных кожаных фартуков, на маленьких кузнецах не было. Фартуки прикрывали их только спереди, от шеи до колен, спины же оставались совершенно голыми. В глубине кузницы, у стены, на высоком чурбане сидел уже знакомый Хансу человек с сосновой палкой и зорко наблюдал за работой маленьких подмастерьев. У ног его стоял высокий кувшин, из которого кузнецы время от времени утоляли жажду. На плечах у хозяина кузницы вместо вчерашней белой одежды был черный покрытый сажей кафтан, подпоясанный кожаным ремнем с широкими застежками. Но длинную сосновую палку он все еще держал в руке и иногда указывал ею подмастерьям, что им делать, так как в грохоте и шуме кузницы слов нельзя было расслышать. Ханс не знал, заметил ли его кто-нибудь из присутствующих, так как и сам хозяин, и подмастерья продолжали усердно работать, не обращая внимания на вошедшего.

Через несколько часов работа прекратилась. Маленькие кузнецы остановили мехи, бросили тяжелые молоты на землю и покинули пещеру, а хозяин встал и подозвал Ханса к себе.

— Я видел, как ты вошел, — сказал он, — но работа была спешная и я не мог раньше с тобой поговорить. Сегодня ты останешься у меня в гостях и познакомишься с моим хозяйством и нашими порядками. Подожди здесь, пока я сброшу свое рабочее платье.

С этими словами он вытащил из кармана ключ, отпер дверь в стене пещеры и предложил Хансу войти в другую комнату.

О, какие несметные богатства, какие сокровища открылись тут его взору! Всюду сверкали груды золотых и серебряных слитков. Шутки ради Ханс принялся считать слитки в одной куче, но как раз когда он досчитал до пятисот семнадцати, вернулся хозяин и воскликнул с улыбкой:

— Брось считать! На это у тебя уйдет слишком много времени! Лучше отбери себе несколько слитков, я хочу их подарить тебе на память.

Ханс, понятно, не заставил себя дважды просить. Он обеими руками схватил один из слитков, но как ни силился, не мог его даже с места сдвинуть, не то что поднять. Хозяин засмеялся и сказал:

— Эх ты, заморыш! Даже самого маленького подарка не можешь унести. Придется тебе довольствоваться одним только видом моих сокровищ.

Он повел Ханса в другую кладовую, из той — в третью, четвертую и так далее, пока они не пришли в седьмой подземный зал, величиной с добрую церковь, снизу доверху наполненный, как и все остальные, золотом и серебром. Ханс был поражен видом неисчислимых сокровищ, на которые можно было бы купить все царства мира и которые здесь, под землей, пропадали зря. Он спросил хозяина:

— Зачем вы накапливаете такие огромные богатства здесь, где ни единая человеческая душа не может ими воспользоваться? Если бы эти драгоценности попали к людям, все разбогатели бы и никому не пришлось бы работать и терпеть лишения.

— Потому-то я и не могу допустить, чтобы эти богатства попали к людям, — ответил хозяин. — Если бы никому не надо было заботиться о хлебе насущном, мир погиб бы от праздности. Человек создан для того, чтобы жить трудом.

Ханс не согласился с этим и стал спорить с хозяином. Наконец, он попросил объяснить, почему же все-таки это золото и серебро досталось одному единственному человеку и почему хозяин стремится еще больше увеличить свое богатство.

— Я не человек, хотя и принял облик человеческий; я — одно из тех высших существ, которые созданы, чтобы повелевать и управлять миром. Я и мои подмастерья обязаны здесь, под

землей, без устали подготовлять для людей золото и серебро, причем оно дается им каждый год понемножку, ровно столько, сколько необходимо для их дел. Но нельзя, чтобы люди завладевали этим даром, не затратив труда. Мы обязаны сперва истолочь золото и золотые крупинки смешать с землей, глиной и песком; там их потом находят и с большим трудом добывают. Однако, друг мой, пора прекратить нашу беседу, потому что скоро обед. Если тебе еще не надоело смотреть на эти сокровища, то оставайся здесь и наслаждайся блеском золота, пока я тебя не позову к столу.

С этими словами они расстались.

Ханс снова стал бродить из одной сокровищницы в другую; он то тут, то там пытался сдвинуть с места золотые слитки, но это попрежнему оказывалось ему не под силу. Он, правда, и раньше слыхал от бывалых людей, что золото очень тяжелое, но никогда не поверил бы тому, в чем сейчас сам убедился. Вскоре вернулся хозяин, но Ханс его в первую минуту даже не узнал: на нем было яркокрасное, как огонь, платье, богато разукрашенное золотой бахромой и золотыми кисточками; золотой пояс шириной с ладонь охватывал его бедра, на голове покоилась великолепная золотая корона, усыпанная алмазами, сверкавшими, как звезды в ясную морозную ночь. Вместо сосновой палки он держал в руках золотой жезл. Он запер на ключ двери сокровищниц, спрятал ключи в карман, взял Ханса за руку и повел его в другую комнату, где для них был накрыт стол. Около этого роскошного серебряного стола, находившегося посреди зала, стояли серебряные стулья, по одному с каждой стороны. Посуда же — чашки, блюда, тарелки, кувшины и кружки — была из чистого золота. Как только хозяин и гость уселись за стол, слуги стали подавать обед — двенадцать различных яств. Прислуживали за столом человечки, подобные кузнецам, но не голые, как те, а в чистых белых одеждах. Ханс поражался их ловкости и проворству. Крыльев у них, повидимому, не было, но двигались они с такой легкостью, точно летали. Человечки ростом были ниже стола и поэтому каждый раз, подавая какое-нибудь блюдо, принуждены были прыгать с полу на стол, точно блохи. При этом они ухитрялись с такой ловкостью держать в руках большие

блюда, кувшины и чашки, что ни единой капельки не проливали. Маленькие слуги наполняли кружки медом и превосходным вином и подносили их обедающим.

Хозяин ласково беседовал с Хансом и открыл ему не одну тайну. Когда речь зашла об их встрече во время вьюги, хозяин сказал:

— Я нередко брожу по земле в новогоднюю ночь, чтобы познакомиться с житьем-бытьем людей и кое-кого из них узнать поближе. Но то, что я до сих пор видел и слышал, не делает им чести. Большинство людей как будто только и живет для того, чтобы мучить и огорчать других. Каждый осуждает своего ближнего, никто не видит своих собственных грехов и ошибок, всякий сваливает свою вину на другого.

Ханс пытался спорить, пока мог. Но гостеприимный хозяин то и дело приказывал подливать ему вина, и под конец у гостя стал так заплетаться язык, что он и слова не мог вымолвить; да и речь хозяина он уже перестал понимать. А потом Ханс уснул за столом и не чувствовал, что с ним происходит.

В его хмельной голове проносились удивительные сны. Он снова видел слитки золота, ему снилось, что он стал гораздо сильнее, что он взваливает себе несколько слитков на спину и уносит их без труда, но, наконец, утомленный тяжелой ношей, садится отдохнуть. До его слуха доносятся какие-то забавные голоса, и ему кажется, что это поют маленькие кузнецы, а вдали блестит огонь кузницы.

Но, подняв веки, он увидел, что вокруг него зеленеет лес, а сам он лежит на мягкой траве. Вместо огня кузнечных горнов ему в глаза ласково светило солнышко. Очнувшись, он стал припоминать, что с ним случилось за это время.

Когда он, наконец, припомнил все свои приключения, все происшедшее показалось ему каким-то чудом. Ему пришло на память, как он в новогоднюю ночь сбился с дороги, как ночевал в лесу у костра с неизвестными ему людьми, как ходил в гости к человеку с сосновой палкой, как обедал у него, причем много пил . . . Ему казалось, что с тех пор прошло всего несколько дней. И вдруг — лето в полном разгаре! Нет, тут несомненно кроется какое-то волшебство!

Ханс приподнялся, стал озираться и вдруг увидел, что находится вблизи того места, где был разложен костер. Теперь там что-то чудесно сверкало под лучами солнца. Присмотревшись, он убедился, что блестит не куча пепла, как он сначала подумал, а куча серебряной пыли, а то, что он принимал за головешки, были слитки чистейшего золота!

О, какое счастье! Где только раздобыть мешок, чтобы собрать и унести это богатство? Но чего человек не придумает, если нужда заставит! Ханс сбросил с плеч шубу, сгреб серебряную пыль так тщательно, что и пылинки не осталось на месте, ссыпал ее вместе с золотыми головешками в шубу, а шубу связал поясом в узел, чтоб ничего не выпало. Ноша, правда, была невелика, но так тяжела, что Хансу пришлось изрядно покряхтеть, пока он не нашел место, где смог укрыть свое добро.

Так Ханс неожиданно стал богачом. Поразмыслив, он в конце концов счел за лучшее покинуть свое прежнее жилье и поселиться в дальней местности, где люди его не знали.

Там Ханс купил себе хорошую крестьянскую усадьбу, после чего у него осталось еще порядочно денег, женился и прожил богатым человеком до конца своих дней.

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Муж и жена отправились рано поутру на сенокос. Проработали они до полудня, потом жена сказала мужу:

— Пойди на речку и налови раков или рыбки — чего придется, чтобы нам не есть один сухой хлеб.

Муж, хоть и устал изрядно, возразить жене все же не посмел: он, как это нередко бывает, плясал под ее дудку.

Придя на речку, он из первой же норки вытащил огромного рака.

«Вот удача! — подумал мужик. — Такого большого рака я никогда в жизни не видел».

Но в тот же миг на мужичка напал страх. Он услышал, что рак говорит ему человечьим языком:

— Дорогой братец, отпусти меня! Сегодня жарко, я вздремнул немного в своей норке и не слышал, как ты подошел. Ты и ухватил меня за клешни. Мне больше ста лет, мясо у меня жесткое, точно волчье, и навряд ли придется тебе по вкусу. Какая же тебе польза от моей смерти? А кроме того, я — человек, превращенный в рака злой колдовской силой.

Мужичок удивился и ответил:

— Дорогой братец рак! Не сердись, если я твоей просьбы не исполню. Я тебя охотно отпустил бы, не будь у меня такой свирепой жены. Она же заест меня, если я вернусь с

пустыми руками, да к тому же еще скажу, что упустил такую добычу.

— Ну, — молвил рак, — об этом ты мог бы жене и не говорить.

Мужичок почесал у себя за ухом и робко произнес:

— Если бы ты, братец, знал, какая хитрая у меня жена и как ловко она умеет выпытать у меня любую тайну, ты бы так не говорил. О чем лаской не дознается, то выведает силой, так что мне от нее никак ничего не утаить.

На это рак ответил со смехом:

— Я вижу, дорогой земляк, что ты пляшешь под дудку жены, как и многие другие, и мне тебя от души жаль. Но тебе от моего сочувствия толку мало, поэтому, если ты меня отпустишь, я сделаю тебе такой подарок, который поможет утихомирить твою злую жену. Я хоть и мал по сравнению с тобой, а куда сильнее тебя.

Мужичок постоял немножко, подумал и, наконец, ответил:

— Ну что ж, если ты в силах сделать так, чтобы мы с женой не поссорились, я сейчас же отпущу тебя на свободу.

Рак спросил:

— Какую рыбу твоя жена больше всего любит?

Мужичок ответил:

— Я и сам не знаю, но мне кажется, беды не будет, если я хоть какой-нибудь свежей рыбы принесу, а не вернусь с пустыми руками.

Рак велел ему положить на землю шапку и затем крикнул:

— Шапка, рыбой наполняйся!

И — о чудо! — в тот же миг шапка была доверху наполнена рыбой.

— По этому пустячку ты можешь судить о моей силе, — произнес рак. — Таким же образом ты сможешь теперь каждый день наполнять свою шапку. Если же тебе еще что-нибудь понадобится, позови меня на помощь. Стоит тебе только выйти на берег реки и крикнуть:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

— и я тотчас же явлюсь. Но я хочу тебя предупредить: если ты разумный человек, ничего не говори жене о том, что сегодня с тобой случилось, ибо это может принести тебе больше вреда, чем пользы.

Мужичок пообещал скрывать свою тайну от жены, пока это будет возможно, поблагодарил рака и за свежую рыбу, и за обещание и впредь помогать ему, выпустил рака в воду и с легким сердцем отправился к жене.

Лицо у женушки расплылось в широкую улыбку, когда муж принес полную шапку свежей рыбы. Она сейчас же почистила ее, посолила и поставила в котелке на огонь. Давно уже муж не слышал от жены таких нежных слов, как в этот день.

— Видишь, мое золотце, как тебе везет, если ты меня слушаешься, — говорила она.

Так прожили они целую неделю в мире и согласии, точно в первые дни после свадьбы. Муж каждый день приносил с речки полную шапку рыбы, и оба охотно ее ели.

Но в воскресенье за обедом жена сказала, поморщившись:

— Ну, куда это годится! Неужели ты не можешь принести мне к обеду что-нибудь получше, чем эта дохлая рыба! Она мне уже так надоела, что и смотреть на нее противно.

Муж спросил, чего ей хотелось бы вместо рыбы. Жена на это ответила:

— Похлебка из свежего мяса и хороший кусок свинины — вот что мне пришлось бы по вкусу.

Муж пообещал на следующий же день достать ей все, чего она хочет, но на душе у него было неспокойно: он не знал, сможет ли рак выполнить и это требование жены.

На другой день с восходом солнца он отправился к реке и крикнул:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

В тот же миг рак протянул свои клешни на берег и спросил:

— Что тебе нужно, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не требуется, а вот жене свежая рыба надоела, ей хочется другой еды.

Рак засмеялся и спросил, каких же кушаний хочет жена, и, узнав, чего она требует, сказал:

— Ступай домой, а утром постучи мизинцем левой руки по столу, приговаривая: «Свежей мясной похлебки и свинины к обеду!» Так делай каждый день, и твое желание каждый раз будет исполняться. Но я прошу тебя, не превращайся в послушного раба своей вздорной жены, не то потом будешь жалеть, да поздно будет.

На другой день мужичок выполнил все, чему научил его рак, и к обеду на столе появились требуемые кушанья. И снова в доме наступили такие же мирные дни, как и в то время, когда муж приносил свежую рыбу. Жена была кроткой как голубь и старалась во всем угодить мужу.

Однако не прошло и недели, как во время обеда женушка опять сморщила нос и сказала:

— Ну что это за жизнь! Разве можно изо дня в день есть мясную похлебку и свинину! Я, по крайней мере, не могу, меня уже тошнит от этой еды.

Муж робко спросил:

— Скажи мне, женушка, чего тебе хочется?

Жена ответила:

— Жареного гуся и сладкого пирога!

Мужичка дрожь пробирала от страха, когда он шел к реке: он боялся рассердить рака своими частыми просьбами. Но приказ жены надо было выполнить, иначе на мужа обрушился бы ее гнев. Долго ходил он по берегу взад и вперед и, наконец, крикнул боязливо:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не требуется, но жене больше не нравится свежая мясная похлебка и свинина, ей хочется другой еды.

Рак спросил, чего жене нужно, и, выслушав ответ, сказал:

— Ступай домой, желание твоей жены сейчас же исполнится. Тебе для этого ничего не нужно делать.

На другой день, когда время подошло к обеду, мужичок стал с тревогой поглядывать на стол — сбудется ли то, что обещал ему рак? И чем выше поднималось солнце, тем меньше оставалось надежды у бедняги, так как стол все еще оставался пустым. Но вот чудо! Точно в полдень на столе появился и жареный гусь, и сладкий пирог.

Жена была бесконечно счастлива. Нежные слова так и сыпались у нее с языка, словно в первые дни после свадьбы. Она обнимала и целовала мужа до тех пор, пока он не рассказал ей о своем чудесном помощнике.

— Отлично! — сказала жена. — Раз у тебя есть такой помощник, о чем же нам еще горевать? Теперь мы заживем совсем по-другому. Мне давно уже опротивело мое крестьянское тряпье, я хочу иметь богатое платье, как у знатной барыни. Ступай, достань мне городские наряды.

Мужичок пытался было возражать: он не знает, мол, сможет ли рак выполнить подобное требование. Но жена и не думала отказываться от своей прихоти, она каждый день бранила и попрекала мужа, пока, наконец, не заставила его подчиниться. Однажды утром он отправился к реке, а так как ему дома не было покоя ни днем, ни ночью, то он шел к берегу с такой мыслью: «Если рак не сможет выполнить мою просьбу, я тут же утоплюсь».

Походив в нерешительности взад и вперед по берегу, он набрался, наконец, духу и крикнул боязливо:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то ничего не нужно, но вот у жены моей прихотям нет конца. Каждый день на столе у нас жареный гусь и сладкий пирог, а она все еще недовольна своей жизнью.

— Чего же она еще хочет? — спросил рак.

Мужичок ответил:

— Вместо своего тряпья она хочет получить господские наряды.

Рак засмеялся и произнес:

— Ступай домой, желание твоей жены исполнится.

Мужичок поблагодарил рака за доброе обещание и отправился домой, радуясь в душе, что все обошлось так благополучно. На пороге его встретила роскошно одетая женщина, в которой он сперва даже не узнал свою жену — такой важной барыней она стала. Теперь они были совсем счастливы; каждый день у них на столе появлялся жареный гусь и пирог, а у жены были пышные господские наряды. Но как-то вечером, к концу недели, жена сказала мужу:

— Я хорошенько все обдумала и решила, что так дальше жить нельзя. Роскошная господская одежда, жареный гусь и пироги никак не подходят к нашей крестьянской лачуге. Рак должен раздобыть нам поместье, где я могла бы жить, как настоящая барыня.

Муж всячески отговаривался, боясь, что подобное требование рассердит рака. Но жена стояла на своем и мучила мужа до тех пор, пока он не сдался.

С тяжелым сердцем пошел муж утром к реке. Дорогой он не раз останавливался в нерешительности и размышлял, как бы ему избавиться от неприятного дела, но так ничего и не придумал. Придя на берег, мужичок крикнул:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни на берег и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок ответил:

— Мне-то самому ничего не нужно, но вот жене моей уже мало господских нарядов и вкусной еды, она мучит меня с утра до ночи и требует, чтобы я опять просил твоей помощи.

Рак спросил, чего же жене еще захотелось. Мужичок отве-

тил, что она желает получить поместье и стать барыней, и в конце концов признался, что рассказал жене о своем чудесном помощнике.

— Ох ты, несчастный! — воскликнул рак. — Не видать тебе больше ни счастья, ни покоя! Прихотям твоей жены конца не будет, пока вы не потеряете и те блага, что имели до сих пор. Но на этот раз можешь спокойно идти домой — желание твоей жены исполнится.

Возвращаясь с реки, мужичок подумал, что заблудился; лачуги своей он не нашел, и вся окружающая местность показалась ему незнакомой. Перед ним стоял великолепный господский дом, окруженный красивым садом. А пока мужичок в раздумье топтался на месте, не зная, как быть, к нему подошла важная барыня, разодетая в шелка и бархат. Только по голосу он узнал в ней свою законную жену. Она радостно бросилась ему на шею и воскликнула:

— Теперь мои желания исполнились! Благодарю тебя и твоего помощника — рака!

Муж не мог поверить своему счастью. Теперь у него была ласковая и любящая жена. О еде им не надо было заботиться, так как повара готовили им каждый день все, чего бы барыня ни пожелала. Лучшей жизни и представить себе нельзя было. Но жадная женщина все не могла успокоиться: через несколько недель она снова принялась мучить мужа, требуя, чтобы он с помощью всесильного рака сделал ее королевой. Муж отговаривался как мог, но ничто не помогало. Жена не переставала твердить ему, что непременно хочет стать королевой, и мужичок ни днем, ни ночью не знал покоя. Он и охал, и ахал, и почесывал затылок, но так ничего и не придумал. И пришлось ему волей-неволей снова просить помощи у рака.

Ни жив ни мертв, пришел он к реке. Он несколько раз раскрывал рот, чтобы позвать своего помощника, но язык у него не поворачивался и слова застревали в горле. В конце концов мужичок все же, заикаясь, произнес:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

В тот же миг рак высунул свои черные клешни из воды и спросил:

— Чего тебе надо, братец?

Мужичок робко ответил:

— Я-то сам ничего не хочу, но вот жене моей надоело быть барыней-помещицей.

Рак спросил:

— Кем же она теперь хочет быть?

Мужичок ответил:

— Моя жена хочет стать королевой.

— Ого! — воскликнул рак. — Но так как я у тебя в долгу, то я и на этот раз исполню желание твоей жены. Ступай домой, все будет сделано.

И действительно, придя домой, мужичок увидел, что жена его стала королевой. Работники, слуги, девушки окружали ее целыми толпами и выполняли приказания новой повелительницы. «Спасибо раку! — подумал мужичок. — Теперь-то, наконец, жена оставит меня в покое. Самое большое желание ее исполнено. Вокруг нее так много челяди, что она, пожалуй, и не заметит, если я отойду в сторонку и отдохну от своих тяжких трудов».

Больше двух месяцев тешилась жена своим королевским званием и не приставала к мужу с новыми прихотями. Но вот однажды она велела позвать его к себе и сказала:

— Мне не нравится больше быть королевой. Я хочу возвыситься еще больше. Ты и твой рак должны мне помочь.

Муж спросил:

— Чего ж ты еще хочешь, если уж и королевского звания тебе мало?

Жена ответила:

— Я хочу стать повелительницей всего мира!

Муж так испугался, что сперва не мог и слова вымолвить. Потом он стал упрашивать жену одуматься, а когда это не помогло, сказал твердо:

— Делай что хочешь, но с такой просьбой я к раку не пойду!

— Ты, оборванец! — гневно крикнула жена. — Да как ты смеешь мне перечить, мне, твоей законной жене, да к тому же

еще королеве? Немедленно выполняй мое приказание, не то поплатишься жизнью!

Мужичок подумал: «Смерти мне не миновать, так не все ли равно, кто меня погубит — злая жена или всесильный рак? Пойду, выполню ее приказ».

Он смело направился к реке. Но чем ближе к берегу, тем медленнее становился его шаг. Наконец, набравшись храбрости, он крикнул:

Рак, из норки выйди, братец,
Выйди, черный человечек!

Но вокруг все было тихо, ни рака, ни какого-либо другого живого существа не было видно. Мужичок крикнул еще раз — опять ничего. Наконец, он крикнул в третий раз. Тогда рак медленно высунул сначала одну, потом вторую клешню на берег и спросил:

— Чего тебе от меня надо?

Мужичок ответил:

— Мне самому ничего не надо, но жена моя, хоть и стала королевой, опять не дает мне покоя.

— Чего же она еще хочет? — спросил рак.

— Она хочет стать повелительницей всего мира.

Тогда рак крикнул гневно:

— В свиной хлев вас обоих! Жена твоя сумасшедшая, а ты еще хуже, потому что пляшешь под ее дудку.

Мужичок вдруг почувствовал, что земля содрогается у него под ногами. Он широко раскрыл глаза, но ни реки, ни рака перед ним не было. Невдалеке стояла убогая лачужка. Подойдя к ней, мужичок увидел, что это свиной хлев и что жена его, одетая в жалкие лохмотья, лежит в углу на грязной соломенной подстилке. Здесь и пришлось им доживать свои дни, вспоминая старую мудрую поговорку: «Большим куском подавишься».

СЕВЕРНЫЙ ДРАКОН

Жил когда-то на земле страшный зверь. Появился он с севера, уничтожил на большом пространстве всех людей и животных и, пожалуй, истребил бы все живое на земле, если бы ему в этом не помешали.

Туловище у зверя было как у быка, а ноги как у жабы — передние короткие, а задние длинные; при каждом прыжке он покрывал расстояние в три версты. К счастью, он оставался на одном месте не менее двух-трех лет и дальше не передвигался, пока не пожирал все вокруг.

Чешуя, покрывавшая тело зверя, была крепче камня и железа, так что ее ничем нельзя было пробить. Его огромные глаза сверкали днем и ночью, как самые яркие свечи, и тот, кому случалось, себе на беду, увидеть их хотя бы издали, словно околдованный, сам шел зверю в пасть.

Короли окрестных стран обещали наградить неисчислимыми богатствами того, кто уничтожит чудовище, с помощью ли колдовства или другим путем. Несколько смельчаков пробовали взяться за эту трудную задачу, но все их попытки кончались неудачей. Так, однажды был подожжен большой лес, где скрывался страшный зверь; но лес сгорел, а чудовище осталось невредимым.

По словам старых людей, одолеть этого дракона можно было только при помощи волшебного перстня. Говорили, что на печатке перстня есть тайные знаки, указывающие, каким способом можно убить чудовище. Но никто не знал, где этот перстень

сейчас находится и где найти мудреца, способного прочесть тайные письмена.

Наконец некий отважный юноша отправился на поиски перстня, надеясь, что случай сведет его с кем-нибудь, кто поможет ему достигнуть цели. Он направился на восток и года через два встретился со знаменитым мудрецом, у которого и попросил совета. Старик ответил:

— Человеческая мудрость тут бессильна. Но птицы небесные могли бы указать тебе путь, если бы ты захотел научиться их языку. Оставайся у меня, и я помогу тебе в этом.

Юноша с радостью согласился.

— Сейчас мне нечем отблагодарить тебя за твою доброту, — сказал он, — но если мои дела пойдут удачно, я обещаю щедро вознаградить тебя за труды.

Тогда мудрец сварил чудодейственный напиток из девяти трав, собранных им тайно при лунном свете, и три дня подряд давал его юноше по одной ложке в день, после чего тот стал понимать язык птиц. На прощанье мудрец сказал ему:

— Если тебе посчастливится найти чудесный перстень и овладеть им, то возвращайся ко мне; я истолкую начертанные на нем тайные знаки. Кроме меня, на земле сейчас нет мудреца, который мог бы понять эти надписи.

Когда юноша расстался с мудрецом и отправился в путь, ему на другой же день показалось, будто весь окружающий мир преобразился. В дороге путник теперь никогда не бывал один, всюду он находил себе товарищей, так как понимал язык птиц. Они открывали ему многое, чему ни одна человеческая душа не смогла бы его научить. Однако о перстне он долгое время ничего не слышал.

Однажды вечером юноша, истомленный долгой дорогой и жарой, сел отдохнуть в лесу, под деревом. И тут он услышал разговор двух красивых пестрых птиц, сидевших на ветке. Они как раз говорили о нем.

— Я знаю человека, который сидит там внизу, под деревом, — сказала одна из птиц, — он давно уже бродит по белу свету, но цели своей достигнуть не может. Он разыскивает волшебный перстень.

Вторая птица ответила:

— Я думаю, ему следовало бы попросить помощи у девы ада, она, без сомнения, сможет указать ему верный путь. Возможно, перстень находится у нее самой; а если и нет, то она, уж конечно, знает, где искать эту чудесную вещь.

Первая птица прощебетала:

— Это было бы хорошо, но где он разыщет деву ада? Она ведь не живет подолгу на одном месте, сегодня она здесь, завтра там. Попробуй-ка, поймай ветер в поле.

— Я не знаю, где она сейчас, — ответила вторая, — но ровно через три дня она придет к роднику, который протекает в березовой роще. Каждый месяц в полнолуние дева умывается водой из этого родника, чтобы не увяла ее юная красота и старческие гусиные лапки не стянули кожу около глаз.

Первая птица сказала:

— Этот родник недалеко отсюда. Полетим-ка, посмотрим для развлечения на ее проделки.

— Полетим, если хочешь, мне все равно, — ответила другая.

Юноша тут же решил пойти вслед за птицами на поиски родника. Он очень боялся проспать ту минуту, когда птицы будут вылетать, и жалел, что не имеет крыльев, чтобы поспевать за пернатыми. Поэтому велика была его радость, когда он на рассвете, взглянув на дерево, увидел, что его пернатые спутники сидят на прежнем месте, засунув головки под крыло.

Юноша позавтракал и стал ждать, когда же наконец птицы тронутся в путь. Но они, повидимому, в это утро никуда не собирались лететь. Весь день, с утра до вечера, перелетали они с дерева на дерево, не то для забавы, не то в поисках пищи, а вечером уселись там же, где провели прошлую ночь. Так же прошел и следующий день.

Только на третий день поутру одна птица сказала другой:

— Сегодня мы полетим к роднику, поглядим, как дева ада будет умываться.

Однако до полудня они оставались на месте.

После полудня птицы поднялись в воздух и полетели к югу. У юноши сердце забилось — он испугался, как бы они не скрылись из виду. Но птицы пролетели немного и сели на вершину

дерева. Юноша бежал за ними так, что пот с него катился градом, а в груди дух захватывало. После трех перелетов птицы достигли небольшой лесной полянки и опустились на высокое дерево, стоявшее на краю ее.

Прибежав туда, юноша увидел посреди полянки родник. Сев под тем же деревом, на которое опустились птицы, юноша стал прислушиваться, о чем пернатые говорят между собой.

— Солнце еще не зашло, — сказала одна из птиц, — нам еще довольно долго придется ждать, пока взойдет луна и дева явится к роднику. Посмотрим, заметит ли она юношу, сидящего под деревом?

Вторая птица ответила:

— От ее глаз ничто не укроется. Хорошо, если юноша окажется достаточно хитер и не попадется в ее сети.

— Посмотрим, как они поладят между собой, — добавила первая птица.

Прошло довольно много времени, полная луна поднялась уже высоко над лесом. Вдруг юноша услышал в кустах слабый шорох; в тот же миг из зарослей показалась девушка и направилась к роднику. Она ступала по траве так легко, будто ноги ее вовсе не касались земли и она летела по воздуху. Юноша должен был признать, что никогда не видел более красивой девушки. Он не мог оторвать от нее глаз.

Девица, не замечая его, подошла к роднику, подняла глаза к небу и, опустившись на колени, девять раз окунула лицо в воду; после каждого раза она взглядывала на луну и восклицала:

— Такой же сияющей и свежей, как ты, пусть будет моя неувядающая юность!

Затем она обошла девять раз вокруг родника и, наконец, воскликнула:

Пусть лицо мое не блекнет,
На щеках горит румянец!
Хоть луна пойдет на убыль,
Пусть краса моя и свежесть
Никогда не убывают!

После этого она вытерла лицо своими длинными волосами и собиралась уже уйти, как вдруг взгляд ее устремился туда, где

под деревом сидел юноша. Дева тотчас же направилась к нему и сказала:

— Ты заслуживаешь тяжкого наказания за то, что выведал мою лунную тайну; но ты здесь чужой и попал сюда случайно, поэтому я прощаю тебя. И все же ты должен мне сказать всю правду — откуда ты и как забрел в эти места, где еще не ступала нога человеческая?

Юноша вежливо ответил:

— Прошу прощения, любезная дева, если я, сам того не желая, чем-нибудь перед вами провинился. Отправившись в дальнюю дорогу, я забрел сюда случайно и нашел здесь под деревом подходящее место для ночлега. Я только собирался лечь, как вдруг появились вы, и я решил еще посидеть, полагая, что если я на вас немного посмотрю, то этим вас не обижу.

Девица сказала ласково:

— Пойдем, переночуешь у нас. В постели ты отдохнешь лучше, чем здесь, на сыром мху.

Юноша колебался, не зная, что ему делать — принять ли радушное приглашение или отказаться. Тут на вершине дерева одна птица прощебетала другой:

— Он будет большим глупцом, если не примет этого предложения!

Девушка, не понимавшая, очевидно, языка птиц, сказала дружески:

— Не бойся! Я зову тебя не со злым умыслом, я от всего сердца желаю тебе добра!

Птицы опять отозвались:

— Иди куда тебя зовут, но остерегайся одного — не давай ни капли своей крови, чтобы тем самым не продать свою душу.

После этого юноша последовал за девушкой.

Они пришли в прекрасный сад, находившийся неподалеку от родника. Там стоял великолепный дом, который так сверкал при лунном свете, словно его крыша и стены были отлиты из чистого золота и серебра. В доме юноша увидел много роскошно убранных комнат — одна лучше другой. Несколько сот свечей горели в золотых подсвечниках, и всюду было светло, как в солнечный день. Наконец, они вошли в комнату, где увидели стол, весь

уставленный дорогими яствами. Два стула стояли возле него — один из серебра, другой из золота. Дева уселась на золотой стул и пригласила юношу сесть на серебряный. Девушки, одетые во все белое, приносили кушанья, а потом убирали со стола, причем ни одна из них не произносила ни слова. Передвигались девушки так бесшумно, будто вместо ног у них были кошачьи лапки.

После ужина юноша, оставшись с девой наедине, вел с ней приятную беседу, пока не явилась женщина, одетая в красное, и не напомнила им, что пора спать. Тогда дева отвела гостя в комнату, где стояла постель с шелковыми покрывалами и пуховыми подушками, велела ему располагаться здесь на отдых и вышла.

Юноше показалось, что он живым попал на небеса, ибо на земле такой роскоши быть не могло. Потом он не мог отдать себе отчета — действительно ли вокруг его ложа всю ночь раздавалось чудное пение или это ему только приснилось? Из того, что он слышал ночью, ему врезалось в память лишь несколько слов: «Не давай ни капли своей крови».

На другое утро девица спросила, не хочет ли он навсегда остаться в ее доме, где вся жизнь проходит, как сплошной праздник. Так как юноша на этот вопрос сразу не ответил, дева прибавила:

— Как видишь, я молода, хороша собой и здорова, ничьей воле не подвластна и могу делать все что хочу. До сих пор я еще не думала о замужестве, но с той минуты, как я тебя встретила, у меня появились другие мысли, потому что ты мне пришелся по душе. Если ты согласен, мы могли бы со временем стать мужем и женой. Как ты сам видишь, богатства мои неисчислимы, поэтому я могу жить по-королевски. Я в силах выполнить все, чего бы ты ни пожелал.

Хотя своими сладкими речами прекрасная дева и старалась вскружить юноше голову, он не сдавался, так как, к счастью, вспомнил, что птицы называли красавицу девой ада и заклинали его не давать ей ни капли своей крови и что ночью, во сне или наяву, какой-то голос снова предостерегал его. Поэтому юноша ответил:

— Милая девушка, не гневайтесь, если я вам скажу откровенно: невесту сватать — это ведь не лошадей менять, здесь надо хорошенько подумать. Дайте мне несколько дней на размышление, а потом и сговоримся окончательно.

— Я не прочь, — ответила девушка. — Думай и советуйся со своим сердцем хоть несколько недель.

А чтобы, размышляя о женитьбе, юноша не соскучился, девушка водила его в своем роскошном доме с одного места на другое и показывала свои несметные сокровища, думая этим прельстить его.

Однако все эти сокровища были созданы силой колдовства. С помощью волшебного перстня девушка могла каждый день создавать любые дворцы и сокровища, какие только хотела. Но все они были недолговечны, потому что были сотканы из ветра и должны были когда-нибудь снова превратиться в ветер, исчезнуть без следа. А юноша и не подозревал этого; он считал, что все эти богатства, созданные лишь для обмана глаз, существуют на самом деле.

Однажды дева провела его в тайную комнатушку, где на серебряном столе лежала золотая коробочка. Указав на нее, дева сказала:

— Здесь хранится мое самое ценное сокровище, равного которому не найти на всем свете. Это дорогой золотой перстень. Когда ты будешь ко мне свататься, я подарю его тебе как обручальное кольцо и ты станешь самым счастливым человеком. Но чтобы навечно закрепить нашу любовь, ты должен мне в обмен на перстень дать три капли крови из своей левой руки.

При этих словах холодная дрожь охватила юношу; он вспомнил, что вместе с кровью ему придется продать и свою душу. Однако он был достаточно хитер, чтобы не обнаруживать перед девушкой своих опасений и не противоречить ей. Он спросил лишь, как бы между прочим, что же это за перстень.

Девушка ответила:

— Ни единому человеку не удалось еще изведать всю силу перстня, потому что никто до сих пор не сумел истолковать тайные знаки, которые на нем начертаны. Мне известно значение лишь половины надписей, а я уже могу совершать чудеса, кото-

рые никому другому не под силу. Если я надену перстень на мизинец левой руки, я смогу подняться в воздух, как птица, и полететь куда захочу. Если я надену его на безымянный палец левой руки, я сделаюсь невидимой; я сама буду видеть себя и все вокруг, но меня никто не сможет видеть. Если я надену его на средний палец левой руки, то ни холодное оружие, ни вода, ни огонь не смогут причинить мне вреда. Если я надену перстень на указательный палец левой руки, я смогу при его помощи создать все что захочу — в одно мгновенье построить дом или создать любую другую вещь. Когда я сжимаю перстень в правой руке, кулак мой приобретает огромную силу и может сокрушать скалы и каменные стены. Помимо этого, перстень обладает, несомненно, еще и другими свойствами, раскрыть которые пока еще никому не удавалось. Однако можно предположить, что тайн сокрыто в нем еще немало.

Когда юноша выслушал рассказ девушки, его первой мыслью было: вот бы какой-нибудь хитростью завладеть перстнем! Поэтому он притворился, будто не верит ее словам. Он надеялся, что девушка вынет чудесный перстень из коробочки и станет его показывать и тогда можно будет завладеть им. Но высказать свое желание он не посмел. Он увивался вокруг девушки, притворяясь ласковым, а в сердце таил обман и думал лишь о том, как бы захватить перстень.

Наконец, девушка вытащила из кармана ключик от золотой коробочки и хотела было отомкнуть замочек, но вдруг передумала, спрятала ключик на прежнее место и сказала:

— Это мы еще успеем сделать!

Через несколько дней снова зашла речь о чудесном перстне. Юноша сказал:

— Все, что вы рассказывали мне о волшебной силе перстня, кажется мне совершенно невозможным.

Девушка открыла коробочку и вынула перстень, сверкавший в ее руке, как яркое солнце. Надев его на средний палец левой руки, она велела юноше ударить ее ножом куда ему вздумается. Тот стал испуганно возражать, но так как дева настаивала на своем, то ему пришлось уступить. Сначала шутя, а потом всерьез пытался юноша задеть ее ножом, но между ними как будто

выросла невидимая железная стена, так что острие ножа никак не могло коснуться девушки, которая, смеясь, неподвижно стояла перед ним. Затем девушка надела перстень на безымянный палец и мгновенно скрылась с глаз. Это произошло так быстро, что юноша никак не мог сообразить, куда она могла спрятаться. Вскоре девушка снова очутилась перед ним: она стояла на прежнем месте, смеялась и держала перстень в руке.

— Позвольте мне попробовать, — попросил юноша, — смогу ли я тоже проделывать подобные чудеса с вашим перстнем.

Девушка, не подозревая никакого обмана или хитрости, передала ему перстень.

Юноша сделал вид, что не умеет им пользоваться, и спросил, на какой палец его надеть, чтобы стать неуязвимым для холодного оружия.

Девушка ответила:

— На средний палец левой руки!

Юноша схватил нож и попробовал уколоть себя, но это оказалось невозможным. Затем он попросил девушку показать, как при помощи перстня можно дробить камни и скалы. Девушка повела его во двор, где лежал валун высотой не менее сажени.

— Возьми перстень в правую руку, — сказала она, — и ударь кулаком по камню, тогда ты убедишься, какая сила таится в твоей руке.

Юноша проделал это и с изумлением увидел, как под ударом его кулака огромный камень разлетелся на тысячу кусков.

«Глуп будет тот, кто выпустит счастье из рук, потом его уж не поймать!» — подумал юноша. Продолжая разговаривать с девушкой, он как будто невзначай надел перстень на безымянный палец левой руки.

Девушка крикнула:

— Теперь ты будешь для меня невидим до тех пор, пока не снимешь перстень с пальца!

Но юноша и не собирался это делать; он быстро отошел на несколько шагов вперед, надел перстень на мизинец левой руки и взвился в воздух, как птица. Увидев его высоко в небе, дева подумала, что он продолжает в шутку испытывать силу перстня, и принялась кричать:

— Вернись! Теперь ты убедился, что я говорила правду!

Но тот и не думал возвращаться. Девушка, наконец, поняла, что обманута, и принялась горько жаловаться на свою беду.

Юноша летел не останавливаясь, пока через несколько дней не прибыл к знаменитому мудрецу, у которого научился языку птиц. Мудрец очень обрадовался, узнав, что дела у юноши пошли так удачно. Он немедленно принялся за изучение тайнописи на перстне, что заняло целых семь недель. После этого он научил своего молодого друга, как поступить, чтобы уничтожить северного дракона.

— Вели отлить себе железного коня с четырьмя колесами под ногами, чтобы его можно было передвигать, подталкивая сзади. Сам садись на него и возьми в руку двухсаженную пику, которую ты сможешь поднять, если зажмешь волшебный перстень в правой руке. Толщиною пика должна быть не менее ствола средней березки, и оба конца ее должны быть одинаково заострены. К середине пики надо прикрепить две десятисаженные цепи.

Как только дракон прикусит железную пику так, что оба заостренных конца проткнут ему нижнюю и верхнюю челюсти, ты должен при помощи железных кольев так прочно прикрепить концы цепей к земле, чтобы их никакой силой нельзя было оторвать. Через три-четыре дня чудовище настолько ослабеет, что ты сможешь к нему приблизиться. Тогда возьми перстень в правую руку и добей зверя. Но когда будешь подходить к дракону, не забудь надеть перстень на безымянный палец левой руки, чтобы остаться для зверя невидимым, иначе он может убить тебя своим длинным хвостом. Когда покончишь с чудовищем, смотри не потеряй перстня и следи, чтобы его у тебя не украли.

Юноша поблагодарил мудреца за наставление и обещал потом заплатить ему за труды, но тот сказал:

— Изучая тайные письмена на перстне, я постиг столько новых знаний, что не нуждаюсь ни в каких других сокровищах.

На этом они расстались, и юноша поспешил домой. Это теперь для него не составляло труда, потому что он мог лететь, как птица, куда хотел.

G. Reindorff 48

Через две недели он прибыл домой и услышал от людей, что страшный северный дракон уже близко; все боялись, что он со дня на день может перейти границу их страны. Король приказал повсюду объявить, что человеку, уничтожившему чудовище, он отдаст часть своего королевства, да сверх того еще и свою дочь в жены.

Несколько дней спустя юноша предстал перед королем и заявил, что надеется убить страшного зверя, если только король велит изготовить все нужные для этого орудия. Король с радостью обещал снабдить смельчака всем необходимым.

Немедленно были созваны из окрестностей все опытные мастера. Они должны были прежде всего отлить железного коня, затем сделать огромную пику и, наконец, выковать железные цепи, звенья которых были бы толщиной в два дюйма. Но когда все было готово, обнаружилось, что железный конь невероятно тяжел, — сто человек не смогли сдвинуть его с места. Юноше ничего не оставалось, как прибегнуть к помощи своего чудесного перстня.

На этот раз дельный совет дал ему ворон:

— Садись на железного коня, — сказал он, — и отталкивайся пикой от земли так, как ты отталкивался бы веслом, отчаливая в лодке от берега.

Юноша послушался совета и убедился, что передвигаться таким способом вполне возможно.

Страшный зверь был уже верстах в пяти от границы и широко раскрывал пасть, готовясь схватить добычу. Юноша дрожал от страха, ледяной холод сжимал его сердце. Но он не растерялся, а продолжал изо всех сил подталкивать железного коня вперед, пока вместе с железной пикой, которую держал отвесно в руке, не очутился в пасти дракона. Тут он соскочил с коня и, прежде чем страшный зверь сомкнул челюсти, с молниеносной быстротой выскользнул у него из пасти.

Ужасный рев, разнесшийся на много верст вокруг, возвестил о том, что северный дракон прикусил пику. Оглянувшись, юноша увидел, что у зверя пасть закрыта, а острый конец пики торчит на аршин из его верхней челюсти. Из этого можно было заключить, что другой конец пронзил нижнюю челюсть и воткнулся в

землю. А железного коня зверь раздробил зубами, когда силился закрыть пасть.

Юноша быстро принялся прикреплять цепи к заранее вбитым в землю двухсаженным железным кольям.

Три дня и три ночи зверь боролся со смертью. Он с такой силой бил по земле своим извивающимся хвостом, что на десять верст вокруг земля дрожала. Когда дракон перестал шевелить хвостом, юноша с помощью перстня схватил огромный камень, который двадцать человек едва ли смогли бы сдвинуть с места, и стал бить им зверя по голове, пока тот не испустил дух.

Когда разнеслась весть о гибели чудовища, ликование и радость охватили всю страну. Победителя встречали в столице с такими почестями и так торжественно, будто он сам был королем. А старому королю вовсе не понадобилось принуждать и уговаривать свою дочь, она и сама рада была выйти замуж за отважного юношу, который один достиг большего, чем все другие смельчаки вместе с многочисленным войском.

Через несколько дней начались пышные свадебные празднества, которые длились целый месяц. На свадьбу прибыли все соседние короли, чтобы отблагодарить храбреца, избавившего мир от страшного врага.

Но праздник был омрачен тем, что труп исполинского зверя оставался незарытым и, разлагаясь, распространял ужасное зловоние. Королевский зять решил отправиться за советом к восточному мудрецу. Сделать это при помощи перстня было нетрудно, так как юноша мог полететь туда на крыльях.

Но, как гласит пословица, зла долго не утаишь, а краденое добро впрок не идет. Вскоре королевскому зятю пришлось убедиться в том, насколько пословица эта справедлива.

Дева ада ни днем, ни ночью не находила себе покоя, пока не напала на след перстня. Путем колдовства она узнала, что королевский зять собирается в образе птицы лететь к мудрецу; тогда она превратилась в орла и кружилась в облаках до тех пор, пока не увидела юношу, обернувшегося птицей. Узнать его было нетрудно, так как на шее у него висел перстень. Орел упал птице на спину и в тот миг, когда его когти впились ей в тело, он клювом сорвал перстень с ее шеи и сразу же опустился со

своей добычей на землю. Тут оба снова предстали друг перед другом в человеческом облике.

— Теперь ты в моих руках, о злодей! — воскликнула дева. — Я приняла тебя как любимого, нежно заботилась о тебе, а ты оказался обманщиком и вором! Ты выманил у меня мое ценнейшее сокровище и надеялся, что, женившись на королевне, будешь жить счастливо. Но дело обернулось по-другому. Теперь ты в моей власти и тебе придется отвечать за все твои злодеяния.

— Простите, простите меня! — взмолился королевский зять. — Я сознаю, что глубоко виноват перед вами, и раскаиваюсь от всей души.

Дева ответила:

— Твои мольбы и раскаяние слишком запоздали. Я не имею права простить тебя, мне самой было бы стыдно и я стала бы посмешищем для людей. Ты вдвойне виновен передо мной: во-первых, ты пренебрег моей любовью и, во-вторых, украл мой перстень. За это ты должен быть наказан.

Сказав это, она зажала перстень в правой руке, подняла королевского зятя, точно пучок пакли, и понесла его.

На этот раз они пришли не в роскошный дом, а в каменную пещеру, на стенах которой висели железные цепи. Дева схватила цепи, заковала в них руки и ноги юноши, чтобы он не мог отсюда уйти, и сказала гневно:

— Здесь ты будешь томиться до конца своей жизни. Я прикажу давать тебе каждый день лишь столько пищи, чтобы ты не умер от голода, а всякую надежду на спасение забудь.

С этими словами дева ада покинула его.

Для короля и его дочери настали горестные дни. Проходила неделя за неделей, а зять не возвращался и никаких вестей о себе не присылал. Королевна часто видела во сне, что ее супруг подвергается жестоким пыткам. Она упросила отца созвать мудрецов со всех концов страны и узнать у них, где находится ее пропавший муж и как его спасти.

Но мудрецы ничего не смогли сказать, кроме того, что муж ее жив и подвергается страшным пыткам. Указать же, где именно он находится и как его спасти, никто не мог.

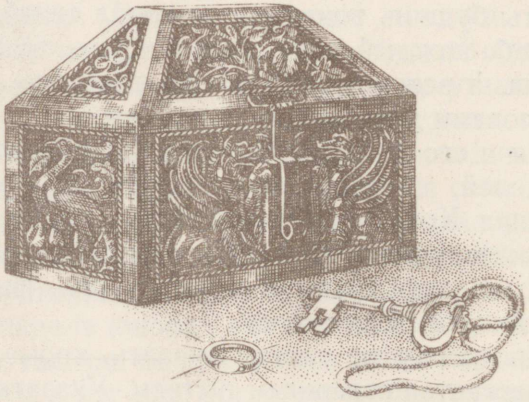
Наконец привели к королю знаменитого северного мудреца, который объявил, что королевский зять томится в восточной стране и над ним властвует не человек, а более могущественное существо.

Тогда король направил своих посланцев на розыски пропавшего зятя. Те попали, к счастью, как раз к тому старому мудрецу, который истолковал загадочные надписи на волшебном перстне и поэтому стал обладателем тайных знаний, неведомых другим. Мудрец сказал:

— Королевский зять томится в плену у волшебных сил; без моей помощи вы не сможете его освободить, мне придется пойти вместе с вами.

Они отправились в путь и, следуя за птицами, летевшими впереди, через несколько дней пришли в каменную пещеру, где зять короля уже около семи лет терпел мучительные пытки. При помощи волшебства мудрец сбил цепи и освободил узника.

Для освобожденного пленника после долгих мучений снова настали дни радости, и он прожил счастливо до конца своих дней. Но чудесный перстень так и остался у девы ада, и его с тех пор никто никогда не видел.



НАЙДЕНЫШ

Проходя воскресным утром по лесу, крестьянка нашла ребенка, которому на вид было года два. Мальчик горько плакал от голода, но не мог ничего рассказать о том, каким образом попал в лес. Женщина взяла ребенка на руки, отнесла к себе домой, накормила и стала расспрашивать соседей, откуда мог попасть в лес этот мальчик.

Но ни в это воскресенье, ни позже ей ничего не удалось узнать о родителях или родственниках ребенка, несмотря на то, что во всех окрестных деревнях было объявлено о найденыше. Тогда женщина и ее муж решили оставить ребенка у себя. Правда, у них было своих шестеро детей — четыре сына и две дочери, так что приемыш оказался седьмым; но у хозяев была и земля, и скот, поэтому пищи и одежды семья имела вдоволь.

Годы шли, найденыш стал уже взрослым юношей. Однажды он сказал своим приемным родителям:

— Благодарю вас за вашу доброту и ласку, но теперь я должен вас покинуть и отправиться странствовать по белому свету. Быть может, мне посчастливится где-нибудь найти такую работу, которая не только меня прокормит, но и позволит мне уплатить вам за то, что вы вырастили меня. Но за вашу любовь и ласку мне, конечно, никогда не расплатиться.

Несколько дней шел он, держа путь на юг, и наконец достиг густого леса. Здесь до его слуха донесся тяжкий стон. Внимательно прислушавшись, путник направился в ту сторону, откуда

неслись стоны. На земле под кустом он увидел старика, у которого все лицо было в крови; мох и трава вокруг него также были залиты кровью. Глаза старика были закрыты, и только тяжелое дыхание и стоны говорили о том, что в теле его еще теплится жизнь.

Юноша побежал поискать воды. Вскоре он нашел небольшой родник с чистой студеной водой, наполнил ею свою шляпу и вернулся к старику. Раненый сделал несколько жадных глотков, закашлялся и начал как будто приходить в себя, но потом снова без сознания упал на руки юноши. Тот поднял старика, отнес его к роднику и поливал голову раненого водой, пока не привел его в чувство.

Затем юноша перевязал ему голову своим шейным платком, смыл кровь с его лица, головы и платья, сделал из мха мягкое ложе и уложил старика.

Старик тотчас же заснул и, измученный ранами, проспал почти полдня. Путник сидел возле спящего и веткой отгонял от него мух. Наконец, старик приоткрыл один глаз, ласково взглянул на юношу и проговорил:

— Благодарю тебя от всего сердца за твое доброе дело. К сожалению, я остаюсь твоим должником, потому что разбойники ограбили меня дочиста и я сейчас беден, как церковная мышь. В будущем, однако, если мы еще когда-нибудь встретимся, я надеюсь отблагодарить тебя за твою доброту. Твое путешествие, может быть, затянется, и тебе не хватит еды, поэтому прошу тебя, возьми мою коробочку с салакой — единственное, что разбойники мне оставили.

Юноша стал было отказываться от подарка старика, говоря, что тому его запасы и самому могут пригодиться. Однако в конце концов ему пришлось уступить, так как он заметил, что его возражения рассердили старика. Тот сунул свою коробочку юноше в мешок и сказал:

— Мне до дому совсем недалеко, а вот у молодого путника впереди еще несчитанные версты.

Когда старик стал удаляться, юноша удивился быстроте его движений: чем дальше он отходил, тем быстрее и легче становился его шаг, и вскоре он скрылся из виду.

Юноша провел в лесу более половины дня, поэтому решил наверстать упущенное время и прошагал еще добрый кусок пути, прежде чем остановиться на отдых. Когда он сел и принялся за еду, ему показалось, что коврига, лежавшая у него в мешке, как будто выросла, да к тому же хлеб стал свежее. В подаренной стариком коробочке он нашел свеже-просоленную салаку, которая показалась ему очень вкусной. На другое утро, собираясь завтракать, он увидел в коробочке масло и свинину.

— Спасибо доброму человеку за эту чудесную коробочку! — воскликнул юноша. — Теперь мне не о чем заботиться в пути!

Однажды он присел у дороги отдохнуть. Вдруг через луг к нему бросилась маленькая рыжая собачка.Она лизала ему руки и, виляя хвостом, хватала его за полу кафтана, словно звала путника подняться и пойти за ней. Понаблюдав некоторое время за странными проделками собачки, юноша встал. Собака стала радостно кружиться, затем снова уцепилась зубами за его кафтан и стала тащить юношу за собой.

Тот понял немую просьбу собаки и пошел за ней к лесу, находившемуся в полуверсте от дороги. Здесь собака привела юношу к дереву, к которому толстыми веревками была привязана какая-то женщина. На ней не было никакой одежды, кроме сорочки из тонкого полотна. Юноша быстро отвязал женщину, и она рассказала, что разбойники ограбили ее, а затем привязали к дереву.

— Я не могу достать тебе женское платье, — сказал молодой путник, — но возьми мой кафтан, им ты сможешь прикрыться, пока мы не доберемся до какого-нибудь жилья и не попросим у людей лучшей одежды.

Девушка, поблагодарив, закуталась в кафтан и последовала за юношей. Рыжая собачка бежала впереди, словно указывая дорогу.

К вечеру они добрались до развалин старого замка, где и решили заночевать, потому что другого пристанища нигде найти не удалось. Они увидели здесь еще одного путника, остановившегося на отдых под полуразрушенными стенами. Юноша раскрыл свой мешок, пригласил и остальных поужинать вместе с ним, и все трое наелись досыта. После ужина незнакомец рассказал, что он — опытный кузнечный подмастерье и направляется в

королевскую столицу, где сейчас большой спрос на кузнецов и работа хорошо оплачивается.

Девушка же оказалась дочерью знатного и богатого человека. Она ехала в гости к своей тетке, но по дороге на нее напали разбойники, ограбили ее, привязали к дереву и, захватив карету и лошадей, скрылись.

Затем путники стали держать совет, как им раздобыть для девушки женское платье, чтобы она могла показаться людям на глаза. Но денег у друзей не было ни копейки и они опасались, что даром им никто одежды не даст.

Ложась спать, юноша заметил, что рыжая собачка пропала, и спросил девушку, не знает ли она, куда делась собачка. Девушка широко раскрыла глаза от удивления и ответила:

— Я не видела твоей собачки с тех пор, как мы сюда пришли.

Тут удивился и юноша. Он рассказал, как собака привела его к девушке в лес.

— Я думал, что это твоя собачка, — добавил он.

На другое утро путники отправились доставать одежду для девушки, но после полудня вернулись с пустыми руками. Спать они улеглись с тяжелым сердцем, огорченные своей неудачей.

Ночью девушке приснился хороший сон: ей явился какой-то маленький старичок и обещал, что она получит платье и деньги, если только у спутников ее хватит смелости приняться за трудное дело: под старыми развалинами якобы имеются подземелья, а в них скрыты огромные богатства. Но чтобы завладеть ими, надо выдержать тяжелую борьбу с хранителями клада.

Утром девушка рассказала спутникам свой сон. Он так отчетливо стоял у нее перед глазами, что, даже проснувшись, она все еще как будто видела доброго старичка.

Мужчины тотчас же отправились разыскивать подземелья и вскоре их нашли. Но здесь было так темно, что без огня и шагу нельзя было ступить. К счастью, они нашли в песке и осыпавшейся штукатурке обрубок смолистого бревна, нащепали лучин и, освещая себе путь, пошли дальше.

Долго продвигались смельчаки по узкому проходу, пока не натолкнулись на запертую железную дверь; но как они ее ни толкали и ни трясли, она не открывалась. Раздосадованные, вер-

нулись люди обратно и рассказали девушке о своей неудаче. Подмастерье говорил, что даже под мощными ударами его молота дверь не дрогнула и стояла нерушимо, как каменная стена.

Когда они втроем сидели за обедом, к ним подошел маленький старичок и попросил дать ему поесть. Его просьбу исполнили с большим радушием. Насытившись, старичок молвил:

— Мне нужно сказать девушке кое-что, чего остальные не должны слышать.

Девушка сразу же узнала в госте того старика, который явился ей во сне. Поэтому она нисколько не побоялась отойти с ним от своих спутников. Когда они среди развалин нашли уединенное место, старичок сказал:

— Вам не удастся открыть железную дверь, пока вы не убьете трех жаб и их кровью не начертите на дверях три креста. Когда дверь откроется, твои спутники должны во что бы то ни стало одолеть хранителей клада. Борьба с ними будет нелегка, зато и награда будет неисчислима. Больше я ничего не смею тебе сказать.

Вернувшись, девушка рассказала своим спутникам обо всем, что услышала от старика. Мужчины тотчас же пошли ловить жаб, которых здесь, в сырых погребах, водилось немало. Поиски продолжались недолго, и вскоре три жабы были пойманы. Подмастерье кузнеца захватил свой тяжелый молот, юноша взял крепкую дубинку и, вооруженные таким образом для предстоящей схватки, они вторично пустились на поиски клада.

Как только железные двери были окроплены жабьей кровью, они сами распахнулись, и люди без всякого труда проникли в погреб, который при свете лучин показался им величиной с добрую церковь. В тот же миг большая черная собака набросилась на смельчаков, пытаясь схватить их за ноги. Но подмастерье оказался проворнее собаки: он своим тяжелым молотом так ударил ее по голове, что второго удара уже не потребовалось.

Вскоре показалась вторая черная собака. Эта была гораздо больше первой, и у нее было две головы. Одним ударом кузнец сшиб у нее одну голову, но собака и с одной головой продолжала яростно набрасываться на людей. Юноша изломал свою

дубину о голову собаки, но та нисколько не пострадала. Тут кузнец изо всей силы обрушился на собаку со своим молотом, и она замертво упала к его ногам.

Вдруг показалась третья, еще более крупная черная собака, у которой было три головы. Кузнец сшиб у нее одну голову, а потом и вторую. Собака с диким воем бросилась бежать и вскоре скрылась. И сразу же, как только собака исчезла, в подземелье стало так светло, как будто зажглись десятки свечей, хотя ни свечей, ни ламп нигде не было видно.

Люди с удивлением стали оглядываться по сторонам. В эту минуту из задней стены появилась молодая женщина, прекрасная, как цветок. На ней было белое платье, а на шее — золотая цепочка толщиной в палец. Она приветливо протянула пришельцам руку и сказала:

— Благодарю вас от всего сердца за то, что вы освободили меня от колдовских чар, которыми меня опутала злая ведьма.

Затем появилась другая, такая же красивая женщина, она также поблагодарила людей и прибавила:

— А теперь добудьте наши сокровища, которые хранятся в подземельях ведьмы.

Люди попросили указать им дорогу и направились добывать спрятанные богатства. Их спутницы обнялись и заплакали от счастья. Затем девушки рассказали, что они — дочери могущественного короля; злая мачеха, стремившаяся получить богатое наследство для своих собственных детей, путем колдовства заточила девушек в это подземелье и превратила их в собак, обреченных сторожить скрытые здесь сокровища. Младшая королевна была превращена в одноголового пса, а старшая — в двухголового. Они были заколдованы так, что могли быть освобождены от злых чар и снова стать людьми только тогда, когда кто-нибудь убьет собак. А в кладовых, говорили они, золота и серебра целые горы, и охраняет его медведь, также обреченный на это колдовством.

У мужчин хватило смелости пойти и на это последнее тяжелое испытание. Посоветовавшись, они решили, что в тот миг, когда юноша будет бить медведя дубиной по глазам, кузнец подберется к зверю сзади и ударит его молотом по голове.

Однако эта борьба оказалась более трудной, чем они предполагали: прошло более часа, прежде чем им удалось одолеть страшного противника. В то мгновенье, когда медведь был, наконец, сражен, раздался такой страшный грохот, будто земля раскололась. Двери в задней стене рухнули, и мужчины увидели сундуки, наполненные золотом и серебром, а рядом с сундуками — груды жемчужных и серебряных ожерелий, которых хватило бы на добрый воз.

Из-за сундуков показался юноша в роскошных одеждах и поблагодарил своих избавителей за спасение. Он рассказал, что он — королевич, которого колдунья обратила в медведя и заставила охранять ее драгоценности.

— Благодарю судьбу, которая привела вас сюда! — воскликнул королевич. — Старая колдунья, обратившаяся сама в собаку о трех головах, нам больше не страшна, потому что в двух головах, сбитых вами, была вся ее колдовская сила. Теперь разделим между собой ее богатства, их всем нам хватит с избытком.

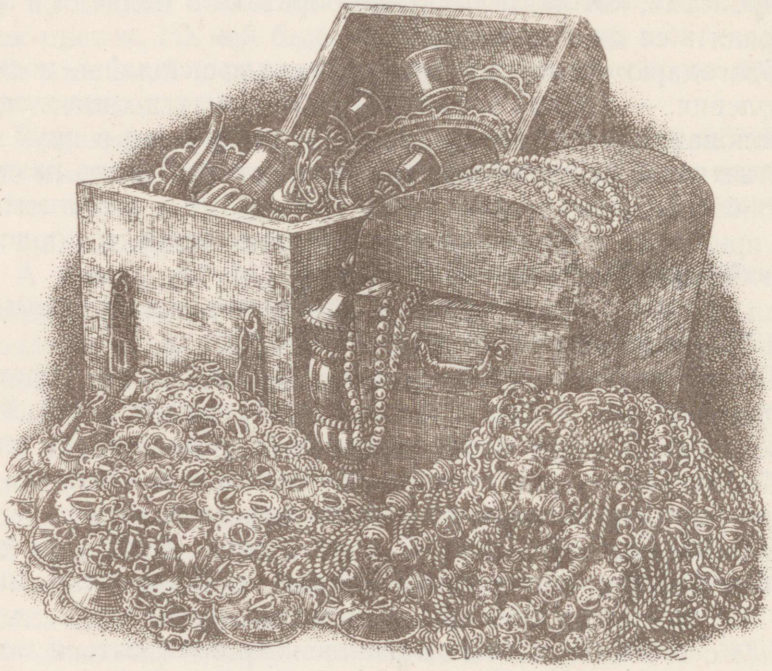
Они принялись делить добытые драгоценности, и продолжалось это больше недели.

Когда раздел был закончен, к ним снова явился маленький старичок. Он порадовался их удаче и сказал:

— Теперь я могу открыть вам все тайны. Ты, — обратился он к нашему юноше, — как и эти трое королевских детей, также королевский сын. Злые люди украли тебя у родителей, потому что ты был единственным ребенком и похитители надеялись после смерти старого короля захватить власть в стране. С того дня, как ты появился на свет, я охранял тебя. Когда ты жил в крестьянской семье, я постоянно следил, чтобы с тобой ничего плохого не случилось; хотя ты меня и не видел, но я днем и ночью был с тобой. Когда ты отправился странствовать, я захотел проверить, доброе ли у тебя сердце, и превратился в израненного старика. Ты пришел мне на помощь; тогда я дал тебе чудесную коробочку с салакой. Потом, превратившись в собачку, я привел тебя к ограбленной женщине и, наконец, к этим развалинам, где тебе суждено было найти свое счастье. Сейчас каждому из вас остается только последовать велению сердца и избрать себе супругу; сокровищ вы себе добыли вдоволь.

Тут королевич, освобожденный от злых чар, избрал себе в жены одну из королевен; королевич, выросший в крестьянской семье, — вторую, а дочь богача отдала руку и сердце храброму кузнецу.

Королевич-найденыш отослал половину своих сокровищ приемным родителям, и те сразу так разбогатели, что смогли оставить большое наследство и детям своим, и внукам.



ВОЛШЕБНОЕ ЯИЧКО

Жил однажды в глухом лесу бедняк. Было у него восемь человек детей. Хотя старшие уже сами зарабатывали себе на хлеб у чужих людей, семья попрежнему жила бедно и рождению девятого ребенка родители не очень-то обрадовались. Но, хочешь — не хочешь, надо было крестить и его. Да вот беда — никто не соглашался быть крестным новорожденного: каждый опасался, как бы в случае смерти родителей крестник не остался на попечение крестного.

Тогда отец решил: «Возьму-ка я ребенка, пойду в воскресенье в церковь и скажу священнику, что никак не могу найти крестного. Пусть поступает как хочет. Если ребенок останется некрещеным, не на моей душе грех будет».

Недалеко от дома бедняк увидел нищего, сидевшего у дороги. Нищий попросил у него милостыни. Бедняк сказал:

— Мне, братец, нечего тебе подать. Есть, правда, у меня в кармане несколько копеек, да их придется отдать за крещение ребенка. Но если хочешь сделать доброе дело, будь крестным отцом моему ребенку. А из церкви пойдем ко мне домой и попробуем, чего там хозяйка наготовила на крестины.

Нищего никогда еще никто не звал в крестные, поэтому он с радостью согласился. Когда они подходили к церкви, у дверей ее остановилась роскошная карета, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышла молодая женщина. Увидев ее, бедняк подумал: «А ну-ка, попытаю счастья еще раз». Он с почтительным поклоном приблизился к женщине и сказал:

— Уважаемая барышня! Не согласитесь ли вы быть крестной матерью моему ребенку?

Женщина согласилась, и когда после проповеди ребенка понесли крестить, священник и все прихожане были очень удивлены, увидев, что крестными были нищий-побирушка и знатная дама.

Ребенка назвали Пертелем. Богатая крестная заплатила за крестины и сверх того подарила своему крестнику три рубля, что очень обрадовало отца.

Нищий отправился вместе с ним справлять крестины. Вечером перед уходом нищий вытащил из кармана маленькую коробочку, завернутую в тряпицу, передал ее матери ребенка и сказал:

— Мой подарок крестнику, правда, невелик, но вы им не гнушайтесь. Быть может, он когда-нибудь принесет вашему сыну счастье. Моя тетка, мудрая знахарка, перед смертью дала мне вот это яйцо в коробочке и сказала: «Если с тобой в будущем случится что-нибудь такое, чего ты никак не мог ожидать, тогда отдай это яичко другому человеку. Если оно достанется тому, кому предназначено, то принесет ему счастье. Но пусть он бережет его как зеницу ока, потому что счастье человеческое хрупко, его легко разбить!» И вот я уже дожил до шестидесяти лет, а со мной еще никогда не случалось такой неожиданности, как сегодня утром: меня позвали в крестные отцы. Тут я и подумал сразу: «Подарю яичко своему крестнику!».

Маленький Пертель рос здоровым и румяным, родителям на радость. Когда ему исполнилось десять лет, его отдали в пастушки к богатому хозяину. Хозяйская семья была очень довольна смирным и тихим мальчиком.

Когда он уходил из дому, мать сунула ему в карман коробочку с яичком и велела хранить подарок крестного как зеницу ока. Сын свято выполнял наказ матери.

На выгоне росла большая липа, а под нею лежал валун. Это тенистое место очень полюбилось мальчику. Не проходило дня, чтобы он не побывал здесь. Сидя на камне, он съедал кусочек хлеба, который ему по утрам давали с собой. Тут же, из маленького родника, протекавшего неподалеку, утолял он жажду. С

другими пастушками, любившими побегать и пошалить, Пертель не дружил.

А люди дивились тому, что нигде в окрестностях не было такой хорошей травы, как между камнем и родничком. Каждый день стадо маленького Пертеля паслось на этой лужайке, а на другое утро трава здесь опять была такая высокая и сочная, точно это был некошеный луг, а не деревенский выгон.

Если Пертелю случалось в жаркий день вздремнуть на камне, он всегда видел прекрасные сны. Даже проснувшись, он слышал еще приятные звуки волынки и чудное пение. Камень под липой стал ему дорог, как друг. По вечерам мальчик расставался с ним неохотно, а утром с радостью устремлялся к любимому месту.

Когда Пертелю исполнилось пятнадцать лет, хозяева перевели его в батраки, но не изнуряли непосильной работой. По воскресным дням и в теплые летние вечера, когда деревенская молодежь шумно веселилась, Пертель, погруженный в думы, уходил на выгон, под свою старую липу, и оставался там иной раз до полуночи.

В один из воскресных вечеров он, как всегда, сидел на камне и тихо играл на губной гармонике. Вдруг из-под камня выползла молочно-белая змея. Наклонив голову, будто прислушиваясь к музыке, она пытливо всматривалась в Пертеля острыми глазками, сверкавшими, как огненные звездочки.

Потом это повторялось не раз, и Пертель, как только ему удавалось урвать свободную минутку, направлялся к камню, чтобы снова увидеть странную белую змею. А змея так к нему привыкла, что доверчиво обвивалась вокруг ног мальчика.

Время шло, Пертель стал уже взрослым юношей. Родители его умерли, а братья и сестры разъехались в разные стороны. Виделись они с братом редко да и мало что знали друг о друге. Для юноши самым близким существом на свете стала белая змея. Днем он постоянно думал о ней, а ночью видел ее во сне. Поэтому зимой, когда выпал снег, а мороз сковал землю, он сильно скучал. Когда же весеннее солнце растопило снег и отогрело землю, Пертель поспешил к своей липе, хотя на ветвях ее не было еще ни одного листочка.

И — о, радость! — как только он принялся изливать свою тоску игрой на гармонике, белая змея выползла из-под камня и стала играть у его ног. Пертелю показалось даже, что по ее щекам катились слезы. Это его очень растрогало.

Теперь он снова стал по вечерам ходить под липу, а змея становилась все смелее и доверчивее. Иногда она позволяла даже себя погладить. Но когда Пертель как-то в шутку вздумал ее поймать, она быстро выскользнула из его пальцев и скрылась под камнем.

В канун Иванова дня, когда все жители деревни, от мала до велика, отправились на Ивановы огни, Пертель не посмел отстать от других, хотя сердце и влекло его в совсем другую сторону. Однако в самый разгар гулянья, когда кругом пели и плясали, он тайком убежал под липу — единственное место, где его сердцу было спокойно.

Подходя к липе, он заметил, что возле камня вспыхнул яркий огонек. Это его очень удивило, так как он знал, что людей там быть не могло. Потом огонек потух. Юноша осмотрел все кругом, но ни золы, ни угольков не нашел. Он опустился на камень и стал играть на губной гармонике свою любимую песенку. И опять под камнем сверкнул яркий свет. Так могли светиться только глаза белой змеи. И действительно, вскоре змея выползла и стала играть возле его ног. Она дала себя погладить и все время пытливо смотрела ему в глаза, точно хотела что-то сказать. Около полуночи змея ускользнула в свою норку, под камень, и больше не показывалась. Но в это время листва липы так странно зашелестела, что юноша невольно остановился и стал прислушиваться. Этот шелест был похож на человеческий голос, и Пертелю показалось, что он отчетливо слышит слова:

Не разбей яичко счастья,
У него хрупка скорлупка!
Горе твердо и жестоко,
Торопись настигнуть счастье!

Тут на Пертеля напала страшная тоска, сердце у него словно разрывалось. О чем он тосковал, он и сам не знал. Крупные слезы капали у него из глаз, и он вздыхал: «Что поможет вол-

шебное яичко такому горемыке! Не видать ему счастья на земле! Мне еще с детства не по себе с другими людьми, они меня не понимают, и я их не могу понять. То, что их радует, мне причиняет боль. А что может меня осчастливить — я и сам не знаю, тем более другие. Моими крестными были богатство и нищета. Поэтому, наверное, мне никогда и не стать таким, как все остальные люди».

Вдруг вокруг него вспыхнул такой ослепительный свет, точно старую липу и камень озарило яркое солнце. Пертель зажмурился и несколько минут не мог открыть глаз, потом стал понемножку приподнимать веки. Когда его глаза привыкли к свету, он увидел, что на камне стоит красивая женщина в белоснежном платье. Из уст ее послышался голос, звучавший прекраснее соловьиного пения.

Она говорила:

— Милый юноша, не бойся, выслушай мольбу несчастной девушки! Я обречена томиться в неволе, и если ты меня не пожалеешь, то у меня не останется никакой надежды на спасение. О, милый юноша, сжалься надо мной, не отталкивай меня! Я — дочь могущественного короля Востока. Мой отец обладает неисчислимыми сокровищами, но богатство не может меня спасти: я силой колдовства превращена в змею и живу здесь уже несколько сот лет, не старея. И хотя я никогда ни одному живому существу не причинила зла, все бегут прочь, как только завидят меня. Только ты один позволил мне приблизиться к себе, ты позволял мне даже играть у твоих ног, и твоя рука не раз ласково гладила меня. И я стала надеяться, что ты мог бы стать моим избавителем. Твое сердце чисто, как сердце ребенка, в нем нет ни лжи, ни обмана. Кроме того, только ты мог бы спасти меня, потому что твоими крестными были знатная женщина и нищий и на крестины тебе подарили яичко счастья. Только один раз в двадцать пять лет, в канун Иванова дня, я могу на один лишь час появиться на земле в облике человека. И если бы юноша с непорочной душой, обладающий теми необычайными дарами, о которых я говорила, пришел и принял к сердцу мою мольбу, тогда только я могла бы освободиться из своего долгого заточения. Освободи же меня, избавь от томительного плена!

С этими словами девушка бросилась перед Пертелем на колени, обняла его ноги и горько зарыдала.

Юноша был глубоко тронут. Он попросил девушку подняться и объяснить ему, каким способом можно было бы ее освободить.

— Я готов броситься в огонь и в воду, — говорил он, — если это принесет тебе освобождение! Ради твоего спасения я готов десять раз пожертвовать жизнью! Какая-то неизъяснимая тоска не дает мне покоя, но чего я жажду, я и сам не знаю.

Девушка сказала:

— Приходи сюда завтра на закате солнца. И когда я снова явлюсь тебе в обличье белой змеи, обовьюсь вокруг тебя и три раза тебя поцелую — не пугайся и не дрожи от страха, иначе мне придется еще много веков оставаться пленницей злых чар.

С этими словами девушка скрылась, а в шелесте липы юноше опять послышались слова:

Не разбей яичко счастья,
У него хрупка скорлупка!
Горе твердо и жестоко.
Торопись настигнуть счастье!

Пертель, придя домой, лег спать только перед рассветом, но странные сны, то светлые, то страшные, не дали ему отдохнуть. Ему казалось, что белая змея обвивается вокруг его груди и душит его. От ужаса он просыпался и со стоном поднимался на постели.

Юноша не придавал особого значения зловещим снам и был попрежнему готов освободить королевну от колдовских чар, пусть даже ценой своей жизни. И все же, час от часу, чем ниже солнце опускалось к закату, тем тяжелее становилось у Пертеля на сердце.

В назначенное время он пришел к камню, сел под липой и стал думать о том, как бы ему собрать всю свою смелость и силу и сдержать дрожь, когда змея обовьется вокруг него и будет его целовать. Вдруг он вспомнил о своем яичке счастья. Он быстро вытащил коробочку из кармана, размотал тряпочку и взял в руку яичко, оказавшееся не больше яйца кукушки. И в тот же миг

белоснежная змея выскользнула из-под камня, обвилась вокруг него и подняла голову, чтобы его поцеловать. Тут юноша — он и сам не знал, как это случилось, — сунул яичко счастья змее в пасть. Сердце у него, правда, замерло, но он не дрожал, когда змея его трижды поцеловала. Тут раздался страшный грохот, сверкнул такой ослепительный свет, будто молния ударила в камень, и содрогнулась вся земля. Пертель упал замертво и не видел, что с ним и вокруг него происходило. А в это страшное мгновение разбились колдовские чары и королевна избавилась от долгой неволи.

Когда Пертель очнулся от тяжелого забытья, он увидел, что лежит на мягких шелковых подушках в красивой стеклянной комнате небесно-голубого цвета. Прекрасная девушка стояла на коленях у его кровати и гладила его щеки. Увидев, что Пертель открыл глаза, девушка воскликнула:

— От всего сердца благодарю тебя, милый юноша! Ты избавил меня от вечных мучений. Возьми себе в награду этот роскошный королевский дворец, возьми все мои сокровища и, если хочешь, возьми и меня себе в жены. Отныне ты будешь жить счастливо, как и подобает обладателю яичка счастья.

Никто не в силах описать радость Пертеля! Без следа исчезла угнетавшая его душевная тоска, которая заставляла его удаляться от людей и искать уединения под старой липой. В добром согласии со своей милой супругой, счастливо и без забот прожил он до конца своих дней.

Между тем, в деревне и в той усадьбе, где Пертель раньше работал, люди были встревожены его внезапным исчезновением и отправились разыскивать пропавшего. Прежде всего они пошли к липе, зная, что Пертель часто там бывает и что туда же он направился в Иванов день на закате солнца. Каково же было изумление людей, когда они не нашли ни юноши, ни липы, ни камня, а маленький родничок оказался высохшим! Так в деревне Пертеля никогда больше и не видели.

ЗЕМЛЯНИЧКА

Пошла однажды молодушка в лес по ягоды. Набрав полный туесок, она собралась было идти домой, как вдруг заметила меж деревьев что-то, походившее издали на человека. Подойдя поближе, женщина увидела, что под кустом лежит без чувств молодая девушка, бледная, с окровавленным ртом. Молодушка побежала к ручью, протекавшему неподалеку, вытрясла в передник землянику, наполнила туесок холодной водой и, вернувшись, смочила девушке виски и обмыла лицо. Та очнулась, открыла глаза и удивленно осмотрелась вокруг. Увидев около себя незнакомую женщину, девушка сперва испугалась, но потом страх ее прошел, и, взяв молодушку за руку, она ласково сказала:

— Твоя доброта спасла мне сегодня жизнь. Кто знает, что случилось бы со мной, если бы ты не помогла мне. Лютый враг нашего рода — старый леший встретился мне сегодня на пути и избил меня до полусмерти. Я упала замертво и, наверное, погибла бы здесь, если бы не ты. Сегодня мне нечего дать тебе в награду, кроме вот этого кольца, которое я сейчас надену тебе на палец. Теперь мы с тобой связаны на всю жизнь. Когда появится на свет ребенок, которого ты носишь под сердцем, позови меня в крестные. Я приду на крестины вместе со своими младшими сестрами. Только смотри, никому не рассказывай о сегодняшней нашей встрече: если тебя спросят, откуда это кольцо, — скажи, что нашла в лесу. — Промолвив это, девушка сняла

с пальца золотое кольцо и надела его молодушке на руку. Женщина предложила ей земляники, и девушка, поблагодарив, съела больше половины ягод.

— Ты спасла меня от смерти, накормила и напоила, — сказала она, — за это я отплачу добром твоей дочери, когда ей будет столько лет, сколько мне сейчас, и ей пора будет выходить замуж.

Дружески разговаривая, они дошли до опушки леса. Здесь девушка попрощалась с молодушкой и пошла обратно в лес. Женщина хотела было еще пособирать ягод, чтоб наполнить туесок, но солнце уже клонилось к закату, и она решила идти домой. Высыпав оставшиеся в переднике ягоды в туесок, молодушка увидела, что он с верхом наполнился земляникой. Это показалось женщине странным, так как она своими глазами видела, что девушка съела больше половины ягод. Но, придя домой, молодушка удивилась еще больше, когда, пересыпав ягоды на тарелку, вдруг увидела, что нижняя половина туеска наполнена серебряными монетами. Что это могло значить? Молодушка вспомнила, что девушка запретила ей рассказывать о кольце, а потому решила, что лучше промолчать и о деньгах, и спрятала их про черный день на дне сундука, между свертками ткани.

Спустя полгода у молодушки родилась дочь. По мере того, как приближался день крестин, росло беспокойство матери: она забыла спросить у девушки, где она живет, и теперь не знала, как послать ей приглашение.

Наступил день крестин. Запрягли сани, чтобы везти ребенка и гостей в церковь. Мать сквозь слезы смотрела, как они готовились к отъезду, и грустила о том, что так и не пришлось позвать в крестные добрую девушку. Вдруг послышался звон колокольчика и — о чудо! — во двор въехали красивые сани, запряженные парой лошадей; в санях сидели три девушки в нарядных шубах.

— Вы уже собрались? — крикнула одна из девушек. — Не теряйте времени. Наш кучер сейчас повернет лошадей, и мы поедем в церковь вместе, а на обратном пути заедем поздравить молодую мать.

Хотя молодушка и не слышала этого разговора, однако сразу

же решила, что три нарядные девушки в санях — те крестные, которых она не смогла пригласить. Она очень обрадовалась, и от грусти, наполнявшей утром ее сердце, не осталось и следа. Она жалела лишь о том, что девушки уехали в церковь, не поев и не попив, и не могла дождаться их возвращения, чтобы угостить дорогих гостей утренним завтраком.

К счастью, хозяйка и не подозревала о той ссоре, которая произошла в церкви между крестной матерью и пастором из-за имени девочки. Когда священник спросил, как решили назвать ребенка, одна из девушек ответила:

— Маазикас [1].

— Как вы сказали? — переспросил священник. — Мари, Мадли или Марет?

— Маазикас, — прозвучало снова в ответ.

Отец ребенка и гости в удивлении переглянулись, не зная, что и думать об этом.

— Прошу вас, оставьте шутки и скажите серьезно, какое имя будет дано ребенку, иначе я буду крестить его, не спрашивая вас, — строго сказал священник.

Покраснев от негодования, девушка смело ответила ему:

— Люди, звери и все растения, живущие на земле, не имели имен. Их дали им люди. Кто может мне запретить назвать крестницу этим именем?

— Кто дал вам право учить меня? — сердито спросил священник. — Если вы вздумали силой навязывать мне свою волю, то я должен, во-первых, напомнить вам, кто я, а во-вторых, спросить у вас, кто вы такая и могу ли я по закону разрешить вам быть крестной матерью ребенка?

Не говоря ни слова, девушка вынула из кармана какую-то бумагу и протянула священнику. Прочитав ее, он побледнел как смерть и испуганно пробормотал:

— Простите, простите, ваше высочество! — Но девушка, угрожающе подняв палец, молвила:

— Довольно! Крестите ребенка. Нам не о чем больше разговаривать.

---

[1] Maasikas (эст.) — земляника.

Священник окрестил ребенка, назвав девочку Маазикас. Руки его при совершении обряда дрожали. Нарядная девушка, державшая ребенка на руках во время крестин, дала пастору несколько золотых монет, а кистеру рубль. Это гости видели своими глазами. Потом все приглашенные поехали обратно на хутор. Дорогой они гадали, какой подарок сделают матери ребенка и крестнице богатые крестные, если они смогли так дорого заплатить за крестины.

Приехав на хутор, девушка сразу же пошла поздравить молодую мать. Она обняла ее, погладила по лицу и сказала, указывая на своих спутниц:

— Это мои младшие сестры, которых я обещала привезти на крестины. Если с тобой что-нибудь случится — знай, мы будем втроем заботиться о твоей дочери, пока она не подрастет.

Затем каждая из девушек дала матери ребенка по золотой коробочке, молвив:

— В коробочках — подарки крестнице от крестных. Не показывай их никому, но сама, если хочешь, можешь взглянуть. Только смотри, не теряй этих драгоценных вещей.

Как ни упрашивали хозяева дорогих гостей сесть за стол и подкрепиться с дороги, те не пожелали ни пить, ни есть и, ласково попрощавшись с матерью девочки, уехали со двора в своих великолепных санях.

Гостям не терпелось узнать, кто были эти нарядные гостьи и что спрятано в золотых коробочках. Однако их желание никто не смог выполнить. Отец ребенка даже рассердился — он и после отъезда приглашенных не смог добиться от жены ответа на свой вопрос; она уверяла, что и сама не знает, кто были чудесные посетительницы. Но муж ей не поверил. Несколько дней спустя молодая мать тайком пробралась к сундуку, где лежали золотые коробочки. Ей хотелось узнать, что за сокровища хранятся под золотыми крышечками. Но, открыв коробочки, она не нашла в них ничего, кроме трех маленьких камешков в каждой. Женщина удивилась, однако никому ничего не сказала.

Когда маленькой Маазикас исполнилось семь лет, мать ее тяжело заболела и вскоре не осталось уже никакой надежды на то, что больная выживет. Перед смертью она послала за пастором

и рассказала ему обо всем, что произошло с ней в лесу перед рождением дочери. Пастор сказал:

— На твоей душе нет никакого греха, и за девочку ты можешь быть спокойна: крестные позаботятся о ее воспитании.

Вскоре после этого мать умерла, попрощавшись перед смертью с дочкой и благословив ее.

На следующий день после похорон на хутор пришла крестная мать и хотела увести с собой крестницу. Но отцу жаль было расставаться с девочкой, и он упросил оставить ее дома, себе на радость и утешение. Девушка исполнила его просьбу, но, прощаясь, молвила:

— Мы будем каждый день приходить к маленькой Маазикас.

С тех пор сестры по очереди навещали сиротку, каждый день приносили ей чистую одежду, вкусные пирожки и разные красивые игрушки.

Через год вдовец решил снова жениться. За два дня до свадьбы пришла крестная мать сиротки и сказала:

— Маазикас не должна больше оставаться у тебя; сегодня я уведу ее с собой. У тебя будет другая жена, со временем ты снова станешь отцом, но Маазикас не найдет для себя второй матери. Все, что мы дарили до сих пор крестнице, пусть останется тебе и твоей молодой жене, но три золотые коробочки, подаренные нами Маазикас в день крестин, я должна взять с собой.

Как ни противился отец этому решению, ничто не помогало. Маленькая Маазикас плача просилась к крестным.

В конце концов ему пришлось уступить. Когда девушка с крестницей отправилась в путь, отец потихоньку пошел за ними, чтобы узнать, где девушки живут. А жили они, как видно, недалеко, так как каждый день навещали Маазикас. Взяв ребенка за руку, девушка направилась к тому лесу, где мать девочки когда-то собирала ягоды. Подойдя к большому камню на полянке близ лесной опушки, девушка и ребенок вдруг исчезли, словно сквозь землю провалились. Отец поспешил туда, несколько раз обошел вокруг камня, поискал следов, потопал ногами о землю — не обнаружится ли где-нибудь пустое место, но все было напрасно.

G. Reindorff 1945

Крестной с ребенком он нигде не нашел. Впоследствии, живя счастливо с молодой женой, отец позабыл о дочке от первого брака.

А теперь вернемся к маленькой Маазикас и расскажем, как ей жилось. Недалеко от камня, на глубине трех пядей под землей лежала известняковая плита шириной в одну сажень и длиной в полторы сажени. Как только на плиту ступала нога хозяина, камень приподымался, точно люк в погребе, впускал пришедшего и тотчас же снова опускался. Все это происходило с такой удивительной быстротой, что тому, кто смотрел издали, никак не понять было, провалился ли человек под землю или поднялся невидимкой в воздух. Последнее казалось более вероятным, так как на земле не оставалось никаких следов. В глубь подземелья вела широкая высеченная из дорогого камня лестница.

Спустившись по лестнице, маленькая Маазикас вместе с крестной вошла в просторный двор, в котором возвышался стеклянный дом. Это было жилище девушек, называвшееся усадьбой обитателей камня. В доме было много служанок, выполнявших различные тонкие ручные работы. Постепенно научили рукоделию и маленькую Маазикас, хотя ее не считали служанкой и воспитывали как избалованную господскую девочку. Крестные матери любили Маазикас и заботились о ней, заменяя ей мать. Так незаметно текло время, и не успели крестные оглянуться, как Маазикас исполнилось шестнадцать лет и она стала красивой, цветущей девушкой.

Как-то старшая крестная мать сказала крестнице:

— Дорогая Маазикас! Пришло нам время расстаться. Но наша разлука продлится, вероятно, недолго. Если все будет хорошо, мы снова встретимся и тогда только смерть разлучит нас. Ты возьмешь с собой двух верных слуг и три золотые коробочки. В них ты найдешь все необходимое для долгого пути.

Дав девушке еще несколько наставлений, крестная мать велела Маазикас через три дня собираться в дорогу. Девушка очень опечалилась этим, а когда настал час расставания, не меньше горевали и крестные матери. Обливаясь слезами, они обнимали крестницу и целовали ее множество раз. Кликнув

затем двух слуг, пожилых людей, которых Маазикас никогда раньше не видела, крестные велели им оберегать девушку. Так Маазикас со своими слугами отправилась в путь, держа в руках маленькую корзиночку с золотыми коробочками.

Долго шли они по лесу, и давно уже высохли слезы разлуки на щеках у девушки. Наконец один из слуг сказал:

— Мы не сможем пройти такой длинный путь пешком.

— Но где же мы возьмем лошадей? — спросила Маазикас.

— Лошади, а также все, что нам может понадобиться в пути, находится в золотых коробочках в вашей корзинке, — ответил слуга. Маазикас удивленно посмотрела на него, словно спрашивая, что означает эта насмешка. Но слуга сказал серьезно:

— Выньте из кармана один камешек, и у нас сейчас же появятся лошади и карета.

Девушка, хотя и не поверила слуге, все же последовала его совету. Взяв первый попавшийся ей в руку камешек, она передала его слуге. Тот, трижды подув на него, молвил: — Коляска и две пары лошадей, явитесь!

Тотчас же появилась карета, запряженная четверкой лошадей. В нее усадили Маазикас, один слуга сел на козлы, а второй встал на запятки, и они быстро поехали дальше. Около полудня кучер спросил девушку, не проголодалась ли она.

— Но у нас нет с собой никаких припасов, — ответила Маазикас.

— Зато есть камешки, — отозвался слуга с запяток. — Дайте мне один из них.

Маазикас передала камешек слуге и тот, подув на него, крикнул:

— Столик с кушаньями, явись!

В тот же миг перед ними появился стол, уставленный дорогими яствами. Маазикас утолила голод и пригласила к столу слуг, чтобы и они поели досыта. После обеда слуга дунул на столик, тот сразу же исчез, а маленький камешек опять оказался в руках у Маазикас. Вечером они снова превратили один из камешков в стол, а из второго камешка сделали кровать с подушками, на которой девушка смогла отдохнуть с дороги. Так потом повелось каждый день, и путники ни в чем не испытывали недостатка.

Но вскоре Маазикас стала скучать, в дороге время тянулось медленно, и девушке захотелось иметь какую-нибудь спутницу. Шутки ради она взяла один из камешков, дунула на него, как это делали слуги, и крикнула:

— Служанка, явись!

В ту же секунду подле нее оказалась миловидная и приветливая девушка. Теперь Маазикас весело было ехать в красивой карете, она могла с утра до вечера болтать сколько угодно.

Однажды утром, отправляясь в путь, кучер сказал Маазикас:

— Сегодня мы приедем к жилищу знаменитого мудреца; вы должны будете войти в дом и внимательно выслушать все, что скажет вам старый мудрец. Его приказание нам надо будет выполнить в точности, иначе все у нас пойдет прахом. Чтобы старик хорошо нас принял и дал нам мудрый совет, вы должны пожертвовать одним камешком.

К вечеру наши путники добрались до жилища мудреца. Слуги принесли ему в дар тяжелый мешок, наполненный серебряными и золотыми монетами, созданными из камешка. Мудрец, посмотрев на руку Маазикас, сказал:

— Завтра ваш путь будет лежать через темный, густой лес. Там встретятся вам три зверя — сперва матка северного оленя, затем старый волк и, наконец, медведь. Постарайтесь сделать так, чтобы звери подпустили вас к себе, и повяжите каждому из них на шею метку, по которой вы могли бы узнать их и при следующей встрече. Оленю сделайте шелковый ошейник, а волку — кожаный, медведю же суньте в лапу кольцо, доставшееся вам в наследство от матери. Спустя три дня вам повстречается коварный и злой змей. От него вы сможете спастись только таким путем: превратите один из камешков в северного орла и сядьте ему на спину вместе со слугами. Он с быстротой ветра поднимет вас к облакам, и там змей вам будет не страшен. Правда, он проглотит карету и лошадей, но вы от этого не пострадаете. Через семь дней змей издохнет и кони с каретой выйдут из его пасти. Что случится в дальнейшем, я вам не скажу, но и вас, и ваших крестных ждет счастье.

На другой день наши путники действительно попали в густой, темный лес. Все случилось так, как предсказал мудрец. Сначала

из лесу вышла матка северного оленя, затем старый волк и, наконец, медведь. Маазикас подозвала зверей к себе одного за другим и каждому из них повязала метку — оленю надела на шею синюю шелковую ленту, волку — кожаный ремешок, а медведю сунула в лапу золотое кольцо. Медведь, словно в благодарность, лизнул девушке руку и с радостным урчанием побежал обратно в лес.

Но спустя три дня с путниками приключилось нечто более страшное. До их слуха донесся такой шум и хруст, словно кто-то волочил по земле тяжелую кучу сена. Вскоре вдали показалась голова короля змей, увенчанная золотой короной. Но Маазикас в тот же миг превратила один из камешков в орла и уселась ему на спину вместе со своими слугами. Орел тотчас же взвился высоко к облакам. Сверху путники видели, как огромный змей проглотил карету с лошадьми, точно маленьких мышат. Семь дней летал под небесами северный орел со своей ношей, а по ночам отдыхал на краю облака. Люди же, сидевшие на его спине, ни в чем не терпели нужды: чудесные камешки, лежавшие в золотых коробочках, давали им все необходимое.

На седьмой день утром северный орел опустился на землю, как раз в ту минуту, когда лошади с каретой вышли из пасти издохшего короля змей. Наши путники стояли и дивились на это чудо, как вдруг увидели, что к ним приближаются какие-то пожилые люди—мужчина и женщина, одетые в роскошное королевское платье. У мужчины на шее был кожаный ремешок, а у женщины — синяя шелковая лента. Маазикас тотчас же узнала те самые метки, которые она повязала оленю и волку. Вскоре к ним подошел юноша, у которого на руке блестело кольцо, отданное девушкой медведю.

Старик молвил:

— Спасибо тебе, Маазикас, дорогое дитя! Ты освободила нас от долгой неволи. Семьсот лет тому назад я был королем в полуденной стране. Это моя супруга, а юноша — мой сын. Трое наших дочерей погибли. Коварный король змей завоевал мое королевство и проглотил всех моих подданных. Меня же он превратил в волка, мою жену — в северного оленя, а нашего сына —

в медведя. Где находятся мои дочери, я не знаю, вероятно, змей и их проглотил.

Выслушав рассказ старика, Маазикас тотчас же подумала, что ее крестные матери — дочери короля, но решила ничего не говорить, пока это не подтвердится, — тогда радость родителей будет еще больше. Превратив один из камешков во вторую карету, запряженную шестеркой лошадей, она предложила ее королю с женой и сыном. Затем все двинулись домой. На третий день утром они увидели крестных Маазикас, вышедших им навстречу. Кто может описать радость родителей и дочерей, встретившихся после семисотлетней разлуки!

Вскоре королевич женился на Маазикас и стал править королевством отца, который был уже стар. Дочери его также вышли замуж. Но как достались им золотые коробочки с камешками и куда они потом исчезли, королевны никогда никому не рассказывали.

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ

У зажиточного крестьянина было три сына. Двое старших были людьми толковыми и искусными в любой работе, третий же, младший, уже с детских лет слыл придурковатым: ни с каким делом он не мог как следует справиться. Перед смертью отец дал сыновьям такое наставление:

— Дни мои клонятся к закату, скоро я вас покину. Вы, старшие сыновья, разделите между собой поровну все наше имущество. Если желаете, разделите пополам и землю. А если только один из вас захочет здесь хозяйничать, пусть выплатит другому половину стоимости нашей земли. Ты же, Пеэтер, мой младший сынок, не годишься ни в хозяева, ни в работники, поэтому надо тебе отправляться искать счастья по белу свету. Твоя крестная подарила тебе на крестины старую рублевую монету. Она назвала эту монету неразменным рублем и велела отдать ее тебе, когда ты будешь покидать родительский дом. Крестная сказала так: «Мой крестник не будет знать никаких забот, пока у него в кармане будет этот неразменный рубль. Такого счастливчика ни нужда, ни другие бедствия не могут коснуться». Возьми же себе в наследство подарок крестной и попытайся прожить с его помощью.

На другой день отец умер. Сыновья закрыли ему глаза и похоронили его. Старшие братья еще не были женаты, поэтому

остались вместе хозяйничать в отцовском доме. Младшему же брату они дали сумку с едой, которой хватило бы по крайней мере на неделю, и сказали:

— Иди, ищи себе счастья!

Пеэтер, посвистывая, вышел из дому и направился на восток, думая при этом: «Солнце, всходя утром, будет показывать мне, куда идти. Поэтому мне нечего бояться, что я заблужусь».

Пока в сумке были припасы, юноша весело шагал по дороге, распевая песни и насвистывая и все больше удаляясь от родного дома. Но через несколько дней он увидел, что в сумке не осталось больше ни кусочка хлеба.

Юноша прошел натощак несколько верст, потом присел отдохнуть и стал раздумывать, где бы достать еды. Правда, рубль лежал у него в кармане нетронутым, но какую пользу он мог принести ему здесь, где не было человеческого жилья и ни за какие деньги нельзя было купить хлеба.

Путник растянулся на траве и закрыл глаза, надеясь, что во сне ему придет в голову что-нибудь дельное. Проснувшись, он увидел, что рядом с ним сидит незнакомый старик с длинной белой бородой и с одним глазом. Этот единственный глаз сверкал у него посередине лба, над носом. Там же, где у людей находятся глаза, у старика торчали две большие бородавки, похожие на рожки козленка. Три черные собаки, одна больше другой, лежали у его ног.

Старик пристально посмотрел своим единственным глазом на Пеэтера и спросил:

— Землячок, не хочешь ли купить у меня собак? Я дешево продам.

— Мне и самому есть нечего, — ответил Пеэтер, — чем же я буду кормить собак?

Старик засмеялся:

— Ну, это пусть тебя не тревожит! Мои собаки у тебя есть не попросят, мало того — они еще и тебя прокормят.

— Так это охотничьи собаки? — спросил Пеэтер. — Они ловят в лесу всякую дичь и несут хозяину?

— Нет, мои собаки лучше любых охотничьих, — ответил

старик. — А если ты не хочешь покупать кота в мешке, я сейчас покажу тебе, какую пользу они приносят своему хозяину.

Он прикоснулся пальцем к голове меньшей из собак и крикнул:

— Беги-неси-есть!

Собака вскочила и умчалась с быстротой ветра. Не прошло и получаса, как она вернулась с корзинкой в зубах. Велика была радость Пеэтера, когда он увидел, что корзинка наполнена самой вкусной едой. Здесь была свинина, свежая рыба, колбаса и лепешки. Юноша наелся досыта.

Старик заметил:

— Все, что останется из еды, ты должен отдать собакам: корзинку надо очистить так, чтобы в ней ни крошки не осталось.

Пеэтеру было жаль бросать кушанья собакам, но он не посмел ослушаться старика, который только что помог ему утолить голод.

— Эту маленькую собаку я, пожалуй, купил бы, — сказал Пеэтер нерешительно, — если бы у меня хватило денег. Но беда в том, что, кроме одной рублевой монеты, у меня за душой ничего нет. Если ты согласен продать собаку за эту цену, тогда ударим по рукам!

Старик согласился, но сказал:

— Этих собак нельзя продавать поодиночке в разные руки; это принесло бы несчастье их хозяевам, да и с самими собаками случилась бы беда. Но раз у тебя нет больше денег, я за этот рубль готов продать тебе меньшую собаку, а впридачу подарю тебе и остальных. Думаю, что ты будешь доволен покупкой. Как ты уже слышал, первую собаку зовут «Беги-неси-есть», среднюю — «Растерзай», а самую большую — «Ломай-железо». Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, кликни нужную тебе собаку, и твое желание исполнится. Меньшая собака будет тебя кормить, а две другие — защищать от врагов.

И старик крикнул собакам:

— Вот ваш новый хозяин!

Собаки завиляли хвостами и стали лизать Пеэтеру руку, словно хотели показать этим, что поняли приказ.

Прощаясь, старик прикоснулся к Пеэтеру пальцем, и юношу

точно молния пронизала насквозь. В тот же миг старик исчез: растаял ли он в воздухе или рассыпался в прах, этого Пеэтер не мог понять.

Пеэтер с изумлением заметил, что от прикосновения руки старика он как будто и сам преобразился, и все вокруг стало иным. Никогда еще мир не казался ему таким прекрасным. Пеэтер сказал про себя: «До этого дня я жил словно в густом тумане, а теперь вышел на яркий свет!» Собаки внимательно глядели ему в глаза и виляли хвостами, словно хотели сказать: да, Пеэтер, ты прав!

Юноша еще долго думал об удивительном происшествии, потом двинулся дальше.

Вечером, случайно сунув руку в карман, Пеэтер нашел там свою рублевую монету. Он никак не мог понять, как она туда попала. Он ясно помнил, что отдал рубль старику в уплату за собаку, помнил, как старик у него на глазах опустил монету к себе в карман. Как же она могла вернуться обратно?

Вечером «Беги-неси-есть» без всякого приказа с его стороны притащила полную корзину еды; то же самое собака сделала и на следующее утро.

Но удивительный случай с рублевой монетой не выходил у Пеэтера из головы, и он решил сделать еще одну пробу. У повстречавшегося ему крестьянина он обменял свой потрепанный кафтан на более новый и отдал мужичку в придачу свой рубль. Пройдя версту, он опять нашел монету у себя в кармане!

Теперь Пеэтер понял, каким замечательным свойством обладал неразменный рубль: отданный при покупке, он всегда возвращался к своему хозяину.

Пеэтер стал покупать себе одежду и другие необходимые вещи, но подарок крестной всегда оставался у него в кармане. Каким образом рубль к нему возвращался, Пеэтер так никогда и не узнал. Он думал с радостью: «Я могу, если захочу, обойти весь свет — нигде у меня не будет недостатка ни в пище, ни в деньгах».

Скитаясь с места на место, Пеэтер попал однажды в дремучий лес. Чуя что-то недоброе, собаки подняли морды и так поглядели на хозяина, точно хотели сказать: здесь дело неладно,

будь осторожен! Пеэтер все же пошел дальше. Он видел, что собаки становятся все беспокойнее, но ничего особенного вокруг не замечал.

Вдруг до него издали донесся грохот колес, будто тяжелый воз медленно катился по булыжнику. Грохот все приближался, и, наконец, из-за деревьев показалась карета, запряженная четверкой вороных коней. Можно было подумать, что в ней везут покойника: карета была покрыта черным покрывалом, и кучер был одет во все черное. У лошадей головы и уши были опущены, точно и лошади понимали, что у людей горе.

Заглянув через окошко в карету, Пеэтер увидел красивую молоденькую женщину в черном платье. Она горько плакала, утирая слезы тонким белым платочком.

Пеэтер спросил кучера, что все это значит, но ответа не получил. Тогда Пеэтер крикнул грозно:

— Негодяй! Останови лошадей и отвечай! Не то я сам открою тебе рот, чтоб ты научился разговаривать с людьми!

Кучер оглянулся на Пеэтера и на его больших собак и решил, что тут шутки плохи. Он остановил лошадей и стал рассказывать. В этом лесу, говорил он, живет страшный зверь — наполовину медведь, наполовину птица; чудовище одинаково хорошо умеет и передвигаться по земле, и летать по воздуху. Оно пожирает людей и животных и давно уничтожило бы все живое в стране, если бы ему каждый год не приносили в жертву невинную девушку, которую зверь в одно мгновение проглатывает живьем. Ежегодно по приказу короля со всей страны собираются шестнадцатилетние девушки и жребий решает, кто из них будет принесен в жертву. В этом году роковой жребий пал на единственную дочь короля, которую теперь и везут чудовищу на съедение. И хотя король и все его подданные глубоко скорбят об этом, тут ничем не поможешь: в жертву должна быть принесена именно та девушка, на которую пал жребий, кто бы она ни была — богачка или нищая, дочь знатных родителей или крестьянка.

Тяжело стало на сердце у Пеэтера, когда он услышал этот рассказ. Он тут же решил проводить несчастную девушку в ее последний путь. Карета медленно двинулась дальше, а Пеэтер со своими собаками пошел за ней следом.

Когда они достигли подножья высокой горы, окруженной лесом, кучер остановил лошадей и попросил королевну выйти из кареты — здесь была граница, отделявшая жизнь от смерти. Без единого слова, точно овечка, вышла королевна из кареты и стала подниматься на гору. Пеэтер хотел последовать за ней, но кучер закричал:

— Эй, земляк, брось дурачиться! Хоть ты и погибнешь здесь так же, как и девушка, но делу этим не поможешь!

На это Пеэтер возразил:

— Это дело мое, тебя оно не касается! — и твердым шагом направился вслед за девушкой. Королевна сквозь слезы с благодарностью взглянула на него, а черные собаки одобрительно завиляли хвостами, словно хотели сказать: вот это смелый поступок!

Не успели они преодолеть и третьей части подъема, как наверху раздался шум и гром, как будто приближалась сильная гроза. Вскоре они увидели, что с горы спускается ужасный зверь, туловищем похожий на медведя, но по размерам больше самой крупной лошади; вместо шерсти его тело покрывала чешуя, на голове было два кривых рога, а на спине два длинных крыла. Из пасти страшного зверя торчали огромные зубы в пол-аршина длиною, похожие на кабаньи клыки, на лапах — длинные острые когти. Не добежав до королевны несколько десятков шагов, страшный хищник высунул длинный язык, собираясь, как змея, ужалить девушку, прежде чем ее проглотить. Но в то же мгновение Пеэтер крикнул:

— «Растерзай»!

Услышав человеческий голос, чудовище яростно сверкнуло глазами, а из пасти его повалил пар, точно в бане, когда на горячие камни плеснут водой. Но черная собака, выполняя приказание хозяина, с быстротой молнии набросилась на зверя и вступила с ним в борьбу. Ловко увернувшись от страшных когтей и клыков чудовища, собака скользнула между его ног, впилась зубами ему в брюхо и терзала его до тех пор, пока не вгрызлась в самое сердце. Тут зверь грохнулся наземь, так что гора задрожала, и испустил дух. Собака же, несмотря на то, что была раз в десять меньше зверя, съела его целиком, с кожей и

костями; от чудовища ничего не осталось, кроме двух рогов и четырех длинных зубов, которые Пеэтер подобрал и спрятал в свой мешок.

После этого он поспешил на помощь королевне, которая от испуга лишилась чувств. Пеэтер принес в своей шляпе холодной воды из родника и до тех пор смачивал лоб, щеки и виски девушки, пока та не пришла в себя.

Как будто очнувшись от тяжкого сна, девушка сначала не могла припомнить, что с ней произошло. Но увидев, что страшный зверь исчез и ей больше не грозит смертельная опасность, она упала на колени перед своим избавителем и со слезами радости на глазах благодарила его. Затем королевна попросила юношу сесть с ней в карету и отправиться к ее отцу, чтобы получить заслуженную награду. Но Пеэтер поблагодарил ее и ответил:

— Я еще молод и неопытен, поэтому сейчас не осмеливаюсь предстать перед королевские очи. Я пойду странствовать по белому свету, а через три года, если буду жив и здоров, вернусь опять сюда.

Так они и расстались. Королевна села в карету и поехала обратно к отцу, Пеэтер же продолжал свой путь в далекие чужие края.

Между тем кучеру пришла на ум недобрая мысль. Услышав, о чем говорила королевна с Пеэтером, он решил выдать себя за ее спасителя и получить богатую награду. Когда они въехали в густой лес, кучер остановил лошадей на краю бездонной пропасти, слез с козел и сказал королевской дочери:

— Ваш избавитель ушел своей дорогой и навряд ли когда-нибудь вернется за наградой. Я считаю, что вы должны выдать эту награду мне: ведь это я надоумил парня помочь вам, иначе он и не пошел бы за вами следом. Скажите вашему отцу, что это я спас вас от чудовища и убил его, избавив страну от страшного бедствия, и тогда награда будет выплачена мне.

Но королевская дочь ответила возмущенно:

— Это была бы, во-первых, явная ложь, а во-вторых, вопиющая несправедливость; я не могу допустить, чтобы награда досталась не тому, кто ее заслужил, а тому, кто ничего не делал!

Кучер нахмурился и крикнул злобно:

— Ну, что ж, пусть будет по-вашему! Но живой вы из моих рук не уйдете. Готовьтесь к смерти!

Королевна упала перед ним на колени и стала умолять о пощаде. Но каменное сердце злодея не смягчилось. Он сказал грубо:

— Выбирайте одно из двух: либо вы скажете отцу, что это я убил страшного зверя, либо, если вы не хотите лгать, я сброшу вас в эту пропасть, и там ваш язык навсегда онемеет! А дома я скажу, что страшилище вас проглотило, как многих других девушек, и с делом будет покончено.

Королевна увидела, что у нее не останется никакой надежды на спасение, если она не выполнит требований кучера, и обещала солгать отцу. Однако злодей еще заставил ее торжественно поклясться, что она не откажется от своего обещания и ни одной живой душе ни единым словом не обмолвится о том, что здесь сегодня в действительности произошло.

Онемев от отчаяния и страха, королевна подчинилась воле злодея. Но чем ближе подъезжала она к дому, тем тяжелее становилось у нее на сердце. И все же она не смогла нарушить клятву и вынуждена была назвать кучера своим избавителем.

Неописуемо велика была радость короля и всего народа, когда оплакиваемая ими девушка вернулась живая и невредимая и принесла весть о том, что чудовище уничтожено и никому больше не грозит опасность. Люди сбросили траурные одежды и нарядились в праздничное платье. Король со слезами обнимал свою дочь и долго от радости не мог вымолвить ни слова. Когда же язык снова стал ему повиноваться, он поблагодарил спасителя дочери и сказал:

— Честь и хвала тебе, отважный человек! Ты не только спас от смерти мое единственное дитя, но и избавил всю страну от злейшего врага. За это величайшее благодеяние я уплачу тебе награду, а кроме того, отдам тебе самое драгоценное мое сокровище: ты должен стать мужем моей дочери и моим зятем. Но так как моя дочь еще слишком молода, свадьбу мы сыграем через год.

Кучера немедленно нарядили в богатое платье и назначили

королевским придворным. Он стал жить в почете и роскоши и даже забыл о том времени, когда был простым слугой.

Королевна же страшно испугалась, когда узнала, что отец обещал ее отдать мнимому спасителю в награду. Она грустила и часто втайне плакала. Связанная клятвой, она никому не могла рассказать правду о своем спасении, а тем более открыть те душевные страдания, которые она испытывала при мысли, что не сможет выйти замуж за своего избавителя.

Прошел год, и она попросила отца отложить свадьбу еще на год. Жених был недоволен, но так как король исполнил просьбу дочери, тот вынужден был согласиться.

Когда второй год подходил к концу, дочь опять стала просить отца подождать со свадьбой. Тут король вспылил:

— Ты — неблагодарное существо! — вскричал он. — Почему ты не хочешь выйти замуж за храброго человека, который спас тебя из пасти злого чудовища и избавил все мое королевство от тяжкого бича!

Дочь побледнела как смерть и припала к его ногам.

— О, как я жалею, что чудовище два года назад меня не проглотило! — воскликнула она.

Эти слова, полные горечи, как огнем обожгли сердце отца. Он поднял дочь, посадил ее к себе на колени и сказал:

— Дорогое дитя, я исполню твою просьбу в последний раз. Но через год никакие силы мира не заставят меня отложить свадьбу, так как я своим королевским словом обещал тебя в супруги твоему спасителю.

Дочь поблагодарила отца за новую милость. Она все еще надеялась, что юноша, который вырвал ее из когтей смерти, вернется в обещанный срок.

Но вот уже и третий год был на исходе, а о юноше не было ни слуху, ни духу. Королевна знала, что новой отсрочки ждать нечего, поэтому с горечью смотрела на приготовления к свадьбе, плача втихомолку. Ночью перед свадьбой ей приснился одноглазый старик с седой бородой. Он утешал ее и говорил:

— Будь мужественной, не бойся ничего: правда и справедливость должны восторжествовать!

Проснувшись, королевна почувствовала в своей душе новую силу и надежду.

И вот случилось так, что в тот самый день, когда в королевском дворце праздновали свадьбу и весь город ликовал, в городские ворота вошел какой-то неизвестный юноша с тремя черными собаками. Он спросил, почему народ так радуется и веселится. Ему ответили:

— Сегодня королевскую дочь выдают замуж за того смельчака, который три года назад вырвал ее из пасти страшного зверя.

Юноша спро́сил:

— Скажите мне, где же этот человек?

— Где же ему быть, как не в королевском дворце? — ответили юноше. — Ведь жених всегда сидит рядом с невестой.

Тогда юноша крикнул гневно:

— Пустите меня к королю, я докажу ему, что он выдает свою дочь за бессовестного обманщика! Пустите меня к королю!

Стража, стоявшая у королевского дворца, сочла его помешанным. Юношу схватили, заковали в кандалы по рукам и по ногам и бросили в тюремную башню, чтобы помешанный не омрачал праздничного веселья.

Пеэтер понял, что взялся за дело необдуманно, и начал раскаиваться в своей горячности. Ведь пока он будет томиться в заточении, королевна станет женой другого!

Тут он услышал за стеной царапанье и собачий визг. «Мои верные собаки, — подумал он, — стараются пробраться ко мне. Не удастся ли мне с их помощью спастись?» К счастью, ему пришло в голову позвать третью собаку. И в то же мгновение, как он крикнул: «Ломай-железо»! — самая большая его собака уперлась лапами в решетку окна, и железные прутья развалились, как сухой хворост. Собака прыгнула к Пеэтеру, перегрызла цепи на его ногах и руках и выскочила в окно, а Пеэтер — следом за ней.

Спасенный таким образом из темницы, он стал думать, что же предпринять дальше, чтобы королевская дочь не стала женой злодея.

Почувствовав голод, он крикнул первой собаке: «Беги-неси-есть»! Собака умчалась с быстротой ветра и вскоре вернулась с корзинкой в зубах. Кушанья, наполнявшие корзинку, были покрыты белым платочком. Взяв его в руки, Пеэтер заметил, что в уголке завязан золотой перстенек, стал внимательно разглядывать колечко и увидел на нем имя королевны. Это обрадовало юношу и вселило в него новые надежды.

А с платочком и колечком дело было так. Король пировал со своими знатными гостями за праздничным столом; справа от короля сидела его дочь, а слева — жених, бывший кучер, которому предстояло стать зятем короля. Вдруг вбегает черная собака с пустой корзиной в зубах, встает перед королевной на задние лапки, смотрит просящими глазами на девушку и лижет ей руку, словно хочет сказать: положите мне тоже что-нибудь в корзинку!

У королевны руки задрожали от радости: она тотчас же узнала эту красивую собачку. Королевна взяла со стола мяса и рыбы, несколько кусков сладкого пирожного и уложила все это в корзину. Кроме того, сняла с пальца обручальное кольцо, завязала его в уголок платка и покрыла этим платочком корзину.

Собака тотчас же убежала. Королевна шепнула отцу несколько слов на ухо, после чего король встал, взял дочь за руку и удалился с ней в другую комнату. Немного погодя туда пригласили священника. Король спросил священника, обязан ли человек сдержать клятву, которую он дал под угрозой смерти, чтобы спастись от руки убийцы? Священник сказал:

— Нет, не обязан.

Тогда королевна открыла свою тайну и рассказала все, что с ней произошло в лесу три года назад. Король тут же приказал своим слугам отправиться по следам собаки, чтобы найти ее хозяина и привести его во дворец. Вскоре человек этот был разыскан. Королевна сразу же узнала в нем своего спасителя. Со слезами радости она бросилась ему на шею и воскликнула:

— Сегодня вы еще раз спасаете меня от злого зверя! От всего сердца благодарю вас!

Затем король вернулся с дочерью к гостям, а Пеэтеру велел подождать в другой комнате.

За столом король спросил:

— Какого наказания заслуживает человек, который утаивает отважный поступок другого и присваивает себе награду, заслуженную другим?

Бывший кучер подумал: «А ну-ка, покажу, какой я мудрый судья!» И ответил на вопрос короля:

— Самое справедливое наказание для такого преступника вот какое: надо привязать ему на шею мельничный жернов и утопить злодея в морской пучине!

— Очень хорошо, именно такой приговор и должен быть ему вынесен, — ответил король и приказал пригласить незнакомого юношу.

Увидев Пеэтера с его тремя черными собаками, кучер побледнел как стена, упал перед королем на колени и стал умолять о пощаде.

— Ты, злодей, — сказал король, — сам изрек себе приговор и должен понести такое наказание, о каком ты сейчас говорил. Но чтобы из-за тебя не омрачалось наше празднество, ты будешь сидеть в темнице, пока не кончатся свадебные торжества.

Кучера немедленно увели, заковали в цепи и заточили в темницу.

Пеэтер вынул из мешка доказательства своего подвига — рога и клыки страшного чудовища, и радостные крики вырвались из уст гостей. Король усадил Пеэтера рядом с собой и приказал в тот же вечер обвенчать его со своей дочерью.

Через четыре недели, когда празднества закончились, кучер понес заслуженное наказание.

Однажды, явившись к королю, Пеэтер стал говорит о том, что хотя ему, простому крестьянину, и посчастливилось неожиданно достигнуть высокого положения, но у него остались дома еще двое братьев; Пеэтер попросил позволения взять их к себе, чтобы не только ему одному пользоваться богатством и роскошью, но чтобы и его братьям жилось полегче. Король согласился и тотчас же послал гонца за старшими братьями своего зятя.

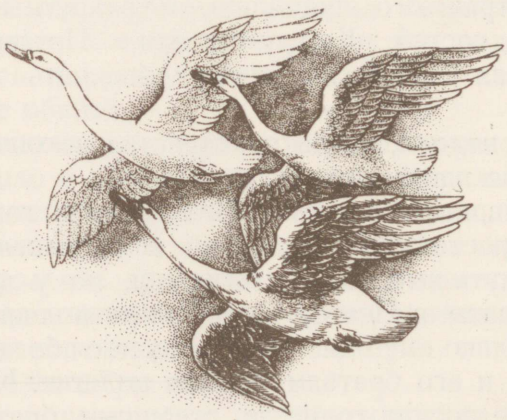
В тот день, когда братья, к великой радости Пеэтера, прибыли, самая большая черная собака заговорила человеческим языком:

— Теперь, — сказала она, — наша служба кончилась. Мы были обязаны до тех пор оставаться у тебя, пока не увидим, вспомнишь ли ты о своих родных братьях. Хвала тебе! Ты во всем исполнил свой долг!

И собаки вдруг превратились в лебедей, расправили могучие крылья и улетели. Куда — этого до сих пор никто сказать не может.

Пеэтер, как зять короля, жил в почете и роскоши, помогая своим братьям. А неразменный рубль он подарил на крестины первенцу своего старшего брата, сказав при этом:

— Когда мальчик вырастет и задумает покинуть отчий дом, дайте ему с собой в дорогу этот подарок. Он поможет юноше найти свое счастье, как помог когда-то и мне.



ХРАБРЫЙ ГУМЕНЩИК

Жил-был гуменщик,[1] такой храбрый, что подобного ему вряд ли можно было найти на свете. Сам «старый холостяк», говорят, заявил как-то, что нигде не встречал более храброго человека. Поэтому старик нередко заглядывал в овин в те часы, когда молотильщики, кончив работу, уходили и гуменщик оставался один. Они коротали время в приятной беседе, и им никогда не бывало скучно. «Старый холостяк» думал, что гуменщик его не узнает и принимает за простого мужика. Однако гуменщик отлично знал, с кем имеет дело. Об этом он гостю не говорил, но втайне раздумывал, как бы подшутить над нечистым или извлечь из него какую-нибудь выгоду.

Однажды вечером старик стал жаловаться на свою холостяцкую долю: нет, мол, никого, кто бы ему заштопал дырку на чулке или рукавице. На это гуменщик сказал:

— Что же ты, братец, никого себе не посватаешь?

— Да я пробовал уже, и не раз, — ответил старик, — но беда в том, что девушки не хотят за меня идти, и чем они моложе и красивее, тем злее меня высмеивают.

Тогда гуменщик посоветовал ему свататься к старым девам или вдовушкам — те более кроткого нрава и не так разборчивы.

[1] Гуменщиком, или овинщиком, называли на помещичьих мызах работника, который топил овин и сушил обмолоченный хлеб. (Прим. перев.).

Через несколько недель после этого разговора старый холостяк высватал себе какую-то престарелую девицу. Однако вскоре он явился к гуменщику и снова принялся жаловаться на свою беду: молодуха, мол, попалась презлющая и изводит его так, что нет ему покоя ни днем, ни ночью.

— Какой же ты мужчина, — смеялся гуменщик, — если пляшешь под дудку жены! Раз уже взял себе жену, надо ее прибрать к рукам хорошенько.

Старик ответил на это:

— Нет, я не могу с ней справиться. Путь берет ее кто хочет, а с меня довольно.

Гуменщик всячески пытался его утешить и советовал еще раз попытать счастья. Однако старик наотрез отказался, заявив, что с него и одной пробы достаточно и что он больше не намерен подставлять свою шею под ярмо.

Примерно через год, осенью, когда началась молотьба, старый знакомый снова явился к гуменщику. Тот сразу же приметил, что у старика что-то есть на душе, но не стал его расспрашивать, а решил подождать, пока тот сам не заговорит. И в самом деле, старик вскоре принялся рассказывать о своих злоключениях. Летом он познакомился с молодой девушкой. Она показалась ему кроткой как голубь, поэтому у него снова явилась мысль о сватовстве. Он и женился на голубке, а теперь оказывается, что вместо голубки он взял к себе в дом ястреба, который так и норовит выклевать ему глаза.

— Хорошо еще, что я живым вырвался из ее когтей, — говорил старый.

Гуменщик сказал:

— Я вижу, из тебя женатый человек никогда не получится: душа у тебя заячья, не умеешь ты жену в руки взять.

Старику пришлось с этим согласиться. Они еще немного потолковали о сватовстве и женитьбе, потом старик сказал:

— Раз ты действительно такой смельчак, что сумел бы и злую ведьму превратить в кроткую овечку, я посоветую тебе взяться за одно дельце; если оно тебе удастся, ты за свою храбрость получишь куда большую награду, чем укрощая свирепых ведьм. Ты видел на горе развалины старого замка? Там скрыт

огромный клад, которого никогда не касалась рука человеческая, потому что не нашлось еще такого храбреца.

Гуменщик произнес со смехом:

— Ну, если для этого дела ничего, кроме храбрости, не нужно, то я могу считать, что сокровища уже у меня в кармане.

Старик рассказал гуменщику, каким способом можно овладеть этими богатствами: к развалинам нужно пойти в следующий же четверг, в полнолуние, и вскрыть тайник, в котором хранится клад. Затем он прибавил:

— Смотри только, не поддавайся страху: если у тебя сердце замрет или хоть одна жилочка задрожит от страха, ты не только не овладеешь кладом, но поплатишься жизнью, как это было уже со многими другими. Если ты мне не веришь, спроси любого из здешних жителей, пусть люди тебе расскажут, что они слышали о тайнах старого замка, а может быть, даже видели своими глазами. Еще раз повторяю тебе: если тебе жизнь дорога и ты хочешь добыть клад — берегись, не поддавайся страху.

В четверг гуменщик с утра отправился в путь-дорогу. Хотя он и не испытывал ни малейшего страха, но все же завернул в деревенскую корчму, надеясь там натолкнуться на человека, который мог бы ему рассказать что-нибудь о старых развалинах.

Он спросил корчмаря, не знает ли он, что это за старые стены видны там, на горе, кто их воздвиг и кто потом разрушил.

Тут какой-то старый крестьянин, слышавший вопрос гуменщика, рассказал следующее:

— Говорят в народе, будто несколько веков тому назад стоял на горе красивый замок. Жил там богатый помещик, владевший несколькими большими волостями и множеством крестьян. Барин правил только кнутом да палкой и тяжко истязал своих людей; их потом и кровью он скопил себе огромные богатства. Золото и серебро со всех концов его владений возили в замок целыми возами, а он прятал свое добро в глубокие подземелья, чтобы уберечь его от воров и разбойников. Как умер жестокий богач — никто не знал. Однажды утром слуги увидели, что постель его пуста, на полу комнаты блестят три капли крови, а в изголовье кровати сидит большая черная кошка, которой никто ни до этого, ни после никогда не видел. Люди решили,

что кошка была не кто иной, как сам сатана, который задушил богача и утащил его в ад, держать ответ за неправедную жизнь. Когда было объявлено о смерти старого барина и его родственники съехались получать наследство, то нигде не нашли ни одной копейки. Сначала в краже заподозрили слуг и предали их суду, но они и под самыми страшными пытками ни в чем не признались, потому что на душе их не было греха. Между тем люди стали по ночам слышать под землей звон золота. Об этом дали знать суду, и когда судьи убедились, что это правда, слуг выпустили из тюрьмы. Потом звон золота люди слышали еще не раз. Многие отправлялись даже искать тайник с кладом, но никто обратно не возвращался: людей, наверно, утаскивала нечистая сила, как и хозяина клада. Все понимали, что тут дело неладно, поэтому никто не хотел поселяться в замке, и он постепенно разрушался от дождя и ветра, пока от него ничего не осталось, кроме этих старых развалин. Ночью ни единая душа не осмеливается туда и близко подойти, не то что клад искать.

Так говорил старый крестьянин. Выслушав его рассказ, гуменщик сказал как будто в шутку:

— А мне хотелось бы попытать счастья. Кто хочет пойти туда со мной сегодня ночью?

Мужички перекрестились и в один голос заявили, что им жизнь дороже всех сокровищ мира, которых нельзя добыть, не погубив свою душу. Они стали уговаривать смельчака, чтобы он оставил эту пустую мысль, не продавал душу нечистому. Однако гуменщик не внял ни просьбам, ни предостережениям и решил отправиться на поиски клада один.

Вечером он взял у корчмаря связку лучин и попросил указать ему кратчайший путь к развалинам. Один из крестьян, оказавшийся храбрее других, проводил его немного с зажженным фонарем, но не доходя более чем полверсты до развалин, повернул обратно, оставив гуменщика одного на дороге. Небо затянуло тучами, и стало так темно, что гуменщик вынужден был продвигаться чуть ли не ощупью. Жутко завывал ветер, кричала сова, но ничто не могло устрашить отважное сердце.

Дойдя до развалин, где стены немного защищали от ветра и можно было высечь огонь, гуменщик зажег лучину и принялся

осматриваться, надеясь найти какой-нибудь спуск в подземелье замка.

После долгих поисков он заметил, наконец, под стеной отверстие, ведущее вниз. Он воткнул горящую лучину в расщелину стены, разгреб камни и осыпавшуюся штукатурку и пролез в дыру. Пройдя несколько шагов, он наткнулся на каменную лестницу. Проход расширился здесь настолько, что спускаться можно было уже стоя. Со связкой лучин на плечах и с горящей лучиной в руке, спускался гуменщик по лестнице все глубже, пока, наконец, не дошел до железной двери, которая оказалась незапертой. Он распахнул тяжелые двери и только хотел было переступить через порог, как вдруг большая черная кошка с горящими глазами выскочила из дверей и понеслась вверх по лестнице. Гуменщик подумал: «Она-то, наверное, и задушила владельца замка». Он вошел в дверь, прикрыл ее за собой, сбросил связку лучин на пол и стал осматриваться. Он находился в просторной комнате, во всех четырех стенах которой были двери. Он насчитал их целых двенадцать и не мог решить, в какую из них войти, чтобы продолжать свои поиски.

«Семерка, говорят, счастливое число», — подумал гуменщик и, отсчитав от входной двери седьмую, попробовал ее открыть. Дверь оказалась на запоре и не поддавалась. Однако, когда он изо всех сил налег на нее, заржавленный замок не выдержал и дверь распахнулась настежь.

Теперь гуменщик очутился в комнате поменьше. У стены стоял длинный стол и скамья, у противоположной стены находилась печь с очагом. На полу лежало несколько поленьев. Гуменщик воспользовался этим и затопил очаг. При свете огня он увидел на печке котелок и чашку с мукой, тут же стояла солонка, на донышке которой оставалось немного соли.

— Смотри-ка! — воскликнул гуменщик. — Тут и припасы есть. Вода в моей фляге найдется, я могу сварить мучную похлебку.

Он тут же поставил котелок на огонь, налил в него воды, насыпал муки и стал помешивать щепочкой. Когда похлебка сварилась, он вылил ее в миску и поставил на стол. Огонь так хорошо освещал комнату, что не надо было и лучину зажигать.

Храбрый гуменщик уселся за стол, взял ложку и принялся есть горячую похлебку. Вдруг, взглянув случайно в сторону печки, он увидел, что на ней сидит черная кошка с горящими глазами. Гуменщик никак не мог понять, как животное попало в комнату: он собственными глазами видел, как кошка выскочила из комнаты и понеслась вверх по лестнице.

Тут снаружи во входную дверь кто-то ударил три раза с такой силой, что стены и пол задрожали. Но гуменщик и на этот раз не струсил и громко крикнул:

— Если ты живой человек, входи!

Двери тотчас же широко распахнулись, а черная кошка спрыгнула с печи и выскочила из комнаты; из глаз и изо рта ее сыпались огненные искры.

Когда кошка скрылась, в комнату вошли четверо рослых мужчин. На них были длинные белые балахоны, а на головах огненно-красные шапки, которые так сверкали, что в комнате сразу стало светло как днем. Мужчины несли на носилках деревянный гроб. Но и это зрелище не испугало гуменщика.

Мужчины молча опустили гроб на пол, а затем один за другим вышли и закрыли за собой дверь. Кошка с мяуканьем стала царапаться в дверь, пытаясь, очевидно, попасть в комнату. Не обращая на это внимания, гуменщик спокойно продолжал есть свою похлебку. Насытившись, он встал из-за стола, подошел к гробу, поднял крышку и увидел маленького старичка с длинной белой бородой. Гуменщик взял его на руки и усадил перед очагом, чтобы дать ему согреться у огня. Вскоре старичок стал приходить в себя и зашевелил руками и ногами. Не испытывая ни малейшего страха, гуменщик взял миску с похлебкой и принялся кормить старичка с ложки. Но тот не вытерпел, схватил миску обеими руками и мигом выпил всю похлебку. Потом он сказал гуменщику:

— Спасибо, сынок, что ты сжалился надо мной, несчастным, отогрел и накормил меня, изнуренного голодом и холодом! За твою доброту я хочу наградить тебя по-царски, так, чтобы ты до конца жизни своей меня не забыл. Там, за печкой, ты найдешь смоляной факел. Зажги его и пойдем со мной. Но прежде запри хорошенько двери, чтобы кошка сюда не попала, не то она пере-

грызет тебе горло. Потом мы ее усмирим, чтобы она никому не причиняла вреда.

С этими словами он приподнял с полу четырехугольную плиту шириной с полсажени, которая, как крышка, закрывала вход в подземелье. Старик начал спускаться по лестнице, а гуменщик, с горящим факелом в руке, храбро следовал за ним, пока они не пришли в пещеру, расположенную на большой глубине.

В этой пещере, сводчатой, точно погреб, гуменщик увидел кучу золотых и серебряных монет, вышиной с добрый стог сена. Старик вынул из стенного шкафа связку восковых свечей, три бутылки виноградного вина, копченый свиной окорок, ковригу хлеба и сказал гуменщику:

— Даю тебе три дня сроку: ты должен посчитать деньги в этой куче и разделить ее точно на две равные части, чтобы при этом не осталось ни одной лишней монеты. А пока ты будешь заниматься подсчетом, я прилягу у стены и посплю. Но смотри, чтобы не было ни малейшей ошибки, иначе я тебя задушу!

Гуменщик немедленно принялся за работу, а старик прилег у стены. Чтобы не допустить ошибки, гуменщик при разделе брал каждый раз по две одинаковые монеты — талеры, рубли, золотые или серебряную мелочь — и клал одну налево, другую направо. Когда его силы истощались, он делал пару глотков из бутылки и съедал несколько кусков хлеба с мясом, потом снова принимался за работу. Он проработал всю ночь напролет и весь следующий день и к вечеру закончил раздел. Однако одна мелкая серебряная монета оказалась лишней. Что делать? Храбрый гуменщик, не задумываясь, вытащил из кармана ножик, наставил лезвие на середину монеты, ударил камнем по ножу и рассек монету на две части одинаковой величины. Одну половину монеты он положил на правую кучу, а другую на самую верхушку левой. Потом разбудил спавшего старика и позвал его поглядеть на свою работу. Увидев половинки рассеченной монеты на обеих кучах, старик с радостным криком бросился гуменщику на шею, в волнении погладил его по лицу и, наконец, проговорил:

— Тысячу раз благодарю тебя, храбрый человек! Ты освободил меня из долгого, томительного заточения. Я был обречен стеречь здесь свои богатства в течение долгих веков, ибо до сих

пор не находилось такого смелого и находчивого человека, который разделил бы деньги пополам без остатка. Поэтому мне приходилось душить на смерть всех неудачников, одного за другим, — таково было тяготевшее надо мной заклятье. А так как отсюда никому не удавалось спастись, то в течение последних двухсот лет никто больше не отваживался спускаться в подземелье, хотя я не пропускал ни одной ночи, чтобы не позвенеть монетами. И вот, когда я уже потерял всякую надежду и готовился к вечному заточению, явился ты, мой избавитель. Тысячу раз благодарю тебя за твое благодеяние! Одну кучу денег ты можешь взять себе за труды, а вторую раздай нищим, в искупление моих тяжких грехов, потому что в те времена, когда я жил на земле и копил свои богатства, я был человеком жестоким и несправедливым. Еще об одной услуге прошу я тебя, да впрочем, она и тебе пойдет на пользу: когда ты будешь отсюда выходить и тебе навстречу попадется большая черная кошка, поймай ее и повесь! У меня есть для нее такая петля, из которой ей не вырваться.

Сказав это, он вытащил из-за пазухи веревочку, не толще шнурка для постолов, скрученную из тонкой золотой проволочки, отдал ее гуменщику и исчез, словно сквозь землю провалился. В тот же миг раздался такой страшный гром, как будто земля под ногами гуменщика раскололась и рассыпалась в прах. Свеча потухла, и кромешная тьма окутала комнату.Но все это не испугало храбреца. Он ощупью выбрался за дверь, наткнулся на лестницу, поднялся по ней наверх и попал в ту комнату, где варил себе похлебку. Огонь в очаге давно погас, но под золой гуменщику посчастливилось найти несколько тлеющих угольков, при помощи которых он и разжег огонь. Гроб все еще стоял на носилках, но вместо старика в нем спала большая черная кошка. Гуменщик схватил ее за голову, накинул ей на шею петлю из золотой веревочки, вздернул кошку на крепкий железный крюк, торчавший в стене, а сам лег на пол и уснул.

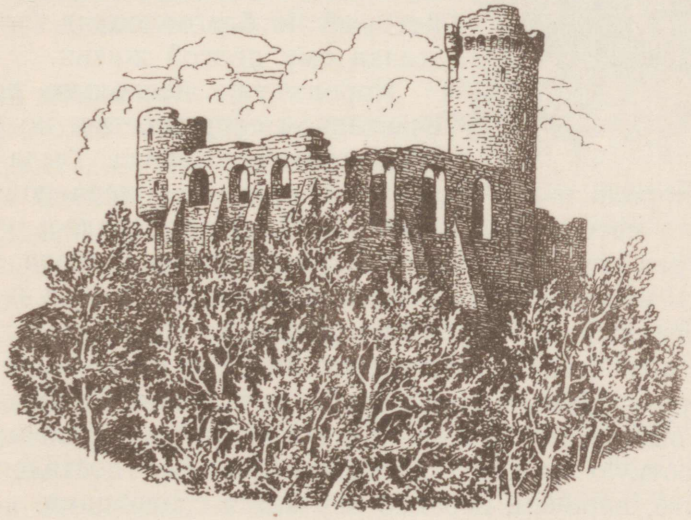
Утром он выбрался из-под развалин и направился в корчму, где останавливался перед тем, как идти в замок. Велико было изумление и радость корчмаря, когда он увидел своего гостя живым и невредимым.

Гуменщик сказал ему:

— Раздобудь мне за любую цену два десятка четвертных мешков и найми лошадей, на которых я мог бы вывезти свое добро.

Корчмарь понял, что храбрец не зря ходил в старые развалины, и поспешил выполнить его требование.

Узнав у крестьян, какими волостями владел бывший хозяин замка, гуменщик разделил между этими волостями половину сокровищ, предназначенную для раздачи беднякам, сам же отправился со своими богатствами в далекие края, где его никто не знал.



КОРОЛЕВИЧ-ПАСТУШОНОК

В давние времена жил на свете добрый король; он так милостиво и справедливо правил своими подданными, что не было во всем королевстве человека, который не благословлял бы его и не желал ему долгой жизни.

Король уже несколько лет жил в счастливом супружестве, но у него не было детей. Велика была поэтому радость короля и его подданных, когда королева родила сына.

Однако материнское сердце не долго радовалось этому счастью. Через три дня после рождения ребенка глаза королевы закрылись навеки, и сын ее остался сиротой, а муж — вдовцом.

Король глубоко скорбил по умершей супруге, вместе с ним горевали и его подданные, так что нигде не видно было веселого лица. Король, правда, через три года женился на другой, но на этот раз выбор его оказался далеко не таким удачным; он похоронил кроткую голубку, а взамен нее ему достался хищный ястреб, что, впрочем, нередко случается с вдовцами.

Молодая королева была злая, бессердечная женщина, от нее ни король, ни его подданные добра не видели. Сына короля от первой жены мачеха терпеть не могла: она боялась, как бы власть в королевстве не перешла когда-нибудь к ее пасынку, которого подданные, в память его покойной матери, очень любили. И задумала злая королева убрать мальчика куда-нибудь подальше, да так, чтобы король никогда не мог его разыскать.

В этом злом деле она за деньги нашла себе помощницу — какую-то бессовестную старуху. Однажды ночью ребенка передали этой злодейке и приказали тайно переправить его на дальнюю окраину страны и там отдать на воспитание в семью бедняка. По дороге старуха сорвала с ребенка нарядную одежду и завернула его в жалкие лохмотья, чтобы никто не заметил обмана. Старуха поклялась королеве никому не говорить, куда она отправила королевича.

Боясь преследования, воровка не решалась показываться на дорогах в дневное время. Поэтому она странствовала довольно долго, пока не нашла надежное место, где можно было спрятать королевское дитя. Его отвезли в отдаленную лесную усадьбу, куда редко заглядывали посторонние, и дали хозяину сто рублей на расходы по воспитанию мальчика.

К счастью, королевич попал к хорошим людям, которые заботились о нем, как о родном сыне. Смышленый ребенок нередко забавлял и смешил их, в особенности когда называл себя королевичем.

Всякий может себе представить, какой переполох поднялся утром в королевском дворце, когда обнаружили, что королевич ночью украден, да так ловко, что никто этого не заметил и ни малейших следов вора не осталось. Король несколько дней горько оплакивал пропавшего сына, который напоминал ему покойную жену и которого он горячо любил, тем более, что со второй женой не был счастлив. Мальчика долго искали повсюду, обещали большую награду тому, кто подаст о нем хоть какую-нибудь весточку, но все было напрасно — королевич точно растаял, и никаких следов его обнаружить не удалось. Никто не мог объяснить это загадочное происшествие. В заброшенную лесную усадьбу, где находился ребенок, ни один из королевских посланцев не забрел, а вести о том, что делается на белом свете, туда тоже не попадали.

В то время, когда дома королевича оплакивали как умершего, он рос в лесной усадьбе здоровым и резвым ребенком. Так прожил он в лесу более десяти лет. Но однажды в сердце его проснулась тоска, его потянуло к людям. Мальчик стал просить приемных родителей отпустить его на заработки.

— У меня хватит ума и силы, — говорил он, — чтобы самому себя прокормить. А здесь, в глуши, мне уж очень скучно.

Его приемные родители сперва и слышать об этом не хотели, но в конце концов им все же пришлось уступить. Хозяин сам взялся проводить мальчика и поискать для него подходящей работы. В одной из деревень он нашел зажиточного крестьянина, которому требовался пастушок. А так как мальчик и сам был не прочь взяться за такую работу, то они быстро сговорились. Мальчик был отдан на год, но с правом в любое время отказаться от работы и вернуться к своим приемным родителям. Хозяин также мог отказать мальчику в работе до окончания срока, но во всяком случае не без ведома приемных родителей.

Деревня, в которую попал королевич, находилась близ большой проезжей дороги; здесь каждый день проходило много народу. Королевич-пастушок часто сидел у дороги, вступал в беседу с прохожими и благодаря этому узнавал многое, о чем прежде не имел и понятия.

Однажды какой-то старик с длинной белой бородой, проходя мимо, увидел королевича, который сидел на камне и наигрывал на губной гармонике. Его скотина мирно пощипывала возле него траву. Старик некоторое время глядел на мальчика и его стадо, потом подошел поближе и сказал:

— Мне кажется, ты родился не пастухом.

Мальчик ответил:

— Может быть, это и верно. Я знаю только одно: я рожден, чтобы управлять, и скоро начну учиться этому искусству.

Старик изумленно покачал головой и пошел дальше.

Однажды по дороге проезжала роскошная карета, в которой сидела нарядная женщина с двумя детьми. Пастушок как раз держал в руках корзиночку с только что собранной земляникой. Важной барыне захотелось ягод. Она приказала кучеру остановить лошадей и повелительно крикнула из окна кареты:

— Пастушонок, неси ягоды сюда, я дам тебе пару грошей!

Королевич-пастушок сделал вид, будто не слышит или не понимает, что приказание относится к нему. Барыня принуждена была окликнуть его снова, потом в третий раз, но и это не подействовало. Тогда она крикнула лакею, стоявшему на запятках:

— Ступай, прочисти уши этому дрянному мальчишке, чтоб он услышал мое приказание!

Лакей бросился выполнять приказ. Но не успел он добежать до пастушка, как тот вскочил с камня, схватил крепкую дубинку и крикнул:

— Ни шагу дальше, не то я размозжу тебе голову! Пока я жив, я никому не позволю отнять у меня то, что принадлежит мне по праву! Пусть попробует кто-нибудь взять эти ягоды, я измолочу его в прах!

Сказав это, мальчик поплевал себе на ладони и так завертел дубинкой над головой, что только ветер засвистел в ушах. У лакея пропала всякая охота связываться с пастушком. Барыня же уехала разгневанная, заявив, что ни в коем случае не оставит это оскорбление безнаказанным. Другие пастушки, находившиеся поблизости, вечером рассказали о происшедшем своим хозяевам. Те испугались, как бы им тоже не пришлось плохо; если знатная барыня пожалуется на мальчика в суд за его дерзость и их тоже станут допрашивать. Хозяин пастушка-королевича сильно рассердился и стал его бранить.

— Я за тебя отвечать не намерен, — сказал он. — Заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

Пастушок ответил:

— За мной дело не станет. У меня у самого есть голова на плечах, сумею за себя постоять, если нужно будет. Если бы барыня вежливо попросила меня, я отдал бы ей землянику. Но как она смела мне приказывать?

Барыня, приехав в королевскую столицу, тотчас же отправилась к судье жаловаться на бесстыжего мальчишку. Вскоре был отдан приказ привести мальчика вместе с его хозяином в суд.

Когда судейские стражники явились в деревню, чтобы выполнить приказ, пастушок сказал:

— Мой хозяин не имеет никакого касательства к этому делу. За то, что я совершил, отвечаю я один.

Пастушку хотели связать руки и повести его на суд, как узника, но он вытащил из кармана острый нож, отскочил на несколько шагов назад, приставил нож к груди и крикнул:

— Пока я жив, я себя связать не дам! Не успеете вы подойти, как я воткну себе нож в сердце! Мой труп можете вязать и делать с ним все, что хотите. Но пока во мне теплится хоть искорка жизни, я никому не позволю дотронуться до себя. На суд я отправлюсь сам и отчитаюсь в своем поступке, но вести себя, как заключенного, я не позволю.

Решимость пастушка так напугала судейских, что те не посмели даже приблизиться к нему. Они боялись, как бы он не осуществил свою угрозу и им не пришлось бы за это отвечать. А так как мальчик соглашался добровольно следовать за ними, то они, в конце концов, уступили.

В пути судейские с каждым днем все больше поражались смышлености и рассудительности пастушка, умевшего найти правильный ответ на любой вопрос. Однако еще больше изумились судьи, когда выслушали мальчика; он так им все рассказал и объяснил, что они вынуждены были его оправдать. Король согласился с решением суда, и мальчик не понес никакого наказания.

Знатная барыня до того разозлилась, что у нее чуть сердце не лопнуло. Она фыркала, как разъяренная кошка, и возмущалась тем, что не она, а простой деревенский пастушок был признан правым. Она пожаловалась королеве, которая, как барыне было известно, обращалась с подданными гораздо более сурово, чем король.

— Мой супруг, — сказала королева, — старый колпак, а все его судьи — бараны. Жаль, что вы обратились со своей жалобой в суд, а не ко мне. Я бы, разумеется, признала вас правой. Но поскольку дело уже прошло через суд и решение суда утверждено королем, я не в силах изменить его. Однако нам все же следует подумать, как бы наказать мальчишку.

Тут жалобщица, к счастью, вспомнила, что в ее волости на одном из хуторов есть очень злая хозяйка, у которой ни один батрак ужиться не может: сам хозяин, говорят, признавался, что у них в доме живется хуже, чем в аду.

— Вот если бы отдать туда в пастухи этого наглого мальчишку! — сказала барыня. — Это было бы ему такое тяжкое наказание, какого и суд не присудит.

— Я немедленно приму меры к тому, чтобы ваше пожелание было исполнено, — ответила королева. Она велела позвать одного из своих верных слуг и научила его, как осуществить это решение. Если бы она знала, что пастушок не кто иной, как изгнанный королевич, она, наверное, даже вопреки королевской воле, предала бы его смерти.

Как только хозяину пастушка передали приказ королевы, он тотчас же прогнал мальчика из своей усадьбы, да еще благодарил судьбу, что так легко отделался и спас свою шкуру.

Слуга королевы сам отвел мальчика на хутор, где тому предстояло работать. Злая хозяйка вскрикнула от радости, когда узнала, что пастушка ей прислала сама королева, причем разрешила поступать с ним так, как самой хозяйке заблагорассудится: мальчишка-де страшно упрям и его добрым словом не проймешь. Злая старуха еще не знала, какой крепкий жерновок ей попался, и собиралась молоть на нем по-старому.

Но эта чертова кочерга в образе женщины вскоре убедилась, что орешек ей не по зубам. Мальчик был очень настойчив и, если речь шла о его правах, не уступал ни в чем. Стоило хозяйке зря попрекнуть его и сказать недоброе слово, как в ответ сыпалось десять; стоило ей поднять руку на мальчика, как тот хватал камень, полено или что-нибудь другое, что попадалось под руку, и кричал:

— Не подходи, не то я размозжу тебе череп и превращу тебя в кашу!

Таких речей старуха никогда еще не слышала, тем более от батрака. А хозяин только посмеивался втихомолку и не спешил жене на помощь, понимая, что мальчик прав.

Хозяйка пыталась укротить его голодом и не давала ему есть. Но пастушок самовольно запасался хлебом, а в поле доил коров, так что от голода не страдал. Хозяйка никак не могла совладать с пастушком и тем яростнее вымещала свою злобу на муже и остальных домочадцах.

Несколько недель смотрел мальчик, как хозяйка мучит людей, потом стал думать, как бы отплатить ей за все ее злодеяния, да так, чтобы раз навсегда избавить мир от этой волчицы. Готовясь осуществить свой замысел, он поймал дюжину волков,

запер их в пещеру и давал им каждый день по одной корове из хозяйского стада, чтобы звери не издохли с голоду.

Хозяйка пришла в неописуемую ярость, когда пастушок стал пригонять по вечерам одной коровой меньше, чем выгонял утром на пастбище. У пастушка же был один ответ:

— Звери загрызли.

Хозяйка кричала, как помешанная, и угрожала бросить самого мальчика на съедение зверям, а он со смехом отвечал:

— Твое лютое сердце им больше придется по вкусу!

Потом пастушок на трое суток оставил зверей без еды, а на третью ночь, когда хозяйка спала, выгнал всю скотину из хлева, перегнал туда волков и крепко-накрепко запер дверь, чтобы звери не убежали. Покончив с этим, он навострил лыжи да и был таков, потому что работать пастушком ему давно надоело. К тому же он теперь чувствовал в себе такую силу, что готов был взяться и за более трудную работу.

Ох, батюшки! Что тут было, когда хозяйка утром пошла в хлев доить коров! Свирепые голодные волки разом набросились на нее и ничего от нее не оставили, кроме языка и сердца — те даже для зверей оказались слишком ядовитыми.

Ни хозяин, ни работники нисколько не горевали о случившемся несчастье, а наоборот, благодарили судьбу, что избавились от злой ведьмы.

Несколько лет королевич бродил по белому свету, пробовал заняться то одной, то другой работой, но нигде подолгу не останавливался, потому что воспоминания детства, как смутные видения, то и дело всплывали у него перед глазами.

Во время своих скитаний он иногда встречался с тем стариком, который видел его однажды еще пастушком у первого хозяина.

Когда королевичу исполнилось восемнадцать лет, он поступил на службу к садовнику, чтобы научиться садоводству. Но тут случилось неожиданное происшествие, благодаря которому жизнь юноши вскоре переменилась.

Злая старуха, которая по приказу королевы похитила ребенка и отдала на воспитание в лесную усадьбу, на смертном одре покаялась в своем злодеянии; ее грешная душа не могла найти

покоя, пока не освободилась от тяготившей ее тайны. Она назвала деревню, куда передала ребенка, но о дальнейшей судьбе его ничего сказать не могла, не знала даже, жив он еще или умер.

Король, узнав об этом, тотчас же приказал седлать коней и поскакал с тремя верными слугами на поиски сына.

Когда они через несколько дней прибыли в лесную усадьбу, хозяин и хозяйка подтвердили, что столько-то лет тому назад им, действительно, принесли на воспитание мальчика и уплатили за труды сто рублей. Но им и в голову не приходило, что этот ребенок мог быть королевского рода, наоборот, они всегда смеялись, когда мальчик называл себя королевичем.

Хозяин лесной усадьбы взялся провести короля в ту деревню, куда он отдал мальчика в пастухи. Но, к великому отчаянию короля, они там юноши не нашли и ничего не смогли узнать о его судьбе.

Люди могли лишь рассказать, что по жалобе какой-то знатной барыни мальчик был предан суду, где его, однако, оправдали. После этого явился слуга королевы и отвел мальчика на работу в другую волость.

Король поспешил дальше. Он разыскал усадьбу, в которой его сын прожил короткое время и из которой бежал; но с тех пор никто о юноше ничего не слыхал.

Где теперь искать пропавшего? Кто укажет, куда направить поиски?

Король был подавлен горем: едва напав на след, он опять его потерял. Но тут явился тот старик, что раньше видел королевича пастушком, а потом уже юношей, во время его скитаний, и рассказал королю о своих встречах с его сыном. Старик надеялся, что ему удастся разыскать королевича. Король обещал пришельцу большую награду, если тот поможет найти след пропавшего юноши, приказал одному из слуг сойти с лошади и уступить ее старику, чтобы быстрее двигаться вперед. Но старик возразил со смехом:

— Столько верст, сколько ваши лошади смогут пробежать, я смогу и пешком пройти: за свой век я ногами больше земли отмерил, чем любая лошадь.

Через неделю они снова напали на след королевича и, наконец, разыскали его в богатом поместье, где он обучался садоводству.

Король был безгранично счастлив, найдя сына, которого уже несколько лет оплакивал как умершего. Он со слезами радости на глазах обнял юношу, прижал к своей груди и поцеловал. Но тут ему пришлось услышать от сына весть, которая омрачила радость встречи и опечалила королевское сердце новой заботой.

У садовника была дочь, цветущая молодая девушка. Она была прекрасней всех роз и лилий роскошного сада и вместе с тем кротка и невинна, как ангел небесный.

Этой девушке королевич отдал свое сердце. Он открыто заявил отцу, что другой невесты ему не надо, что он хочет жениться только на дочери садовника и готов скорее отказаться от королевства, чем расстаться с любимой.

— Поедем домой, — сказал король, — там все и решим окончательно.

Королевич попросил у отца золотой перстенек, при всех надел его девушке на палец и произнес:

— Этим колечком я обручаюсь с тобой! Рано ли, поздно ли, я непременно за тобой приеду и увезу тебя в свой дом.

Но король возразил:

— Нет, так не годится! Тут нужно сделать иначе.

Он снял у девушки с пальца колечко и рассек его мечом на две части; одну половину отдал сыну, другую дочери садовника и сказал:

— Если вы действительно созданы друг для друга, то наступит день, когда половинки этого перстня снова соединятся так крепко и плотно, что на нем не останется и следа там, где прошел меч. А пока, до поры до времени, пусть каждый из вас хранит свою половинку кольца.

Королева чуть не задохнулась от злости, когда ее пасынок, которого она считала так надежно упрятанным, вдруг вернулся и стал наследником престола: от второй жены у короля было только двое дочерей.

Через несколько лет старый король умер и сын его стал

королем. Но хотя мачеха причинила ему немало зла, он и не думал платить ей тем же.

У королевы теперь не было никакой надежды на то, что одна из ее дочерей когда-нибудь будет у власти. Поэтому она задумала женить молодого короля на одной из своих родственниц, девушке королевского рода. Но молодой король отказался, сказав кратко:

— Мой выбор уже сделан!

Когда королева узнала, что пасынок ее собирается жениться на простой девушке, она уговорила верховных советников государства, чтобы те единодушно воспротивились этому. Но король твердо стоял на своем. После продолжительных споров он отдал приказ:

— Устройте большое празднество и пригласите на него всех королевен и прочих знатных девиц, сколько бы их ни было! И если среди них я найду девушку, которая превзойдет мою избранницу красотой и кротостью нрава, то я женюсь на ней. Если же такой не найдется, то девушка, которую я избрал ранее, станет моей женой.

В королевском дворце был устроен пышный праздник. Он должен был длиться две недели, чтобы у королевича было достаточно времени посмотреть, не найдется ли среди собравшихся девушки более прекрасной, чем его избранница. Приглашены были и все соседние короли с их дочерьми. Все девушки знали, для чего их приглашают, и каждая надеялась, что именно на нее падет счастливый жребий.

Празднество уже подходило к концу, а король все еще не нашел девицы, которая бы ему понравилась. Утром в последний день празднества верховные советники государства явились к королю и обратились к нему со словами, подсказанными им старой королевой:

— Если сегодня к вечеру король не объявит, на ком он намерен жениться, то народ поднимет мятеж: все подданные желают, чтобы король наконец избрал себе супругу.

На это король ответил:

— Я исполню желание моих подданных и сегодня вечером объявлю о своем решении.

Он тайно послал своего верного слугу за дочерью садовника, велел привезти ее во дворец и здесь спрятать до наступления вечера.

И вот вечером, когда королевский дворец сиял огнями и все знатные девушки, одетые в свои самые пышные наряды, ожидали мгновения, когда им улыбнется счастье, на пир явился король с какой-то молодой женщиной. Лицо ее было закрыто платком, так что едва виднелся лишь кончик носа. Гостям прежде всего бросилось в глаза, что девушка была одета в простое белое платье из тонкого полотна, без всяких украшений, в то время как все остальные девушки были с ног до головы укутаны в шелка и бархат. Кое-кто из присутствующих усмехнулся, кое-кто сердито сморщил нос, но король сделал вид, что не замечает этого. Он снял с девушки платок, подошел к старой королеве и произнес:

— Вот моя избранница, которая и будет моей супругой. Прошу всех собравшихся пожаловать к нам на свадьбу.

Тут старая королева воскликнула злобно:

— Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от человека, который вырос на выгоне! Если вы собираетесь туда вернуться, возьмите с собой и свою батрачку. Свиней кормить она, наверное, умеет, но в супруги королю едва ли годится! Этакая деревенщина опозорила бы королевское звание!

Эти слова возмутили молодого короля. Он ответил твердо:

— Я король и могу поступать так, как захочу. Себе на беду напомнили вы мне о том времени, когда я был пастушком: вместе с этим вы напомнили мне и о том, кто отдал меня в пастухи. Но ни один разумный человек не станет покупать кота в мешке, поэтому я сейчас, до свадьбы, докажу всем собравшимся, что мне не найти лучше супруги, чем эта девушка, кроткая и чистая, как ангел небесный.

Сказав это, он вышел и вскоре вернулся с тем стариком, который видел его когда-то пастушком, а впоследствии помог королю разыскать сына. Старик этот был знаменитый финский мудрец, знавший всевозможные тайные науки. Король сказал мудрецу:

— Дорогой мудрец! Покажите нам при помощи ваших

тайных знаний душевные качества собравшихся здесь девушек, чтобы мы увидели, которая из них достойна стать моей супругой.

Мудрец взял бутылку вина, пошептал над нею и попросил, чтобы все девушки собрались на середину комнаты. Затем он вылил на голову каждой по несколько капель волшебного вина, отчего все они, стоя, погрузились в сон.

И — о чудо! Через несколько минут все девушки преобразились! Ни одна из них не сохранила человеческий образ, все приняли облик лесных зверей или домашних животных: одни превратились в змей, волков, медведей, ворон, свиней, кошек; другие — в ястребов и других хищных птиц. Но среди этих диких существ рос красивый розовый куст, усыпанный цветами, и на ветвях его сидели два голубя. Это была дочь садовника, избранная королем в супруги.

Король сказал:

— Теперь мы видим, каков душевный облик каждой из девушек, и я не дам себя обмануть блестящей внешностью!

Старая королева была разъярена, но что она могла поделать теперь, когда все так ясно увидели истину собственными глазами!

Затем мудрец стал окуривать девиц волшебной травой, пока они не приняли прежний человеческий облик. Король взял за руку свою невесту, которая из розового куста снова превратилась в девушку, и спросил:

— Где половинка обручального кольца?

Девушка подала ему половинку колечка, а король вынул из кармана другую и положил их вместе на ладонь. И тут обе половинки мгновенно спаялись, так плотно, что не сохранилось ни малейшего следа на том месте, где колечко когда-то было перерублено.

— Воля моего покойного отца теперь выполнена! — сказал король и велел в тот же вечер обвенчать его с дочерью садовника.

Когда знатные девушки узнали, какие чудеса с ними произошли во время их сна, они со стыдом разъехались по домам. А подданные короля ликовали, услышав, что их новая королева так же чиста душой, как и прекрасна.

После свадебных празднеств король велел собрать верховных судей страны и спросил их, какого наказания заслуживает преступник, заставивший похитить королевского сына и отдать его в крестьянскую семью пастухом.

Все судьи в один голос ответили:

— Такой преступник заслуживает петли!

Король сказал:

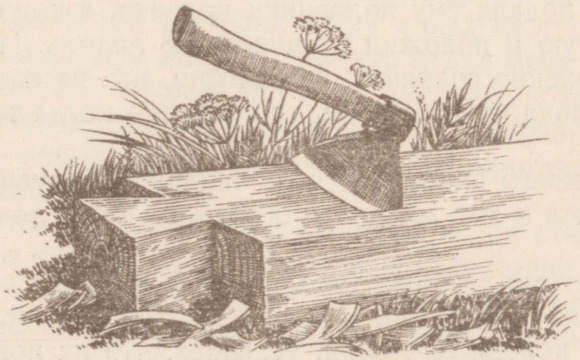
— Пусть будет так! Велите привести сюда вдовствующую королеву.

Старую королеву вызвали в судебный зал и объявили ей, что по решению суда она должна быть казнена через повешение. Услышав это, злая женщина побелела как стена, бросилась перед королем на колени и стала умолять о пощаде.

Король сказал:

— Я дарую вам жизнь, но в моем королевстве вам нет больше места. Вы должны сейчас же собрать свое имущество и еще до заката солнца покинуть мою столицу. Слуги будут вас сопровождать до границы государства. Но ваши дочери, дети моего покойного отца, могут остаться здесь, так как души их не запятнаны теми злодеяниями, какие совершили вы.

Когда старая королева была изгнана, молодой король приказал выстроить близ столицы два прекрасных дома. Один из них он подарил родителям своей супруги, а второй — хозяину лесной усадьбы, который, живя в бедности, с любовью вырастил королевича.



G. Reindorff 1948

ТИЙДУ-МУЗЫКАНТ

ил-был когда-то бедный крестьянин, которого судьба одарила детьми щедрее, чем хлебом. Сыновья и дочки росли родителям на радость и один за другим уходили в люди, зарабатывать себе на кусок хлеба. Только один сын не радовал родительского сердца. Был ли он от рождения умом обижен, по другой ли какой-нибудь причине стал придурковат, или попросту был лентяй — этого никто сказать не мог. Но что он лежебока и ни к какому делу не пригоден — об этом в один голос говорили и родители его, и все соседи. Не помогало тут ни доброе слово, ни розги: чем больше паренек подрастал, тем больше росла и его лень. Он только и делал, что отлеживал себе бока — зимой за печкой, а летом под кустом. Иногда он, чтобы убить время, насвистывал на ивовой дудочке, да так, что любо было слушать.

Однажды сидел он под кустом и играл на своей дудочке, пересвистываясь с птицами. Какой-то старик, проходивший по дороге, подошел к нему и спросил приветливо:

— Скажи мне, сынок, какому ремеслу ты думаешь учиться?

Мальчик ответил:

— Ни о какой работе я и думать не хочу, а хочу стать богатым, чтобы никто не мог мною помыкать.

Старик, смеясь, сказал:

— Мысль твоя, может быть, и не дурна, но я одного не могу

понять — как же ты можешь разбогатеть, если ничем не хочешь заняться? Под лежачий камень и вода не течет. Кто хочет нажить себе денег и всякого добра, тот должен двигаться, работать...

Тут мальчик прервал его:

— Стоит ли об этом говорить! Такие речи я уже сто раз слышал, они мне — как с гуся вода.

Старик ответил, ласково улыбаясь:

— У тебя есть такой природный дар, что ты легко мог бы заработать не только на хлеб насущный, но и много больше. Достань себе хорошую волынку, играй на ней так же искусно, как и на этой ивовой дудочке, и всюду, где люди веселятся, ты добудешь себе и хлеба и денег.

— Но где мне достать волынку? — спросил мальчик.

Старик ответил:

— Заработай денег и купи! Сперва играй на своей дудочке или на листочках, в этом ты, я вижу, великий мастер. Я думаю, что мы с тобой еще встретимся, тогда и посмотрим, пошли ли тебе впрок мои советы и наставления.

Тийду — так звали мальчика — задумался над словами старика, и чем больше он думал, тем больше убеждался, что тот прав. Мальчик решил последовать его совету и отправиться искать счастья. Никому не сказав ни слова, он однажды утром ушел из дому и больше не вернулся. Родители не были огорчены его уходом, отец даже благодарил судьбу, что избавился от ленивого сына. Старик надеялся, что жизнь на чужбине повытрясет из Тийду лень, а нужда заставит его стать человеком.

Несколько недель бродил Тийду по деревням и поместьям, и везде его принимали радушно и охотно слушали его игру на дудочке. Музыканта кормили, а иногда и давали ему несколько копеек впридачу. Копейки эти мальчик бережно откладывал, пока не собрал их столько, что смог купить себе волынку. Теперь дела его пошли в гору, ибо не было другого музыканта, чья игра так веселила бы сердце. При звуках его волынки ноги сами пускались в пляс. Тийду был желанным гостем на всех свадьбах, толоках и гуляньях. Через несколько лет он стал таким знаменитым музыкантом, что за ним иногда ездили, точно за каким-нибудь знахарем, за много верст и с почетом перевозили его с места на место.

Однажды он играл в одном из имений во время толоки, и люди в один голос твердили, что никогда не слышали лучшей музыки. Помещики стали наперебой приглашать Тийду к себе. Он веселил господ игрой, а те сытно кормили его, а сверх того давали деньги и подарки. Один богатый помещик велел одеть его с ног до головы во все новое, другой подарил ему красивую новую волынку с медными трубками. Барышни украшали его шляпу шелковыми лентами и вязали ему пестрые рукавички.

Всякий на его месте был бы доволен такой жизнью, но Тийду стремился разбогатеть, и эта мысль не давала ему покоя; она словно кнутом гнала его все дальше и дальше. Ни днем, ни ночью не выходили у него из головы сказания о богатствах земли Кунгла, передававшиеся в народе из уст в уста. «Только бы попасть туда, — думал Тийду, — там я нашел бы дорогу к богатству».

Долго бродил он по берегу моря в надежде найти какой-нибудь корабль, который мог бы перевезти его по морю. Наконец он попал в город Нарву, где в гавани как раз стояли чужеземные торговые суда. Он разыскал шкипера одного из кораблей и попросил взять его с собой. Шкипер согласился, но потребовал за проезд такую плату, которая показалась скуповатому музыканту слишком высокой. Тогда Тийду заиграл на волынке, надеясь этим прельстить моряков, чтобы переезд обошелся ему подешевле. И действительно, ему посчастливилось найти молодого матроса, который обещал тайком взять его на корабль без ведома шкипера.

Ночью накануне отплытия корабля матрос провел Тийду на судно и спрятал его в темном углу, за бочками. Матрос приносил ему туда и еду, и питье, чтобы он не умер с голоду в своем тайнике.

На следующую ночь, когда корабль уже несся под парусами в открытом море, приятель Тийду-музыканта стоял один на вахте. Он вывел Тийду на палубу, обвязал ему вокруг тела конец крепкой веревки, другой конец прикрепил к корме корабля и сказал:

— Я спущу тебя на веревке в море. Когда к тебе поспешат

на помощь, быстро перережь веревку и скажи, что плывешь за кораблем от самой гавани.

Тийду, хоть ему и было страшновато, согласился на предложение матроса, надеясь при помощи веревки продержаться на воде, тем более, что и сам был хорошим пловцом.

Как только Тийду был спущен за борт, его приятель разбудил остальных матросов и позвал их подивиться на человекоподобную рыбу, плывущую за кораблем. Матросы поглядели на чудо, разиня рот, потом разбудили шкипера и позвали его на палубу. Шкипер перекрестился три раза и спросил пловца:

— Скажи мне правду, кто ты — дух или человек?

Пловец ответил:

— Я несчастный простой смертный, и силы мои иссякают. Если вы не сжалитесь надо мной, я погибну.

Шкипер приказал бросить в море канат, чтобы вытащить пловца на борт. Ухватившись за канат, Тийду перерезал веревку, которой был обвязан, и попросил поднять его на корабль. Когда он очутился на палубе, шкипер спросил:

— Скажи, откуда ты и как сюда попал?

Тийду ответил:

— Как только вы вышли из гавани, я поплыл вслед за вами. А когда сил не хватало, я плыл, держась за руль. Таким способом я надеялся попасть к берегам земли Кунгла, потому что не мог заплатить за проезд столько, сколько вы требовали.

Смелость юноши удивила шкипера и тронула его сердце. Он произнес добродушно:

— Благодари судьбу, что она не дала тебе погибнуть. Я согласен перевезти тебя в землю Кунгла.

Затем шкипер велел дать Тийду сухую одежду и отвести его вниз, чтобы он мог отдохнуть после тяжких испытаний. Тийду и его приятель были очень рады, что их хитрая проделка так хорошо удалась.

Моряки глядели на Тийду, как на какое-то чудо. Он совершил, по их мнению, подвиг, казавшийся всем невероятным. Во время плавания его прекрасная игра доставляла морякам много радости, а шкипер утверждал, что никогда еще не слышал такой приятной музыки.

Через несколько дней корабль достиг берегов земли Кунгла, и здесь рассказы моряков о том, какую музыкальную чудо-рыбу они выловили в море, с быстротой ветра распространились в народе. Само собой разумеется, ни Тийду, ни его приятель не стали опровергать эти слухи.

Благодаря этим рассказам у Тийду в чужом краю появилось немало друзей. Каждому хотелось своими глазами увидеть чудесного пловца и узнать от него подробно о его приключении. И музыкант волей-неволей вынужден был врать напропалую. Со всех сторон ему предлагали работу, но он не хотел оставаться здесь, опасаясь, что если кто-нибудь вздумает познакомиться с его умением плавать, люди легко разоблачат его ложь.

Тийду решил немедленно отправиться в столицу страны, где его никто не знал и ничего о нем не слышал. Там он надеялся найти такую службу, которая помогла бы ему быстро разбогатеть.

Через несколько дней он прибыл в столицу, и тут его глазам открылось столько роскоши, красоты и богатства, что у юноши голова закружилась. Пары глаз не хватало, чтобы всему надивиться, для этого надо было бы иметь дюжину глаз! Чем больше смотрел Тийду на эту роскошь, тем труднее было ему мириться со своей бедностью. Но еще обиднее казалось ему то, что богатые и знатные люди не обращают на него внимания, отталкивают его с дороги, как последнего оборванца, как будто он даже не имеет права на свое место под солнцем. Волынку свою он не осмеливался даже вынуть из-за пазухи. «Кто из этих богачей станет слушать мою музыку?» — думалось ему.

Много дней бродил он по городу в поисках такой работы, которая позволила бы ему в короткое время разбогатеть. Наконец, когда он уже потерял было последнюю надежду, ему посчастливилось найти службу в доме богатого купца, где требовался поваренок.

Здесь Тийду мог убедиться, насколько богата земля Кунгла; богатство ее было действительно так велико, что никто не мог бы его и представить себе, не увидев собственными глазами. Вся домашняя утварь, которая у Тийду на родине изготов-

лялась из железа, меди, дерева или глины, была здесь из чистого золота и серебра. Пищу варили в серебряных котлах, пироги пекли на серебряных противнях, и все это подавалось на стол в золотых чашах и на золотых блюдах. Даже свиней кормили не из деревянных корыт, а из серебряных лоханок. Понятно, что и Тийду ни в чем не нуждался и, служа поваренком, жил не хуже барина.

Так он поработал несколько лет и скопил порядочно денег, но жажда наживы росла в нем день ото дня. Его скупость была так велика, что он не решался даже тряпки себе купить, разве только по приказанию хозяина, который не терпел в доме оборванцев.

Однажды хозяин справлял крестины и ради такого празднества велел на свой счет сшить слугам новое красивое платье, которое и поднес им в подарок. В следующее же воскресенье после пиршества Тийду нарядился в новую одежду и пошел в загородный сад, где горожане летом проводили время. Прохаживаясь среди гуляющих, Тийду заметил в толпе знакомое лицо, но где он его раньше видел, никак не мог припомнить. Пока он над этим вопросом размышлял, знакомый затерялся в толпе. Тийду долго еще бродил по саду, внимательно всматриваясь в людей, но поиски его были напрасны. Только под вечер он снова увидел этого человека, сидевшего под ветвистой липой на дерновой скамье. Тийду не знал, что делать, — подойти или обождать, пока тот сам не заметит его. Тийду кашлянул, но незнакомец, погруженный в глубокое раздумье, не обратил на это внимания и продолжал смотреть в землю.

«Попробую подойти и прервать его размышления, — подумал Тийду, — тогда видно будет, знаем мы друг друга или нет». Приближаясь к нему шаг за шагом, Тийду пытливо разглядывал незнакомца. Вдруг тот поднял глаза и, казалось, тотчас же узнал Тийду. Он встал со скамьи, пошел юноше навстречу и, здороваясь, протянул ему руку.

— А где же твоя волынка? — спросил он.

Теперь только Тийду вспомнил, что перед ним тот самый старик, который тогда на родине, когда Тийду еще был мальчишкой, советовал ему стать музыкантом.

Они выбрались из толпы и нашли в саду более уединенное и тихое место. Здесь юноша стал рассказывать старику о всех своих злоключениях, начиная с их первой встречи и по нынешний день. Старик хмурился, покачивал головой и, когда Тийду кончил свой рассказ, произнес:

— Глупцом ты был, глупцом и остался! Какая блажь пришла тебе в голову, что ты решил забросить музыку и наняться в повара? Музыкой ты здесь за один день заработаешь больше, чем в кухне за полгода! Беги сейчас же домой, принеси свою волынку и начинай играть! И ты сразу убедишься, что я прав.

Тийду пытался было возражать, опасаясь насмешек нарядной толпы и думая, что за долгие годы он разучился играть. Однако старик не уступал и до тех пор уговаривал Тийду, пока тот не отправился домой и не принес свою волынку.

Старик попрежнему сидел под липой. Он сказал:

— Садись со мной рядом на скамью и начинай играть! Увидишь, как народ станет вокруг нас собираться.

Против своей воли Тийду принялся играть. И тут ему показалось, что волынка его ожила: так красиво она никогда еще не звучала. Вскоре народ валом повалил к липе послушать приятную музыку. Чем больше собиралось народу, тем красивее звучала волынка. Старик снял шляпу и стал обходить толпу. В шляпу со всех сторон посыпались талеры, полуталеры и серебряная разменная монета, а время от времени падал в нее и сверкающий золотой. Чтобы отблагодарить слушателей за щедрость, Тийду, прежде чем отправиться домой, взялся еще раз за волынку и сыграл несколько веселых плясовых мотивов. Протискиваясь сквозь густую толпу, он слышал возгласы:

— Милый музыкант, приходи и в следующее воскресенье повеселить нас!

Подойдя к городским воротам, старик сказал:

— Ну, как ты думаешь, разве поиграть пару часов на волынке не было приятнее и выгоднее, чем работать на кухне? Я второй раз указываю тебе путь, и если ты не дурак, сразу хватай быка за рога, чтобы счастье снова не ускользнуло у тебя из рук. Я не могу больше оставаться здесь и помогать тебе сове-

том, поэтому крепко запомни мои слова и поступай, как я тебе велю. Каждое воскресенье после обеда выходи со своей волынкой под липу, где мы с тобой сидели, и принимайся играть для развлечения горожан. Купи себе глубокую шляпу и ставь ее на землю у своих ног, чтобы люди могли бросать в нее деньги. Когда тебя будут приглашать играть на каком-нибудь празднестве, никогда сам не назначай плату, а говори, что будешь доволен любым вознаграждением. Таким путем ты у богачей заработаешь больше, чем сам осмелился бы запросить. Если же случится, что какой-нибудь скряга и даст тебе мало, не унывай — этот ущерб с лихвой покроют щедрые люди, зато никто не посмеет тебя обвинить в жадности! Больше всего остерегайся алчности! Если мы когда-нибудь еще встретимся, я тогда спрошу, как ты выполнил мои наставления. А теперь прощай!

На этом они расстались.

Велика была радость Тийду-музыканта, когда он дома сосчитал деньги и убедился, что игра на волынке за несколько часов дала ему больше, чем поварская служба за полгода. Он очень жалел, что потратил столько времени зря, и хотел немедленно бросить службу, но для этого ему нужно было сперва найти себе замену. Через несколько дней он нашел другого поваренка и покинул дом купца.

Тийду велел сшить себе красивое яркое платье, надел пояс с серебряной пряжкой и в ближайшее же воскресенье отправился под липу играть на волынке.

Народу собралось еще больше, чем в первый раз, так как слух об искусном волынщике разнесся по всему городу и каждому хотелось послушать его игру.

Вечером, посчитав деньги, музыкант увидел, что заработал в два раза больше, чем в первое воскресенье. Такая же богатая выручка доставалась ему теперь почти каждую неделю.

В зимние вечера, когда горожане собирались в трактире, искусного волынщика нередко просили поиграть для развлечения гостей и щедро ему платили. Хозяин трактира, убедившись, что музыкант с каждым днем привлекает все больше посетителей, предоставил ему бесплатно жилье и стол. К весне Тийду велел сделать для своей волынки серебряные трубы, которые позоло-

тил снаружи и изнутри, так что они сияли, как солнце. Летом горожане снова начали устраивать за городом гулянья, и музыкант с каждым воскресеньем все больше увеличивал свое богатство.

Как-то раз на народное гулянье явился сам король. Приятная музыка еще издали привлекла его внимание. Он велел привести музыканта к себе и подарил ему за искусную игру полный кошелек золотых. После этого знатные люди один за другим стали приглашать музыканта на дом, чтобы послушать его игру. Тийду, помня наставления старика, никогда сам не назначал плату, а довольствовался тем, что ему давали. И все же каждый раз он получал гораздо больше, чем сам осмелился бы попросить.

Прожив несколько лет в стране Кунгла, Тийду разбогател и решил вернуться на родину, приобрести себе поместье и бросить игру на волынке. Подарки короля и других знатных господ позволили ему скопить большое состояние. Таким образом предсказания старика полностью сбылись.

Теперь Тийду не было надобности прятаться в темных углах на чужом корабле, он мог нанять для себя отдельный корабль, который доставил бы его на родину вместе со всем добром. Он накупил много золотых и серебряных вещей, уложил их в сундуки и погрузил на корабль. Наконец и сам владелец этих сокровищ перебрался на корабль, и судно покинуло гавань.

Попутный ветер быстро нес корабль в открытое море. Насколько хватал глаз, вокруг ничего не было видно, кроме неба да воды. К ночи ветер переменился, судно стало относить к югу, а через несколько часов разыгралась настоящая буря. Шкипер не мог уже управлять кораблем, и полновластными хозяевами судна стали ветер и волны.

Два дня и две ночи носился корабль по волнам, наконец, ударился о подводный камень и стал тонуть. На воду спустили спасательные шлюпки, чтобы люди могли вырваться из когтей смерти. Но разве лодки могли противостоять ярости бури? Вскоре огромная волна опрокинула лодку, в которой сидел Тийду с тремя моряками, и люди очутились в холодных объя-

тиях моря. К счастью, невдалеке от Тийду плыла длинная деревянная скамья. Он ухватился за нее обеими руками и с ее помощью удержался на воде.

Когда ветер стих и погода прояснилась, Тийду увидел берег, до которого, казалось, было не особенно далеко. Собрав последние силы, Тийду поплыл туда, но вскоре убедился, что до берега гораздо дальше, чем ему казалось. Вряд ли у него хватило бы сил добраться до земли, но тут помог ветер, гнавший волны в сторону берега. Чуть живой от усталости, выбрался Тийду на прибрежные скалы и тотчас же заснул.

Долго ли он спал, Тийду и сам не мог бы сказать. Он лишь смутно помнил, что к нему подходил знакомый старик и несколько раз давал ему глотнуть из своей фляги; после этого Тийду чувствовал прилив свежих сил и такую бодрость, будто в него вложили новую душу. Проснувшись, наконец, он увидел, что лежит на обомшелой скале, и понял, что никто сюда не приходил, а старик ему только приснился. Но сон так подкрепил его силы, что он легко смог встать и направиться на поиски людей.

Двигаясь вдоль берега, он внимательно приглядывался, нет ли где тропинки или чьих-нибудь следов, которые могли бы его привести к человеческому жилью. Однако, куда бы он ни глянул, нигде не видно было никаких следов. Мох, песок и трава лежали нетронутыми, точно тут никогда не ступала нога человека или зверя. Что делать, на что решиться? Ничего не придумав, Тийду пошел куда глаза глядят, надеясь найти дорогу, которая выведет его к людям.

Пройдя с полверсты, он увидел красивый, пышный лиственный лес. Но ни одного знакомого ему дерева он не встретил. И здесь не было никаких следов людей или животных. Чем дальше он углублялся в лес, тем гуще становились заросли, тем труднее было продвигаться вперед.

Наконец, Тийду выбился из сил и присел отдохнуть. Его вдруг охватила печаль и раскаяние. У него впервые возникла мысль, что он совершил тяжкий проступок: убежал из дому без разрешения и даже без ведома родителей и скитался, как бродяга, с места на место.

— Если меня здесь растерзают дикие звери, — говорил он, громко плача, — я буду наказан по заслугам. Мне не жаль моих сокровищ, канувших на дно морское, — как нажито, так и потеряно! Жаль только, что со мной нет моей волынки, которая помогла бы мне успокоить душу и развеяла бы мою тоску!

Продвигаясь дальше, Тийду увидел дерево со знакомой ему листвой. Большие румяные яблоки сияли среди блестящей зелени так соблазнительно, что он решил их отведать. Быстро направился он к яблоне и — вот удача! — оказалось, что более вкусных плодов он никогда в жизни не пробовал.

Тийду наелся досыта и лег под деревом отдохнуть. «Если в этом лесу таких яблонь много, — подумал он, — тогда мне нечего бояться голода».

Проснувшись, он съел еще несколько яблок, насовал их сколько мог в карманы и за пазуху и пошел дальше.

В густом лесу идти было трудно, местами приходилось пробираться сквозь чащу, поэтому до наступления темноты Тийду не удалось выйти на открытое место или найти какую-нибудь тропинку. Он растянулся на траве и уснул, как на мягкой перине.

Утром он позавтракал яблоками и с новыми силами двинулся дальше. Вскоре он вышел на полянку, лежавшую, как островок, среди дремучего леса. Здесь струился маленький ручеек. Подойдя к воде, Тийду случайно увидел в ней свое отражение и так испугался, что отпрянул на несколько шагов назад, дрожа, как осиновый лист.

Но и любой храбрец испугался бы, если бы с ним случилась такая беда, как с Тийду-музыкантом: он увидел, что нос у него — как у индюка, длиною чуть не до пояса! Он ощупал себя рукой и убедился, что отражение его не обмануло.

Что теперь делать?

В таком виде он никак не мог показаться людям — его могли убить, приняв за какого-нибудь дикого зверя. Неизвестно, то ли со страху нос показался ему так велик, то ли он и в самом деле беспрестанно вытягивался, но Тийду не мог теперь и шагу сделать, боясь споткнуться о собственный нос.

Он опустился на землю и стал горько жаловаться на свою беду:

— Ох, если бы только сюда никто не пришел! Только бы мне никому не попасться на глаза! Я скорее умру с голоду, чем покажусь людям с таким безобразным носом.

Если бы Тийду знал, что находится на острове, где нет ни единой живой души, он, может быть, и утешился бы. Но чем сильнее он горевал о своей беде, тем больше распухал его нос и синел все ярче, точь-в-точь как у рассерженного индюка.

Тут он увидел на кустах крупные орехи и решил их отведать, чтобы развлечься и успокоиться. Он нарвал полную горсть, раскусил орех и нашел под скорлупой очень сладкое ядро. Съев еще несколько орехов, он с удивлением заметил, что его безобразно длинный нос стал уменьшаться. Несколько минут спустя Тийду, взглянув на свое отражение в воде, увидел, что нос у него снова на месте и точно такого размера, как был всегда.

Тийду сильно обрадовался, от печали его не осталось и следа. И тут у него внезапно появилась мысль: как объяснить это удивительное происшествие? Почему нос его сперва вытянулся, а потом сократился? «Может быть, причину надо искать в этих красивых яблоках?» — спрашивал он себя. Он вытащил из кармана яблоко и начал его есть. И как только первый кусочек яблока был проглочен, Тийду, глянув в воду, увидел ясно, как кончик его носа стал вытягиваться. Шутки ради он съел все яблоко — и нос вырос длиною в целую пядь. Затем взял пару орешков, проглотил их и — вот чудеса! — нос его стал уменьшаться, пока не достиг своих прежних размеров. Теперь Тийду все стало понятно. — «Я считал это приключение бедой, — подумал он, — а оно может для меня и счастьем обернуться, если мне удастся снова попасть к людям».

Он набил себе карманы орехами и поспешно направился по своим следам обратно к яблоне. Никаких других следов здесь не было, поэтому он легко нашел ее. Содрав кору с нескольких молодых деревьев, Тийду сделал себе корзинку и наполнил ее яблоками. Но так как уже близилась ночь, то путник дальше не пошел, а решил тут же заночевать. И снова приснился ему удивительный сон: будто тот же знакомый старик поит его из своей фляги и советует ему пойти по старым следам обратно к берегу,

где он непременно найдет людей. Под конец старик как будто проговорил:

— За то, что ты не пожалел об утонувших богатствах, а горевал только о своей волынке, я подарю тебе на память новую.

Утром музыкант вспомнил свой сон и несказанно обрадовался, увидев на земле, рядом с корзинкой, обещанный подарок. Тийду схватил волынку и на радостях так заиграл, что весь лес зазвенел ему в ответ. Наигравшись всласть, он отправился в путь, по направлению к берегу.

Время, судя по солнцу, уже перевалило за полдень, когда Тийду достиг берега и увидел стоявший невдалеке корабль, на котором матросы что-то исправляли. Моряки очень удивились, заметив на берегу человека, так как считали остров необитаемым.

Шкипер приказал спустить шлюпку и отправил на берег двух матросов.

Тийду рассказал им о том, как погиб его корабль и как он сам лишь случайно спасся от верной смерти. Шкипер обещал взять его с собой бесплатно в страну Кунгла, куда корабль как раз и направлялся. Во время плавания Тийду развлекал шкипера и матросов прекрасной игрой на волынке. Через несколько дней, когда судно достигло берегов земли Кунгла, музыкант со слезами на глазах поблагодарил шкипера, выручившего его из беды, и обещал честно расплатиться за услугу, как только наступят для него лучшие времена.

Через несколько дней он прибыл в королевскую столицу и в первый же вечер вышел играть на волынке. На вырученные деньги он заказал себе новую одежду. Затем положил в корзинку несколько румяных яблок и пошел к воротам королевского дворца, надеясь там с наибольшей выгодой продать свой товар. И действительно, вскоре появился один из королевских слуг, купил красивые яблоки, заплатил за них больше, чем было запрошено, и велел продавцу придти и на следующий день. Однако Тийду помчался прочь от дворца, как будто у него пятки горели; он и не думал возвращаться со своим товаром, так как прекрасно знал, что от его яблок у людей начнут вытягиваться носы.

В тот же день он заказал себе другое платье и купил длинную черную бороду, которую и приклеил к подбородку. В какой-то харчевне, на дальней окраине города, Тийду нанял себе жилье и назвался чужеземным знахарем, умеющим излечивать от всех болезней.

На другой день весь город был взволнован несчастьем, случившимся во дворце: король, королева и их дети, поев яблок, купленных вчера у незнакомого торговца, внезапно заболели. Чем они больны, никто не говорил. Во дворец созвали врачей, лекарей и знахарей со всего города, но ни один из них не смог помочь королевской семье, потому что никто еще не встречался с подобной болезнью. В городе говорили, что это какая-то странная болезнь носа. Врачи и знахари посоветовались между собой, и кто-то предложил отрезать лишний нарост на носах. Но ни король, ни его семья не согласились на такой способ лечения, так как боялись, что это будет очень больно.

Тут до короля дошел слух, что в харчевне на окраине города проживает приезжий знахарь, умеющий излечивать все болезни. Король послал туда свою карету, запряженную четверкой лошадей, и велел немедленно привезти знахаря во дворец. Тийду проработал почти всю ночь, стараясь придать себе такой облик, который ничем не напоминал бы прежнего странствующего музыканта и торговца яблоками. Говорил он таким ломаным языком, что из его речей многое было бы непонятно, если бы он не пояснял их различными знаками. Прибыв в королевский дворец, он ознакомился с необычайным заболеванием, назвал его «индюшиной болезнью» и пообещал излечить больных без помощи ножа.

У короля и королевы носы выросли уже длиной в локоть и все еще продолжали расти. Тийду-музыкант принес в коробочке мелко истолченный орех, дал каждому больному щепотку этого лекарства, велел держать больных в темной комнате и дать им хорошенько пропотеть в перинах, чтобы выгнать болезнь из тела. Когда больных через несколько часов вынесли на свет, у всех оказались их прежние обычные носы.

Король так обрадовался, что готов был отдать полкоролевства искусному знахарю, излечившему его самого и его семью от ужасной болезни. Но Тийду-музыкант после несчастья, слу-

чившегося с ним на море, избавился от своей прежней жадности: он попросил себе ровно столько денег, сколько нужно было для покупки небольшой усадьбы, где он и собирался мирно прожить до конца своих дней.

Но король все же заплатил ему в три раза больше. Тийду поспешил в гавань и сел на корабль, чтобы отправиться на родину. Перед отплытием он разыскал шкипера, который вывез его с необитаемого острова, и расплатился за проезд.

Прибыв к родным берегам, он немедленно отправился в свою деревню. Оказалось, что отец его, два брата и три сестры еще живы, а мать и трое других братьев уже сошли в могилу.

Тийду не давал о себе знать родным, пока не купил поместье. После этого он устроил роскошный пир, на который пригласил всех родственников. За столом он открылся им, сказав:

— Я Тийду, ваш ленивый сын и брат. Ни к какому делу я не был пригоден, родителям приносил одни лишь огорчения и, в довершение всего, тайком убежал из дому. Но судьба была ко мне милостива, даже больше, чем я того заслуживал, поэтому я и возвратился к вам богатым человеком. Теперь я прошу вас всех переселиться в мою усадьбу, а отец до конца дней своих будет жить в моем доме.

Через несколько лет Тийду женился на кроткой девушке, у которой только и было приданого, что милое личико да доброе сердце. Когда закончился свадебный пир и молодые удалились в свои покои, Тийду увидел там несколько больших сундуков и ящиков, а в них — все свои богатства, когда-то затонувшие в море. В одном из ящиков он нашел листок бумаги, на котором было написано следующее: «Доброму сыну, который заботится о своих родных, даже пучина морская возвращает потерянные им сокровища».

Но кто был тот всесильный старик, который направил Тийду-музыканта по верному пути, спас его от гибели и излечил от жадности, — так никто никогда и не узнал.

МАЧЕХА

Молодой вдовец задумал второй раз жениться. Но, отправляясь свататься, он, как говорится, глаза дома забыл, поэтому досталась ему молодуха злая-презлая. Горше всего пришлось теперь маленькой сиротке, дочери вдовца от первой жены: девочке было всего два года, когда умерла ее мать, и осталась бедняжка на свете, словно беззащитный ягненочек. А когда у мачехи родилась своя дочка, сироте совсем житья не стало. Но она кротко сносила все обиды, никому не жалуясь на свою долю.

Хитрая мачеха умела скрывать от людей свой злой нрав и пускалась для этого на всякие уловки. Со стороны даже можно было подумать, что она любит и лелеет сиротку больше, чем свою родную дочь: когда девочки по воскресным дням отправлялись в церковь или в гости, падчерица всегда бывала одета наряднее, чем мачехина родная дочь.

Но по соседству с ними жила старая знахарка, оберегавшая малых детей. От ее глаз ничто не могло укрыться, и она знала всю правду о горькой участи сиротки.

Старушка иногда приходила ее проведать и украдкой ласково гладила девочку по головке и по лицу, приговаривая:

— Не горюй, потерпи! Настанут когда-нибудь и для тебя лучшие времена!

Когда чего-нибудь ждешь, время тянется медленно. Годы проходили один за другим, а сиротке жилось все так же тяжело.

В конце концов она стала думать, что слова старушки были лишь пустой болтовней.

Девочки выросли, и однажды в доме появился жених. Но, к великой досаде мачехи, оказалось, что приехал он свататься не к ее родной дочери, а к падчерице. Мать сказала:

— Мои девочки еще слишком молоды, не пришло им еще время чепец надевать. Жалко мне их так рано выдавать замуж.

Но жениху не хотелось долго ждать, и в конце концов они согласились на том, что он приедет за невестой через полгода, но тогда уже с вином[1]. Про себя же мать подумала: «Уж я устрою так, чтобы он все-таки женился на моей дочери».

И вот, когда через полгода жених приехал снова, мать велела девушкам обменяться платьями и посадила их обеих за прялки, спиной к двери, чтобы жених, войдя, не мог их видеть в лицо. Вино мать приняла и сказала медовым голоском:

— Ну, дорогой женишок! Если старая поговорка не врет, ты и не глядя, сердцем почуешь, где твоя любимая. Так вот скажи мне, которая из этих двух девушек твоя невеста?

Жених сразу шагнул к прялке, за которой сидела падчерица, и сказал:

— Хоть скорлупка на пряхе и чужая, да ядрышко мое!

Волей-неволей пришлось мачехе распить с женихом вино. В сердце у нее кипела лютая злоба, но она и виду не показывала, а ласково улыбалась будущему зятю. Зато когда он уехал, побои градом посыпались на бедную сироту: мачеха заподозрила ее в том, что она подала жениху какой-то тайный знак.

Утром в день свадьбы она нарядила свою дочь в красивое платье, а голову ей повязала шелковым платком так, что из-под него едва виднелся кончик носа. Поэтому ни жених, ни гости не заметили обмана. Дочкино будничное платье она напялила на соломенное чучело, которое усадила к очагу: пусть гости думают, что дочь ее готовит свадебный обед, пока ее сводная сестра венчается в церкви.

А бедная падчерица сидела в это время на гумне, под опро-

---

[1] По старинному эстонскому народному обычаю, жених завершал сватовство тем, что предлагал родителям невесты распить с ним вино, и если родители принимали это предложение, считалось, что они тем самым дают свое согласие на брак. (Прим. перев.)

кинутой старой бочкой. Чтобы мышь не убежала из ловушки, бочка была еще завалена сверху разным хламом.

Но не успел свадебный поезд выехать за ворота, как на помощь бедняжке явилась старая знахарка. Она помогла девушке выбраться из-под бочки и велела ей что есть духу бежать вслед за поездом, чтобы поспеть в церковь к венчанию.

По дороге полозья жениховых саней беспрестанно напевали:

Стонет милая под бочкой,
Плачет курочка родная,
А в санях с тобою едет
Нелюбимая, чужая!

Жених спрашивает:

— Что это полозья так странно скрипят?

А хитрая теща отвечает:

Это сани заплясали
На веселой свадьбе нашей,
А дуга им подпевает!

Падчерица, выбравшись из-под бочки, со всех ног побежала за санями, но кони неслись куда быстрее ее, и она не смогла нагнать свадебный поезд. В церковь она прибежала лишь тогда, когда молодые уже обменялись обручальными кольцами. Что теперь делать? Пропала последняя надежда! С плачем вышла обманутая невеста из церкви и присела у дороги, по которой должен был возвращаться свадебный поезд. Когда сани молодых проезжали мимо, она пропела:

Стой-постой, женишок!
Что ты сделал, паренек!
Свою курочку оставил,
Взял немилую с собой!

Жених опять спрашивает:

— Что это за песня такая?

Лукавая теща отвечает:

— Это незваная гостья шуточную песню поет!

Однако жениху было не до шуток. Он остановил лошадей и хотел разузнать, что все это значит. Но тут теща и посаженный отец стали бранить его:

— Что ты затеял, людям на посмешище? Разве можно, едучи после венчанья, слушать всякий собачий лай! Твоя молодая у тебя в санях сидит. Поезжай скорей домой, не то пироги да колбасы остынут.

Но падчерица вскочила к одному из гостей на запятки саней и поехала вместе с ними.

Когда все сани остановились на полпути и дружки, по старинному обычаю, отправились домой предупредить о том, что свадебный поезд уже близко, и привезти пива, девушка спрыгнула с запяток, спряталась за можжевеловым кустом и снова запела:

Стой-постой, женишок!
Что ты сделал, паренек!
У тебя в санях волчица,
А любимая томится
У дороги, под кустом,
В можжевельнике густом!

Рассердился жених и хотел пойти посмотреть, кто там поет. Но теща и посаженный отец снова удержали его:

— Да не слушай ты болтовни всяких попрошаек, — сказали они. — Не смеши людей понапрасну!

Хоть жених и начал кое-что подозревать, но все же и на этот раз послушался стариков.

Приехав на хутор, гости подхватили молодую на руки, понесли ее в дом, посадили за стол и сняли у нее платок с головы.

Тут жених увидел, что его действительно обманули, но никому ничего не сказал, а стал втихомолку обдумывать, как бы отплатить за обиду.

На другой день он с молодой женой поехал домой. Переезжая через реку, он увидел во льду прорубь, остановил лошадь, как будто собирался ее напоить, а сам схватил молодую за волосы, поволок ее к проруби и столкнул в воду вниз головой.

Когда он к вечеру добрался домой, оказалось, что его ждет любимая девушка: соседка-знахарка уже успела ее тайно переправить сюда. Мужичок был очень доволен таким обменом, никому ни слова не сказал о том, что случилось с ним на свадьбе, и зажил мирно и счастливо с молодой женой.

Через год с лишним, когда молодушка уже родила сына, мачеха собралась навестить свою дочку, думая, что та попрежнему живет у мужа.

Старуха и не знала, что у ее зятя теперь другая жена. А то, что падчерица после свадьбы вдруг пропала из дому, мачеха объяснила по-своему.

«Девчонка, видно, помнит еще свадебную музыку, — думала она, — знает наперед, что, вернись она домой, у нее по спине дубинка так и запляшет!»

Старуха подъехала к реке, где позапрошлой зимой утопили ее дочку, и вдруг увидела на воде красивую кувшинку. Женщина хотела сорвать ее и свезти внуку для забавы, но, протянув руку, услышала какой-то стон. Исходил ли он из воды или долетал откуда-то издалека — старуха понять не могла. Но вот голосок пропел:

Не срывай цветка-кувшинки,
Не ломай цветка-кувшинки!
Вырос он из доченьки,
Из заветной косточки,
Сердца тайной жилочки!

Слова эти испугали старуху. Делать нечего — пришлось ей искать колдуна, который мог бы превратить ее дочь из цветка в девушку.

Колдун вернул кувшинке человеческий облик, и мать с дочкой поехали домой. Тут старуха принялась думать, как бы отомстить зятю, утопившему ее дорогое дитя в реке. Думала она долго, но ничего придумать не смогла и снова отправилась за помощью к колдуну. Тот обещал превратить дочку в кошку и переправить в дом зятя. Там кошка должна была ночью так расцарапать ребенку горло, чтобы он уж больше не проснулся.

Но старая знахарка, охранявшая малых детей, была такой же хитроумной, как и колдун. Она поспела в усадьбу зятя раньше, чем кошка туда добежала, и сказала молодушке:

— К вечеру к вам в комнату проберется чужая кошка, дай ей молока и лаской замани ее к себе на колени. Потом подожги ей на горячих углях когти и лапы и выброс ее за дверь.

Вечером молодушка в точности выполнила наставления

бабки-знахарки и потом еще долго слышала во дворе жалобное мяуканье кошки.

На другой день соседи услышали, что мачехина дочка заболела, да так тяжело, что и с постели не встает. Руки и ноги ее были обмотаны тряпками, но чем она их поранила — никто не знал, потому что ни мать, ни дочь никому не рассказывали о своей неудаче.

Однако старуха попрежнему день и ночь ломала себе голову над тем, как бы отомстить зятю и падчерице. Она подумала: «Если колдун меня самое превратит в какое-нибудь животное, вот тогда дело пойдет лучше! Уж я-то с лихвой отплачу им за то, что они моей дочке руки и ноги искалечили!»

Колдун превратил ее в собаку. Он тайком убил собаку зятя, содрал с нее шкуру и натянул на старуху, чтобы люди в доме зятя приняли ее за своего пса.

Но бабка-знахарка и на этот раз оказалась проворнее. Она прибежала к зятю и сказала:

— Ваш дворовый пес взбесился и носится по деревне. Как бы он не искусал кого-нибудь! Вечером, когда он прибежит домой, поймайте его, свяжите, выбейте ему зубы и обкарнайте оба уха, тогда его нечего будет бояться.

Хозяин так и сделал: камнем раскрошил собаке все зубы, обрезал ей оба уха и выгнал ее со двора. Потом долго еще за воротами слышался жалобный вой.

На другое утро оказалось, что теща тяжело больна и лежит в постели. Рот у нее был весь в крови, уши повязаны платком.

Ни у матери, ни у дочки не было охоты в третий раз пытать счастья, хотя они втайне только и думали о том, как бы отомстить зятю. Они посулили колдуну большую награду и уплатили третью часть ее в задаток, чтобы он сам, без их помощи, наказал врагов.

Колдун, действительно, пускался на всякие хитрости и уловки, но добрая знахарка всегда поспевала во-время, и ничего колдуну не удавалось, так что он в конце концов рад был и тому, что сам остался цел.

А невенчанная жена счастливо прожила с мужем до конца дней своих. О мачехе же и ее родной дочери больше никто ничего не слыхал.

ЗАКОЛДОВАННОЕ РУЖЬЕ

Жил-был охотник, которому неизменно сопутствовали счастье и удача. Когда бы он ни ходил на охоту — летом ли, зимой ли, — он всегда возвращался с богатой добычей.

Любая птица или зверь, которые попадались ему на глаза на расстоянии выстрела, сразу же оказывались у него в мешке, так как ружье его било без промаха.

Но вот он стал замечать, что охотничье счастье ему изменило. Птицы и звери теперь держались на недосягаемом для него расстоянии, а если ему случайно и удавалось приблизиться к дичи, то заряд все равно не попадал в цель. Охотник понял, что с его ружьем случилось что-то неладное. Как он ни пытался исправить его — и чистил, и промывал, и шептал над ним всякие заклинания, а однажды даже закопал его на три дня под порог, через который переступала женщина, — ничто не помогало.

Больше недели бродил он по лесу, исходил его вдоль и поперек, много раз стрелял по дичи и зверю, но в мешке его по-прежнему было пусто.

Возвращаясь как-то вечером из лесу, он зашел в корчму, чтобы глотком вина залить свое горе. Но и вино показалось ему безвкусным. Тогда он набил трубку, уселся за стол и задымил своей носогрейкой. Случайно взгляд его упал на незнакомого человека, сидевшего в углу, в самом конце стола. Ни пива, ни трубки у этого гостя не было. Он рисовал мелом какие-то чер-

точки на столе, подсчитывал их, время от времени стирал, затем снова принимался чиркать. Похоже было, что незнакомец решает мудреную задачу.

Неудачливый охотник заказал себе кружку пива, чтобы промочить пересохшее горло, и продолжал молча размышлять о своей беде. Молчал и незнакомец, подсчитывая свои черточки.

Наконец корчмарь вышел из-за прилавка и сказал:

— Землячки, если вам от меня больше ничего не требуется и вы не намерены здесь ночевать, тогда собирайтесь восвояси! Я хочу запереть корчму и лечь спать.

Охотник ответил:

— Дай мне только трубку набить и закурить, и я пойду домой.

Закурив трубку, он взял в углу свое ружье, попрощался и вышел. Вслед за ним вышел и молчаливый незнакомец. При свете месяца охотник увидел, что человек этот высокого роста, много выше его самого, и слегка прихрамывает на одну ногу.

Видя, что незнакомец не отстает от него, охотник остановился и спросил:

— Не по дороге ли нам?

Незнакомец ответил:

— Может быть! Я иду туда, куда ведут какие-нибудь следы, безразлично — налево или направо.

Охотник сказал на это:

— Мой путь лежит прямо домой.

— Мне все равно, — произнес незнакомец, усмехнувшись, — я провожу тебя немного, потому что мой дом там, куда мне случится попасть.

Охотник спросил, что за черточки его спутник весь вечер писал на столе, а потом подсчитывал. Незнакомец ответил:

— Я считал, сколько дел я проделал сегодня за день, и увидел, что одного не хватает. Поэтому надо мне поторапливаться, чтобы до полуночи успеть еще одну рыбку поймать.

— Ты, значит, рыбак? — спросил охотник.

Незнакомец ответил:

— Смотря по тому, как дело оборачивается; бываю и рыболовом, и птицеловом — кем придется. Но скажи мне, земляк,

чем ты так удручен, что ни вино, ни пиво не могли тебя развеселить?

Охотник стал рассказывать о своей беде: ружье его, мол, словно заколдовано, а звери и птицы не подпускают его к себе на расстояние выстрела. Если какая-нибудь дичь и оказывается поблизости, все равно заряд не попадает в цель.

Выслушав охотника, незнакомец произнес:

— Видно, тот, кто испортил твое ружье, — большой хитрец, и против него все твои усилия напрасны. Тебе остается одно — просить помощи у старого хозяина, только он и может тебе помочь.

Охотник спросил:

— Кто же этот старый хозяин и где он живет? Я о таком ничего и не слыхал.

— Кто он и где живет, — произнес незнакомец, — этого я тебе точно сказать не могу. Но могу тебя научить, как и где с ним встретиться. Послезавтра, в четверг вечером, как раз наступает полнолуние. Выйди в полночь на перекресток дорог, свистни три раза и жди, пока он не появится. Ружье захвати с собой. Сейчас ты своим ружьем ни одного зверя убить не можешь, хоть и уткнешь ему дуло в самый бок. Для забавы можешь испытать ружье на мне. Я встану в пяти шагах от тебя, а ты заряди ружье крупной пулей и стреляй в меня — в голову, в сердце, в живот — словом, куда хочешь. Никакого вреда ты мне причинить не сможешь.

— А что если я тебя все-таки покалечу? — спросил охотник.

— Ну, тогда это будет моя вина, — ответил незнакомец, — и тебе отвечать не придется. Только пометь пулю, чтобы ты потом мог ее узнать.

Охотник зарядил ружье хорошей порцией пороха, всадил крепкий пыж из промасленной тряпки и волчью пулю, надкусив ее, и подумал при этом: «Убить человека для забавы — большой грех. Поэтому я его убить не убью, но все же подстрелю, чтобы отучить его от подобных шуток; я загоню ему пулю в левую ляжку — на левую ногу он все равно уже хромает».

Он прицелился так, чтобы пуля прошла выше колена, не задев кости. Незнакомец стоял, не шевелясь, в пяти шагах от

него. Раздался выстрел. Человек, как ни в чем не бывало, смеясь подошел к стрелявшему и сказал:

— На, возьми свою пулю! — и подал охотнику пулю. Тот сразу же узнал по отметке, что это действительно та самая пуля, которой он зарядил ружье; незнакомец же был цел и невредим, и даже одежда его не пострадала.

— А ну тебя, вместе с моим ружьем! — сердито закричал охотник. — И ты, и ружье, видно, заколдованы, либо сам черт в вас вселился.

Незнакомец ответил смеясь:

— Я же говорил тебе, что твое ружье ни одному живому существу не может причинить вреда. Тут нужно более мудреное лечение, чем твое. Сделай так, как я тебя учил, — ступай послезавтра вечером на перекресток и проси помощи у старого хозяина.

Разговаривая, они дошли до деревни и здесь расстались. Охотник направился вдоль улицы, а незнакомец свернул в сторону от деревни. Охотник, уходя, слышал, как незнакомец пробормотал про себя:

— Теперь мой сегодняшний итог сходится!

В четверг вечером охотник отправился на перекресток искать свою пропавшую удачу. Хоть сердце у него и замирало от страха, он все же свистнул три раза и стал ждать, что будет дальше.

Вдруг с севера до него донесся шум, будто надвигалась грозовая туча, три раза молнией вспыхнул яркий свет, и перед охотником предстал маленький старичок с рыжей бородой. Как он сюда попал — прилетел ли на крыльях ветра или появился из-под земли, — охотник понять не мог.

Старичок спросил:

— Ты зачем меня вызвал? Что тебе нужно?

Охотник рассказал ему подробно о своих злоключениях: о том, что ружье его, видно, кто-то заколдовал и теперь он не может подстрелить ни птицы, ни зверя.

Старик молвил в ответ:

— Если ты хочешь, чтобы я тебе вернул твое охотничье

счастье, нам прежде всего надо сговориться, до каких пор я должен тебе служить.

Охотник ответил:

— До конца моей жизни.

— Ладно, — сказал старик, — твое охотничье счастье я тебе верну, но смотри, чтобы оно тебе не вскружило голову.

Старичок вытащил из сумы горсть березовых почек, дал их охотнику и произнес:

— Сшей дома маленький мешочек и ссыпь в него эти почки. Когда будешь ходить на охоту, клади мешочек в карман или за пазуху, и ружье твое будет стрелять без промаха. Зверя и птицы сможешь добывать сколько захочешь, а дичь в лесу переводиться никогда не будет: что ты сегодня застрелишь, завтра опять окажется на месте. Но смотри не убивай вожака стада или стаи, не то ты окончательно лишишься своего счастья, а вместе с ним и жизни. А теперь дай мне три капли своей крови, чтобы скрепить сделку.

Услышав это, охотник испугался. Он стоял в нерешительности, не зная, что делать. Старичок, словно угадав его мысли, сказал:

— Поступай как знаешь. Тебя никто ни к чему не принуждает — сделка у нас добровольная. Хочешь попрежнему возвращаться с охоты с пустыми руками — не давай своей крови; а если желаешь нажить богатство охотничьим промыслом, ты должен скрепить наш договор тремя каплями крови.

Охотник вытащил из своей шляпы иглу, которой дома шил постолы, кольнул себя в безымянный палец левой руки и выжал из него три капли крови. Старичок собрал кровь на кусочек бересты, а бересту спрятал к себе в карман.

Затем он три раза дунул в дуло ружья и весело сказал:

— Ну, теперь все в полном порядке, ружье твое освобождено от колдовства и будет стрелять без промаха. Я подарю тебе еще в придачу такую пульку, которой ты сможешь отплатить колдуну, испортившему твое ружье. Выстрели ею в воздух и скажи при этом, в какую часть тела пуля должна попасть твоему врагу. И сколько бы десятков верст вас ни разделяло — ты все равно попадешь в цель.

Охотник с благодарностью принял пулю и хотел было, прощаясь, сказать: «Ну, с богом!», но старичок зажал ему рот рукой и велел молчать. В тот же миг он исчез так же внезапно, как и появился.

Охотник пошел домой. Он решил на другой же день отправиться в лес, чтобы проверить, не обманул ли его старичок. «Если обещание его исполнится, — думал охотник, — тогда можно считать, что я совершил очень выгодную сделку. Но жаль все же, что пришлось отдать старику в залог три капли крови; впрочем, быть может, со временем мне удастся изменить наш уговор или же хитростью вырваться из когтей старика».

Дома он, не раздеваясь, бросился в постель, чтобы поспать часа два, а рано утром отправиться в лес. Но сон его был тревожным. Стоило ему закрыть глаза, как ему снились стаи птиц и зверей, с шумом проносившиеся мимо, и он мгновенно просыпался.

На рассвете охотник вскочил с постели, зарядил ружье, сунул в карман мешочек с волшебными почками, перекинул через плечо охотничью сумку и хотел уходить, даже не поев. Только в дверях он вспомнил, что надо чего-нибудь перекусить[1].

В лесу ему навстречу вылетела стая тетеревов; впереди летел большой матерый самец. Охотник не тронул его, а направил дуло ружья в самую середину стаи. Прогремел выстрел — и шесть тетеревов упали на землю к его ногам.

— Спасибо, старый хозяин! — вскричал охотник. — Я вижу, ты сдержал свое слово, выполнил обещание!

Тут он вспомнил о пуле, которую получил в придачу при заключении сделки, и подумал: «Я отплачу злодею по заслугам, чтоб у него пропала охота портить мое ружье».

Охотник зарядил ружье, вложил пулю и выстрелил в воздух, проговорив:

— Прострели колдуну оба колена!

Довольный сегодняшней охотой, он захватил убитых птиц и направился домой. На опушке леса перед самым его носом взле-

---

[1] По старинному эстонскому поверью, не следует выходить из дому, не поевши. Того, кто натощак услышит крик перелетных птиц, ожидает несчастье. (Прим. перев.)

тела стая куропаток с очень крупной птицей впереди. Охотник подумал: «Как жаль, что ружье не заряжено, я мог бы еще раз попытать счастья».

Птицы как будто поняли его мысль и, отлетев подальше, опустились на землю. Охотник зарядил ружье и двинулся за ними. Стая опять взлетела, охотник пропустил вожака, выстрелил в середину стаи — и целая дюжина куропаток упала на землю!

— Ого! — вскричал охотник, — если так дело пойдет и дальше, пешком ходить в лес не придется — надо будет телегой выезжать за добычей.

И действительно, с тех пор охотник каждую неделю вывозил в город на продажу полный воз дичи, а птицы в лесу не убавлялось; наоборот, порой охотнику казалось, что чем больше он истребляет птиц и зверей, тем больше их становится в лесу.

Но от такой беззаботной жизни и легкого труда, больше похожего на забаву, охотник совсем избаловался, а вместе с тем и пристрастился к вину. Теперь он целые дни просиживал в корчме и по вечерам нередко возвращался домой пошатываясь.

С пьяных глаз он не раз хвастал перед собутыльниками своей выгодной сделкой со старым хозяином, и в народе пошла молва, будто охотник продал душу нечистому.

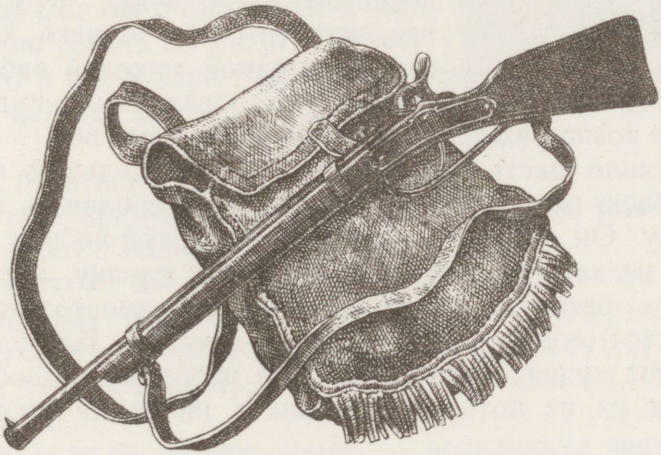
Однажды в ясную лунную ночь охотник возвращался из корчмы с заряженным ружьем за плечами. За деревней на лугу он увидел стаю лисиц. Вожак их бежал впереди. Это был такой красивый и крупный зверь, что охотник с пьяной головы забыл, на каких условиях заключил сделку. Он быстро вскинул ружье, прицелился в большую лисицу и спустил курок. В тот же миг он упал замертво, не застрелив зверя.

На другое утро крестьяне нашли охотника примерно в версте от деревни и увидели, что пуля пробила ему сердце. Ружье лежало в нескольких шагах от него, и дуло было направлено в другую сторону, поэтому ясно было, что человек не сам застрелился.

Соседи отнесли его домой и принялись сколачивать гроб. Тут внезапно перед ними появилась большая черная кошка, которую до того никто не видел.

Покойник лежал на столе под белой простыней. Когда гроб был готов и в него собирались уложить тело, мужичкам опять пришлось натерпеться страху: сняв простыню, они увидели, что мертвец исчез, а на его месте лежит соломенное чучело. Исчезла и большая черная кошка, и все решили, что это был сам нечистый.

Потом люди узнали, что у старого знахаря, который жил близ деревни и долгое время лежал больным, оказались перебитыми оба колена, так что он мог ходить только на костылях. Как видно, ноги у него были прострелены той пулей, которую охотник послал в колдуна, испортившего его ружье.



ГРОМОВАЯ ВОЛЫНКА

Однажды хитрый купец уговорился с чертом, что тот будет семь лет служить у него батраком и беспрекословно выполнять все его приказания. В награду за верную службу купец обещал нечистому свою душу. Черт выполнял все, чего требовал от него хозяин, не гнушался самой тяжелой работы и никогда не жаловался на скудную еду, зная, какое вознаграждение получит через семь лет.

Так прошло шесть лет и наступил уже седьмой год, но у купца не было никакой охоты так дешево продавать нечистому свою душу. Он надеялся при помощи какой-нибудь хитрости вырваться из когтей врага. Еще заключая сделку, хитрец обманул черта — расписался петушиной кровью вместо своей собственной, а тот сослепу обмана и не заметил. Благодаря этой уловке душа купца оказывалась уже наполовину свободной от тех крепких уз, из которых она иначе никак не могла бы вырваться.

Срок расплаты с каждым днем приближался, а купец все еще не придумал, как ему разделаться с нечистым.

Однажды в жаркий летний день с южной стороны неба поднялась черная туча, предвещавшая сильную грозу. Черт сразу же скрылся под землю, в глубокую пещеру, которая у него уже давно была вырыта под камнем для этой цели.

— Иди, братец, побудь со мной, пока не пройдет гроза! — попросил черт хозяина сладким голоском.

— А что ты мне дашь в награду, если я исполню твою просьбу? — спросил купец.

Черт обещал договориться об этом под землей — наверху, мол, торговаться уже некогда, гроза может вот-вот разразиться.

Купец подумал: «Черт от страха совсем ошалел, может, будет сговорчивее. Вдруг мне сегодня удастся от него отделаться!»

Размышляя так про себя, он полез вслед за чертом в пещеру.

Гроза, наконец, разразилась. Сильные раскаты грома следовали один за другим, так что сотрясалась земля и колебались скалы.

При каждом ударе черт дрожа зажимал уши кулаками и зажмуривал глаза, тело его покрывалось холодным потом, и от страха он и слова не мог вымолвить.

Под вечер, когда гроза прошла, черт сказал хозяину:

— Если бы старый Кыу [1] не поднимал по временам такой шум, я еще мог бы с ним жить в ладу и мире: под землей его стрелы меня ранить не могут. Но этот ужасный грохот меня так пугает, что я сразу теряю рассудок и сам не знаю, что делаю. Большую награду дал бы я тому, кто избавил бы меня от этой напасти!

Купец ответил:

— Тут не придумаешь ничего лучшего, как тайком украсть у деда громовую волынку.

— Я и украл бы, — произнес черт, — будь это возможно. Но старый Кыу всегда настороже, он ни днем, ни ночью не спускает глаз со своей громовой волынки. Как тут ее украдешь?

Купец стал объяснять, как это, по его мнению, можно было бы проделать.

— Да, если бы ты мне помог, — воскликнул черт, — тогда, может быть, наше дело и удалось бы. Но одному мне не справиться.

Купец согласился помочь черту, но в награду потребовал, чтобы тот отказался от его души.

— Да по мне, бери хоть три души, только избавь меня от этого страха! — радостно воскликнул черт.

Тогда купец растолковал ему, каким образом он думает

[1] Кыу — бог грозы в эстонской мифологии. (Прим. перев.)

украсть волынку. Но для этого, добавил он, надо действовать сообща и дружно.

— Однако, — сказал он напоследок, — нам придется ждать такого дня, когда дед снова сильно утомится и крепко уснет, а то ведь он спит, как заяц, с открытыми глазами.

Через несколько дней после их разговора снова разразилась сильная гроза и черт опять залез в пещеру вместе с купцом. От страха нечистый совсем оглох и не слышал ни слова из того, что говорил хозяин.

Вечером оба взобрались на вершину высокой горы. Тут черт поднял купца к себе на плечи и при помощи колдовства стал вытягиваться и расти в высоту, сам при этом напевая:

— Тянись, тянись, братец, растите, мои косточки! — пока не дорос до самых облаков.

Заглянув через край тучи, купец увидел деда Кыу. Тот спал безмятежным сном, положив голову на груду облаков, а правая рука его покоилась на громовой волынке.

Украсть волынку было невозможно: малейшее прикосновение к руке спящего разбудило бы его. Купец перелез с плечей черта на облако и подкрался к деду. Он решил прибегнуть к хитрости: поймал у себя за ухом вошь и посадил ее деду Кыу на кончик носа, чтобы тому стало щекотно. Дед тут же начал чесать рукой нос. Купец мигом схватил громовую волынку, прыгнул с тучи черту на спину, а тот пустился бежать с горы так, что только пятки засверкали. Ни разу не оглянувшись, добежал черт до преисподней. Там он запер добычу в железную кладовую на семь замков, поблагодарил купца за помощь и отпустил его вместе с его душой на волю.

Но тут стряслась над всем миром и над людьми беда, которой купец и предвидеть не мог: с тех пор, как у деда Кыу не стало его волынки, тучи не посылали на землю ни капли дождя, и все растения погибли от засухи.

«Если я нечаянно, по глупости, причинил людям такое горе, то я же должен и попытаться поправить дело, насколько возможно», — сказал себе купец и стал думать, как помочь беде.

Он отправился в северный край к знаменитому мудрецу и все ему рассказал.

H. Reindorff 1945.

Мудрец ответил:

— Нужно сейчас же послать деду Кыу весточку о том, где спрятана его громовая волынка. Он уж сам придумает, как снова завладеть ею.

И он послал северного орла к старому Кыу. На следующее же утро дед явился к мудрецу и поблагодарил его за то, что тот навел его на след вора.

Затем Кыу обернулся деревенским пареньком, отправился к рыбаку и нанялся к нему на лето в помощники. Он знал, что черт часто ходит на озеро ловить рыбу, и надеялся там с ним встретиться. Хотя паренек Гром и следил за сетями днем и ночью, ему не так-то скоро удалось обнаружить своего врага.

Рыбак уже давно заметил, что сети, заброшенные на ночь в озеро, иногда оказываются пустыми, но чем это объяснить, не знал. Мальчик-то хорошо знал, кто ворует рыбу, однако не хотел ничего говорить, пока не сможет указать хозяину вора.

Однажды в лунную ночь они вместе с хозяином отправились на озеро осматривать сети и как раз застали вора за работой. Перегнувшись через край лодки и всмотревшись в воду, они увидели, как черт вытаскивает из сетей рыбу и запихивает к себе в мешок.

На другой день рыбак пошел за помощью к знаменитому мудрецу и попросил его так заколдовать вора, чтобы тот запутался в сетях и сам не смог из них выбраться. Мудрец выполнил просьбу рыбака. Когда на следующее утро они стали тянуть сети, то вместе с ними вытащили на берег и черта.

Ох, и задали же ему взбучку! Без помощи мудреца он не мог выбраться из сетей, поэтому вынужден был терпеть удары, которыми осыпали его рыбаки; а те обломали об его спину целый воз дубин. Голова у черта была вся в крови, глаза вылезли на лоб, так что страшно было смотреть. Но рыбак и мальчуган не давали ему пощады; чуть передохнув, они снова принимались его колотить.

Видя, что мольбы не помогают, черт стал предлагать большой выкуп. Он обещал отдать рыбаку половину своих сокровищ, а то и больше, если его освободят из сетей.

Но рыбак так рассвирепел, что не стал с ним договариваться, пока совсем не выбился из сил и дубинка не выпала из рук.

Сторговавшись с чертом, рыбаки с помощью мудреца освободили его из сетей. Черт предложил рыбаку и пареньку сходить с ним вместе в преисподнюю за выкупом. Кто знает, быть может, он еще надеялся как-нибудь их перехитрить.

В аду гостям устроили пышный пир, продолжавшийся больше недели. Старый хозяин показал гостям свои сокровища и всевозможные орудия колдовства, а музыкантам велел развлекать рыбака сладкой музыкой.

Однажды утром мальчик Гром потихоньку сказал рыбаку:

— Когда тебе сегодня опять станут показывать всякие диковинки, попроси вынести волынку, которая находится в тайнике за семью замками.

За праздничным столом, когда и черт и гости слегка охмелели, рыбак попросил показать ему волынку. Черт исполнил его просьбу, принес волынку и стал на ней играть. Но как он ни дул в нее, как ни перебирал пальцами по трубке, — волынка только визжала, как кошка, которой прищемили хвост, или как поросенок, попавший волку в пасть.

Рыбак сказал смеясь:

— Не трать силы понапрасну! Я вижу, музыканта из тебя все равно не выйдет. Мой пастушонок — и тот играет на дудке куда искуснее.

— Ого! — воскликнул черт. — Уж не думаешь ли ты, что волынка и ивовая дудка — это одно и то же? Играть на волынке — это, брат, не шутка! Иди-ка, попробуй, и если тебе или твоему пастушку удастся из нее выдуть хоть один звук, — не быть мне больше хозяином преисподней! На, попробуй! — крикнул он, передавая волынку пареньку.

Мальчик Гром взял волынку. И едва он приложил ее к губам и дунул, как стены ада затряслись, черт и все его домочадцы повалились наземь, оглушенные, а вместо паренька рядом с рыбаком вдруг появился сам старый дед-громовержец. Он поблагодарил его за помощь и сказал:

— Отныне всякий раз, как загремит в небесах моя волынка, твои сети наполнятся богатым уловом.

И дед Кыу поспешил домой.

По дороге он встретил купца. Тот бросился перед ним на колени, покаялся в своей вине и смиренно попросил прощения.

Дед Кыу сказал:

— Люди часто по своему легкомыслию совершают неразумные поступки. А ты, сынок, благодари судьбу и радуйся, что я могу исправить то зло, которое ты по своей глупости причинил людям.

Сказав это, он сел на камень и заиграл на волынке. Загремел гром, пошел проливной дождь и напоил землю влагой.

А купца старый Кыу взял себе в работники.

ДОБРЫЙ ДРОВОСЕК

ошел однажды мужичок в лес по дрова. Выбрал он березку потолще и хотел было ее срубить, но береза, завидев топор, заговорила жалобно:

— Не руби меня! Я еще так молода, у меня так много детей, они будут плакать, если я умру.

Мужичок внял ее мольбе, оставил березу и направился к дубу. Увидев топор, дуб стал жалобно просить:

— Дай мне еще пожить на свете, я так молод и полон сил, а желуди мои еще не зрелы и не годны на семя. Если все мои плоды погибнут, как же будущие поколения людей смогут вырастить дубовые леса?

Мужичок согласился с ним и подошел к ясеню. Увидев топор, ясень стал умолять дровосека:

— Не руби меня! Я еще молод и вчера только высватал себе невесту. Что с ней, бедняжкой, станется, если ты меня срубишь?

Мужичок исполнил и его просьбу и подошел к клену, чтобы его срубить. Но клен взмолился:

— Не губи меня, добрый человек! Дети мои еще малы и беспомощны. Что с ними будет, если ты меня срубишь?

Мужичок внял его мольбам и пошел к ольхе. Увидев топор, ольха заговорила жалобно:

— Позволь мне еще пожить на свете! Я сейчас как раз в полном соку и соком своим должна питать множество

маленьких живых существ. Что же с ними будет, если ты меня срубишь?

Мужичок послушался и ее и подошел к осине. Но осина принялась жалостно умолять его:

— Не руби меня! Я должна шелестеть листьями на ветру и по ночам пугать лиходеев, замысливших недоброе дело. Что будет с людьми и миром, если ты меня погубишь?

Мужичок выполнил ее просьбу и пошел к черемухе. Но черемуха, увидев топор, стала жалостно просить:

— Пощади меня! Я как раз в цвету и должна дать приют соловью, который весной поет среди моих ветвей. Где же люди смогут послушать такое прекрасное пение, если ты меня срубишь и соловьи улетят из наших краев?

Мужичок согласился с ней и пошел к рябине, чтобы ее срубить. Но рябина взмолилась:

— Не руби меня! Цветы, которые ты видишь на мне, превратятся в гроздья ягод. А осенью и зимою этими ягодами питаются птицы. Что станется с бедняжками, если ты меня срубишь?

Мужичок внял ее мольбе и подумал: «Видно, в лиственном лесу мне делать нечего. Пойду-ка я в хвойный лес, попытаю счастья».

Он подошел к сосне и хотел ее срубить. Но сосна, завидев топор, стала жалобно просить:

— Не губи меня! Я еще молода и крепка, мне надо растить себе потомство, зимою и летом зеленеть людям на радость.

Мужичок подошел к ели и хотел ее срубить. Но ель взмолилась:

— Пощади меня! Я еще молода, крепка и, подобно сосенке, вечно зелена. Было бы жаль, если бы ты меня срубил.

Мужичок подошел к можжевельнику, а можжевельник стал его умолять:

— Не надо меня рубить! Ведь из всех лесных деревьев и кустов я — самая большая ценность, я всем полезен, ибо излечиваю от девяноста девяти болезней. Что станется с людьми и животными, если ты меня срубишь?

Тут мужичок присел на кочку и задумался, «Вот чудеса! — рассуждал он. — Каждое дерево говорит на своем языке и нахо-

дит такие жалостные слова, что духу не хватает топор поднять. Что же мне делать, если я нигде не отыскал дерева, которое молча позволило бы себя срубить? А сердце мое не может устоять перед их мольбой. Не будь у меня жены, я, пожалуй, вернулся бы домой с пустыми руками».

Тут из чащи вышел старик с длинной седой бородой; на нем была рубашка из бересты и кафтан из сосновой коры. Старик спросил:

— Что ты, братец, сидишь тут на кочке, пригорюнившись? Обидел тебя кто-нибудь, что ли?

Мужичок ответил:

— Как же мне не горевать? Взял я утром топор и отправился в лес, чтобы нарубить дров и отвезти их домой. Но что за чудо! — весь лес словно ожил, у каждого дерева свой разум, свой язык, каждое дерево находит жалостное слово, чтобы отстоять себя. А у меня духу не хватает их не слушать. Нет, будь что будет, а живые деревья я рубить не стану!

Старик ласково взглянул на него и произнес:

— Спасибо тебе, землячок, что ты не остался глух к мольбам моих детей. В награду за твою доброту я позабочусь о том, чтобы ты никогда ни в чем не нуждался. Ты не пролил крови моих детей, и это принесет тебе счастье. Благословение низойдет на твой дом. Не только в дровах, но и ни в чем другом ты не будешь терпеть нужды, тебе надо будет только вслух высказать свое желание. Но смотри, чтобы желания твои не были чрезмерными. Уговори также жену и детей, чтобы они ничего невыполнимого не желали. Вот, возьми этот золотой прутик и береги его, как свою душу.

С этими словами старик дал мужику золотой прутик длиной в несколько пядей и толщиной с вязальную спицу, потом прибавил:

— Если ты захочешь построить дом или выполнить какую-нибудь другую работу, пойди к муравейнику и трижды взмахни над ним этим прутом, но осторожно, чтобы не ударить по нему и не причинить вреда маленьким существам. При этом прикажи муравьям выполнить работу, какая тебе нужна. Захочется тебе есть — прикажи кухонному котлу приготовить кушанье, какое

тебе требуется. Если же придет охота поесть сладкого, покажи этот прутик пчелам и вели им приниматься за дело. Они принесут тебе столько меда, что ты со своими домашними и съесть его не сможешь. Захочется тебе попить сока лесных деревьев — прикажи березе и клену, они немедленно выполнят твою волю. Ольха даст тебе молоко, а можжевельник исцелит от болезней, стоит тебе только приказать. Котел будет каждый день варить тебе рыбу и мясо, и тебе не нужно будет убивать живые существа. Если тебе понадобится полотно, шелк или шерсть для одежды, позови пауков, и они соткут тебе ткань, какую ты прикажешь. Ты ни в чем не будешь нуждаться, все будет у тебя в изобилии, в награду за то, что ты пощадил моих детей. Я — Лесной отец, повелитель всех деревьев.

Затем старик попрощался с мужичком и тотчас же скрылся.

Но у мужика была злая-презлая жена. Она встретила его на дворе и, увидев, что муж возвращается из лесу с пустыми руками, еще издали начала браниться.

— Где же твои дрова? — кричала она.

Муж спокойно ответил:

— Растут себе в лесу, как и росли.

Тут жена крикнула злобно:

— Эх, пусть бы все березовые ветки сами в розги связались да и выдубили твою ленивую шкуру!

Тогда муж незаметно взмахнул волшебным прутиком и тихо, чтоб жена не слышала, проговорил:

— Пусть розги на твоей спине попляшут!

И вдруг жена как завопит:

— Ай-ай-ай! Ой, как больно! Ай, как больно! Ох, пощадите! Пощадите!

Она кричала, прыгала и извивалась, хватаясь то за один бок, то за другой, словно на нее градом сыпались удары. Когда муж решил, что жена достаточно наказана, он отдал волшебному прутику нужный приказ. Так он убедился, что́ за чудесную вещь повелитель лесов подарил ему: ведь волшебный прутик, сверх всего прочего, мог пригодиться и для того, чтобы наказывать злую жену.

У мужика стояла на дворе полуразвалившаяся клеть, и он решил в тот же день проверить, как муравьи справятся с постройкой. Он подошел к муравейнику, трижды взмахнул над ним золотым прутиком и произнес:

— Постройте у меня на дворе новый амбар!

Проснувшись утром, он увидел, что приказание его выполнено.

Не было теперь на свете человека счастливее нашего доброго дровосека. О еде ему и его семье не приходилось больше заботиться. Чего бы душа ни пожелала, что бы ни приказал золотой прутик — все это котел сам стряпал и сам подавал на стол, так что людям оставалось только есть эти кушанья. Пауки ткали им различные ткани, кроты пахали землю, а муравьи засевали ее. Осенью они же и убирали урожай, так что человеческих рук нигде и не нужно было. А если у злой жены иногда развязывался язычок и она принималась бранить мужа, то сама же от этого и страдала — золотой прутик каждый раз ее больно наказывал. Тут, пожалуй, иной муж вздохнет с завистью: «Вот бы мне такой чудесный прутик!»

Обладатель золотого прутика жил счастливо до конца своих дней, потому что никогда не высказывал желаний, казавшихся ему невыполнимыми. Перед смертью он оставил волшебный прутик в наследство своим детям и наказал им, так же, как и ему самому наказывал Лесной отец, осмотрительно пользоваться этой чудесной вещью и не высказывать неразумных желаний. Дети во всем следовали указаниям отца и прожили свой век счастливо, как и он.

Но вот случилось так, что уже в третьем поколении золотой прутик достался человеку, который нарушил запрет своих родителей, высказывал много вздорных желаний и тем зря утруждал волшебный прутик. Сперва большой беды в этом не было, так как от совсем неосуществимых желаний человек этот все-таки воздерживался. Но вскоре ненасытному этого показалось мало, и он принялся испытывать могущество прутика всякими невыполнимыми требованиями. Так, он однажды приказал прутику стащить солнце с небес, чтобы оно погрело ему спину. Прутик, правда, выполнил приказ, но так как солнце на землю спуститься

не может, то оно обрушило на спину безумцу пылающие огненные лучи, и он сгорел дотла вместе со своим домом.

А волшебный прутик исчез, и где его искать — никто сказать не может. В народе говорят также, что солнечные лучи, упавшие на землю в тот злополучный день, так испугали лесные деревья, что они онемели, и с тех пор люди не слыхали от них ни единого слова.

G. REINDORF 1748

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наиболее выдающимся представителем эстонской демократической культуры XIX века является великий эстонский просветитель-демократ, основоположник эстонской национальной литературы, общественный деятель и фольклорист Фридрих Рейнгольд Крейцвальд. Всю свою жизнь посвятил он собиранию и обработке народных преданий, сказок и песен, глубоко изучил жизнь, быт и фольклорные богатства эстонского народа. Собранный и творчески переработанный им народный эпос «Калевипоэг» и «Старинные эстонские народные сказки» представляют собой краеугольный камень эстонской демократической литературы; в этих выдающихся памятниках национальной культуры раскрывается яркая картина богатства и разносторонности устного поэтического творчества народа.

«Старинные эстонские народные сказки», благодаря заключающимся в них прогрессивным идеям, разнообразию сюжетов и образов, пленительной поэтичности, и в наши дни остаются для эстонского читателя, особенно для молодежи, одной из наиболее популярных, любимых книг.

В 1951 году «Старинные эстонские народные сказки» вышли на эстонском языке в новом издании, где были представлены лучшие из собранных и литературно обработанных Фр. Р. Крейцвальдом сказок. Эти же 29 сказок вошли и в настоящее русское издание, которое впервые знакомит русского читателя с этими замечательными произведениями эстонской классической литературы.

* * *

Эстонская национальная литература возникла в середине XIX столетия. Это был период дальнейшего разложения крепостничества и роста капиталистических отношений в Эстонии, период формирования эстонской нации и возникновения национального движения.

Правящий класс — прибалтийско-немецкие помещики стремились осуществить неизбежный переход к капиталистическому способу веде-

ния хозяйства с наибольшей выгодой для себя, путем постепенных реформ, сохранения многих пережитков феодально-крепостнического строя, жестокой эксплуатации крестьян. Эстонское крестьянство же стихийно боролось за полную ликвидацию крепостнических отношений. Шла ожесточенная классовая борьба, находившая свое выражение во все растущих крестьянских волнениях и восстаниях.

Реакционная политика прибалтийских помещиков и царских властей, защищавших их интересы, препятствовала не только экономическому, но и культурному развитию страны. Помещики прилагали все усилия к тому, чтобы держать народ в духовной темноте, в полной покорности перед угнетателями. Прибалтийские бароны и их идеологи — пасторы и реакционные публицисты пытались представить господствующий полукрепостнический порядок как вечный и наилучший, как воплощение европейской культуры. Они всячески унижали эстонский народ, утверждали, что он не способен создать свою национальную культуру и должен неизбежно ассимилироваться с немцами. Эти приспешники прибалтийского дворянства и зарождающейся эстонской национальной буржуазии стремились изолировать эстонский народ от русского народа, от влияния прогрессивной русской культуры, пресмыкаясь в то же время перед царизмом.

В идеологической борьбе против прибалтийских помещиков и против распространяемой ими реакционной, антинародной «культуры» важная роль принадлежала возникшей в середине века эстонской демократической литературе. Она служила интересам широких крестьянских масс и развивалась в борьбе против господствующей дворянской и буржуазно-клерикальной культуры.

Буржуазно-клерикальная культура была выразительницей классовых интересов националистической буржуазии. Представители этой культуры (наиболее типичными из них являются И. Яннсен и К. Кэрбер) пресмыкались перед немцами-помещиками и пасторами, проповедовали угнетенному народу смирение и покорность, отрицали противоречия между крестьянином и помещиком, распространяли идеи «единства интересов» всех эстонцев; эти реакционные идеологи с презрением относились к народному творчеству.

Против них выступали представители эстонской демократической культуры — Фр. Р. Фельман, Фр. Р. Крейцвальд, К. Р. Якобсон, М. Веске и другие; они были крепкими узами связаны с народом, верили в его творческие силы, высоко ценили народную поэзию, видя в ней основу и источник национальной литературы. Они с уважением относились к русской прогрессивной культуре и стояли за тесную связь с русским народом. Глубоко ненавидя крепостничество и все его порождения, они горячо поддерживали борьбу масс против помещиков, выступали против церковного мракобесия. В то же время ими проделана огромная работа по развитию эстонской литературы и языка.

Среди представителей эстонской демократической культуры прошлого века центральное место принадлежит Фр. Р. Крейцвальду (1803—1882).

Чтобы понять, насколько велико значение Крейцвальда в истории эстонской культуры, необходимо знать условия и обстановку, в какой протекала его деятельность. Крейцвальд вышел из среды эстонского крестьянства, жестоко эксплуатируемого помещиками, политически бесправного, жившего в нужде и темноте. Он был одним из немногих эстонцев, первыми получивших высшее образование; глубоко любя свой народ, он посвятил всю свою жизнь служению его интересам, его просвещению. Свои произведения Крейцвальд писал в условиях, когда ни эстонской литературы, ни сформировавшегося эстонского литературного языка еще не существовало, в условиях, когда малейшее проявление свободной мысли преследовалось цензурой. И несмотря на это Крейцвальд сумел во многих областях культурной жизни того времени сказать свое, новое слово, создать произведения, вошедшие в золотой фонд эстонской литературы.

Фр. Р. Крейцвальд родился 26 декабря 1803 г. в Вирумаа, на мызе Йыэпере, в семье крепостного мызного сапожника. Семья была бедная, часто переезжала с места на место, и это не давало юному Крейцвальду возможности систематически учиться. Все же любознательный мальчик уже в раннем возрасте дома научился читать и писать, так как родители его оба были грамотными.

Вообще же в то время грамотность среди крестьянства была явлением редким. Получить школьное образование было очень трудно, отсутствовали и отвечающие запросам народа книги для чтения. Зато широко было распространено устное народное творчество — народные песни, сказки, предания, меткие пословицы и поговорки.

Искусные рассказчики были для мызных барщинников желанными гостями. Их увлекательные старинные сказания и легенды помогали коротать длинные, скучные осенние и зимние вечера, будили мысль людей, обремененных тяжелым и однообразным трудом, являлись для них почти единственной духовной пищей и развлечением.

Здесь, в мызной риге или прядильне, и познакомился впервые юный Крейцвальд с богатствами народной поэзии. Сидя у горящей печи и поправляя лучину в светце, напряженно прислушивался будущий писатель к тому, что пели и рассказывали барщинники и «души» [1]. Здесь мальчик слышал сказки о златопряхах, о хитрых гуменщиках, глупых пасторах, о сиротах и хозяйских дочках, о жернове, который сам мелет муку, о королевне, спящей на вершине стеклянной горы, слышал и предания о Калевипоэге и его подвигах. И хотя он далеко не все мог запомнить

[1] «Душами» называли батрачек, которых крестьянин посылал вместо себя отрабатывать барщину на мызе. (Прим. перев.)

или, как он сам писал, «не умел различить — что на стебельке сказки растет как стручок, а что — как самое зернышко, — все же впечатления, полученные юным Крейцвальдом в этот период, сыграли большую роль в формировании будущего писателя.

Именно здесь, в тесном общении с мызными барщинниками, Крейцвальд узнал, как тяжела доля крестьянского люда, и научился любить и ценить его устное поэтическое творчество. С горестью наблюдал он крестьянскую нищету и голод, бесправное положение барщинника и батрака, слышал рассказы о произволе гакенрихтера [1], о жадности пасторов, собственными глазами видел бессердечие и жестокость помещиков, бесчеловечное обращение их с крестьянами. Все это порождало в душе юноши возмущение против угнетателей, которое с годами росло все больше.

У рассказчиков и певцов Крейцвальд заимствует гибкий, выразительный и богатый язык. Яркие пословицы и поговорки, в которых отражена вековая народная житейская мудрость и народный склад мысли, учат его скупой, сжатой и образной речи. Красивые сказки, с их причудливой фабулой, развивают воображение юноши. Он замечает также, что в сказках ясно отображены думы и чаяния народа, тесно связанные с его жизнью и бытом, его суждения, взгляды, стремления.

Устное поэтическое творчество, в котором проявляется стихийно материалистическое мышление народа, его протест против эксплуатации и угнетения, — стало первым и главным идеологическим фактором в формировании мировоззрения Крейцвальда.

Способному и энергичному юноше пришлось из-за бедности его родителей испытать на пути к образованию немало трудностей. Он вынужден оставить уездное училище, не окончив его. Только в 1820 году удается ему закончить училище, а через некоторое время сдать экзамены на звание учителя начальной школы. Чтобы добыть средства к существованию и продолжать учение, Крейцвальд работает школьным, а затем домашним учителем в Таллине и Петербурге, готовясь в то же время к окончанию гимназии. В 1825 году он сдает экстерном выпускные экзамены в гимназии и в 1826 году его зачисляют студентом медицинского факультета Тартуского университета.

Произошло для того времени необычайное событие — сын бывшего крепостного был принят в университет. На собственном опыте Крейцвальд испытал все трудности, которые приходилось преодолевать бедному крестьянскому сыну на пути к образованию. Он пишет в одном из писем, относящихся к 1862 году: «Я отлично знаю все те путы, что сковывают шаг эстонского юноши, пока ему удастся с деревенских полей попасть в среду людей образованных».

Хотя прибалтийские бароны и прилагали все усилия к тому, чтобы

---

[1] Судья, назначавшийся из помещиков. (Прим. перев.)

превратить Тартуский университет в оплот реакции и поповщины, он все же являлся для того времени одним из центров русской передовой науки и высшего образования. Здесь царила атмосфера относительного свободомыслия. Здесь работали и учились многие знаменитые русские ученые. Поэт Языков писал в своих вдохновенных стихах о Тартуском университете:

Мы здесь творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу!
(Н. М. Языков. «Дерпт».)

Крейцвальд встретил в университете нескольких студентов-эстонцев. Здесь зародилась его дружба с Фр. Р. Фельманом, будущим выдающимся эстонским ученым и фольклористом, с которым Крейцвальда связывали общие интересы и стремления. Именно Фельман задумал составить на основе народных сказаний эпос «Калевипоэг» и начал собирать для него материалы; после смерти Фельмана его замысел осуществил Крейцвальд.

Наряду с изучением медицины Крейцвальд слушал в университете лекции по эстетике и истории литературы и сам пробовал свои силы в поэзии. Летом, на каникулах, он приезжал в родные места и собирал народные песни и сказки.

Изучение естественных наук несомненно способствовало развитию рационалистического мировоззрения Крейцвальда.

После окончания университета Крейцвальд с 1833 по 1877 год работал городским врачом в Выру. Живя в отдаленном от центров маленьком городе, он тем не менее поддерживал тесную связь со всеми наиболее выдающимися деятелями демократического направления в национальном движении, принимал участие в их мероприятиях и своей разносторонней деятельностью помогал развитию прогрессивных элементов эстонской национальной культуры. Крейцвальд состоял также в переписке с рядом известных русских и западноевропейских ученых.

Своему любимому делу, литературному творчеству, Крейцвальд, перегруженный работой и постоянно испытывавший материальные затруднения, мог посвящать лишь часы своего краткого досуга. Он не раз жаловался друзьям, что забота о хлебе насущном постоянно преследует его с детских лет и подрезает крылья всем его лучшим стремлениям. «Всей своей писательской работой . . . я обязан часам, которые урывал у ночного отдыха», — писал Крейцвальд в 1865 году.

И все же именно Крейцвальд оставил более обширное литературное наследство, чем кто-либо другой из эстонских писателей прошлого века, из-под его пера вышли такие монументальные труды, как «Калевипоэг» и «Старинные эстонские народные сказки».

Умер Фр. Р. Крейцвальд 25 августа 1882 года в Тарту.

Литературно-публицистическая деятельность Крейцвальда относится к периоду с начала тридцатых до конца семидесятых годов XIX века. Это был, как говорилось выше, период разложения крепостничества и перехода к капиталистическим отношениям, протекавший в условиях ожесточенной классовой борьбы. Особенно быстрое развитие капитализма в Эстонии начинается после крестьянской реформы 1861 г. в России; происходит покупка крестьянами земли в собственность и формирование нового класса эксплуататоров, уже из числа самих эстонцев. Усиливается расслоение крестьянства. Но поскольку в Эстонии попрежнему существовала власть прибалтийских помещиков, которые по сговору с царизмом сохранили многие из своих прежних феодальных привилегий, то в шестидесятых годах главной задачей являлась борьба за ликвидацию остатков крепостничества, тормозивших развитие капитализма.

«Нельзя забывать, — писал В. И. Ленин, — что в ту пору, . . . когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии». (В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473.)

В. И. Ленин характеризовал просветителей 40—60 годов как людей, которые воодушевлены горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Для них было характерно отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьянства, «искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому». (В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 472.)

Эта ленинская характеристика в полной мере применима к Крейцвальду как выдающемуся эстонскому просветителю-демократу.

Ограниченность Крейцвальда состоит в том, что он не понимал необходимости уничтожения старого строя революционным путем, отставал в своих взглядах от современных ему представителей русской передовой общественной мысли, великих революционных демократов Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Во всей своей общественной деятельности Крейцвальд оставался, прежде всего, просветителем. Несмотря на это, его заслуги в развитии эстонской демократической культуры и прогрессивной общественной мысли исключительно велики.

Крейцвальд был непримиримым врагом «остзейского особого порядка», средневековых привилегий прибалтийских баронов. Он не сомневался в неизбежной гибели существующего строя, которая наступит тем скорее, чем больше «будут пытаться затыкать дыры в этой стене рыхлыми средневековыми камнями». Крейцвальд стоял на той точке зрения, что только представители, выбранные крестьянами из своей среды, могут отстаивать их права и интересы в суде и других учреждениях.

Уже в своих первых публичных выступлениях Крейцвальд смело встает на защиту интересов крестьян. Хотя в печати официально запре-

щалось что-либо писать о положении крестьян, Крейцвальд в условиях жестокой реакции 30—40 годов стремился использовать каждую возможность, чтобы возвысить голос в защиту угнетенного крестьянства. Прибалтийские бароны ненавидели Крейцвальда и даже угрожали ему высылкой.

Борясь против экономического, политического и национального гнета прибалтийских баронов, Крейцвальд резко выступал против их идеологического оплота — лютеранской церкви и крепостнической, глубоко антинародной «немецкой культуры», которую К. Маркс метко охарактеризовал в письме к Л. Кугельману: «Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян — вот что они называют немецкой культурой» (К. Маркс и Фр. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 233).

Религию, проповедываемую пасторами, Крейцвальд называл «средством духовного оболванивания народа», она, по его мнению, является «самым опасным врагом человеческого общества, который препятствует всякому естественному прогрессу». Он называл пасторов «шайкой дармоедов в черных хламидах» и доказывал, что главная их цель — держать народ в темноте. В письме к художнику И. Кэлеру он писал: «Попы и проповедники в молельнях стремятся к тому, чтобы превратить человека в скотину, чтобы эстонский народ, словно заведенная ими машина, работал только для их выгоды, создавал бы для них изобилие благ . . .»

Крейцвальд всю жизнь упорно боролся за высвобождение народа из-под влияния пасторов. Этой цели служило все его литературно-публицистическое творчество, которое должно было явиться противовесом литературной стряпне пасторов и кистеров, их попыткам внушить народу слепое преклонение перед авторитетами, приниженность, покорность существующим порядкам.

В своих выступлениях в печати Крейцвальд требует освобождения школы из-под опеки церкви, требует заменить зазубривание библейских текстов изучением естественных наук. «Если хотят ввести что-то новое, надо прежде всего просветить народ, тогда владычеству духовенства над ним скоро придет конец», — утверждал Крейцвальд и посвятил все свои силы созданию литературы, которая служила бы просвещению народа, расширяла его кругозор.

Путем статей, выходивших в приложениях к календарям и в других изданиях («Муравей» (1843—61), «Мир и кое-что из того, что в нем находится» (1848—49) и др.), Крейцвальд распространял в народе крайне необходимые крестьянину сельскохозяйственные и другие элементарные научные знания. На основе своего долголетнего врачебного опыта он написал и издал популярный медицинский справочник «Домашний врач» (1879). Крейцвальд перерабатывает применительно к эстонским условиям сатирическую народную книгу «Рейнеке-Лис» (1850), направленную

против феодалов-помещиков и духовенства. Пасторов как врагов прогресса он разоблачает также в другой переработанной им народной книге «Простаки» (1857), в которой острие сатиры направлено против всяких отсталых традиций, мешающих развитию нового.

В условиях того времени эти произведения и печатные издания Крейцвальда, широко распространяемые в народе, имели большое просветительное значение.

Понимая, что́ наиболее необходимо народу для его культурного развития, Крейцвальд боролся за единый литературный эстонский язык и новое, народное правописание, против старого, пасторского правописания, в котором отражалось влияние немецкого языка. Большая заслуга Крейцвальда состоит в том, что путем многочисленных полемических статей он сумел эту борьбу за единый язык и новое правописание сделать популярной среди широких народных масс и показать ее связь со всем антикрепостническим движением. Крейцвальд понимал, что победа нового, близкого народу правописания над старым означает разрыв формальных связей с антинародной, служившей интересам господствующих классов литературой, означает ослабление позиций этой литературы.

Сам Крейцвальд в своих произведениях и периодических изданиях начиная с 1852 года последовательно применяет новое правописание.

В числе наиболее значительных художественных произведений Крейцвальда необходимо отметить «Песни Вируского поэта» (1865) и особенно посвященную отображению крестьянской жизни обширную повесть «Михкель Пыллупапп» (1865—1873), в которой затрагиваются различные актуальные для того времени общественные проблемы. В поэме «Война» (1854), написанной в форме народного поэтического сказа, Крейцвальд повествует о доблести русских и эстонских солдат, сражавшихся во время Крымской войны.

В этой поэме, так же, как и в других своих произведениях, Крейцвальд подчеркивает положительное значение присоединения Эстонии к России, которое принесло эстонскому народу длительное мирное существование.

Крейцвальд пропагандировал изучение русского языка в эстонских школах. В приветственном письме Вирускому обществу «Калевипоэг» он указывал: «Русский язык необходим нашим детям, как хлеб насущный».

С борьбой против крепостничества связана также деятельность Крейцвальда по собиранию и публикации творений народной поэзии. Крейцвальда, как и Фельмана, следует считать инициатором систематического собирания богатств народного творчества, основоположником эстонской фольклористики.

Крейцвальд видел в народной поэзии основу и живой источник эстонской национальной литературы, мощное орудие идеологической борьбы, средство мобилизации сил народа на борьбу против пережитков крепо-

стничества, против национального гнета. При помощи народной поэзии он старался пробудить в народе уверенность в своих силах, показать, что эстонцам в их старинных преданиях и песнях «дано столько же духовных богатств, сколько и другим народам, ... и эти богатства покрывают их крестьянское житье прямо-таки чистым золотом».

Путем своей фольклористской работы Крейцвальд опровергал утверждения прибалтийских баронов и их приспешников, которые пытались доказать, будто эстонцы неспособны к развитию и созданию собственной культуры. Народное поэтическое творчество ярко свидетельствовало о богатых возможностях, заложенных в народе, и по своему художественному уровню могло равняться с творчеством любого другого народа.

Чтобы поднять в народе дух борьбы, уверенность в своих силах, показать ему его собственное героическое прошлое, обилие его духовных сокровищ, Крейцвальд приступает к осуществлению замысла, разработанного еще вместе с Фельманом: к составлению народного эпоса «Калевипоэг».

В течение десяти с лишним лет (1850—1861) Крейцвальд творчески перерабатывает записанные им народные предания, сказки и песни и соединяет их в единое художественное целое — величественную эпическую поэму. «Калевипоэг» явился высшим достижением его творчества, достойно увенчавшим труд всей его жизни.

В «Калевипоэге» воплощена идея борьбы за освобождение народа от всякого гнета и порабощения, отображены исторические судьбы эстонского народа. Немецкие псы-рыцари, помещики и церковь показаны как его злейшие враги. Калевипоэг предстает в эпосе как подлинный народный герой, в котором сочетаются лучшие черты самоотверженного труженика и отважного борца. В нем воплощено трудолюбие, мужество и упорство, стремление к просвещению, к знаниям. Ярко отражена в «Калевипоэге» исконная дружба и сотрудничество эстонского и русского народов. Эпос заканчивается вдохновенными строками, в которых звучит горячая вера в силы народа, предсказывается его освобождение и грядущие счастливые времена.

В 1862 г. вышло народное издание «Калевипоэга»; оно оказало огромное влияние на массы, пробуждая их национальное самосознание. «Калевипоэг» имел поистине неоценимое значение для развития эстонской демократической культуры — литературы, искусства, общественной мысли. Отражая в сжатой, обобщающей форме жизнь, чаяния и стремления народа, эпос будил мысль, зажигал сердца, звал к единству в борьбе против угнетателей.

Тем же целям — пробуждению и просвещению народа — служили собранные и переработанные Крейцвальдом «Старинные эстонские народные сказки».

«Сказки», как и «Калевипоэг», являются плодом долгого творческого труда. Они шлифовались и созревали в течение шестнадцати с лишним

лет. Для того чтобы их напечатать, Крейцвальду приходилось преодолевать большие трудности; они дают представление о тех препятствиях, с которыми боролся Крейцвальд, закладывая основы эстонской национальной литературы, в условиях, когда вся печать фактически находилась в распоряжении немецких помещиков и их подручных, а те старались всячески препятствовать возникновению литературы, служащей интересам народа.

«С одной стороны — неверное суждение, будто такие сказания неуместны в устах людей просвещенных, с другой стороны — пустые нападки ограниченных умов, которые считают старинные сказки греховным делом, — вот что за последнее время уничтожило их немало в нашей стране». Так Крейцвальд в предисловии к «Старинным эстонским народным сказкам» разоблачает их главных врагов: это — жеманное «высшее общество», охаивавшее все народное, это ханжествующие «братья» из религиозных общин, пасторы и кистеры, не признававшие иной литературы, кроме церковной. Врагом народной сказки была и царская цензура, наложившая запрет на многие из них.

Первой Крейцвальд напечатал сказку «Благодарный королевич»; она была опубликована в 1850 году в ученых записках Эстонского научного общества. В связи с ее печатанием у Крейцвальда возникли затруднения: цензор считал, что первоначальный заголовок ее необходимо изменить, так как, по его мнению, было недопустимо делать королевского сына героем сказки. Из этого видно, с каким тупым упорством цензура систематически преследовала все, что, на ее взгляд, могло причинить ущерб интересам правящего класса и подорвать авторитет властей.

Публикация этой сказки имела свою предисторию. Несколькими годами ранее в местном немецком журнале «Инланд» был напечатан неполный, неискусно переданный вариант этой же сказки, крайне раздосадовавший Крейцвальда. В одном из писем он указывает, что в действительности эта сказка, которую он хорошо помнит с детства, гораздо длиннее и содержательнее и что вообще эстонский народ богат красивыми сказками. «Будь у меня больше свободного времени, я бы по памяти записал многие из них», — пишет Крейцвальд.

Через несколько лет он и напечатал эту сказку, в предисловии отметив, что излагает ее именно так, как ее рассказывает народ. «Я хочу передать народные сказания такими, какими они живут в народе; поэтому я рассказываю свою сказку без всяких прекрас, в ее полном объеме и во всей ее простоте, не устраняя даже частых повторений, которые как в народных песнях, так и в сказках составляют характерную, существенную национальную черту именно эстонской народной поэзии».

Крейцвальд, разумеется, не старался записывать слышанные в народе сказки слово в слово. Каждую из них он сам пересказывал, как художник, выписывая каждую деталь, обрабатывал, отшлифовывал, пытаясь как можно ближе держаться народного склада речи.

Какую точку зрения занимал Крейцвальд в вопросах публикации произведений народного творчества, видно из тех острых критических замечаний, которые он высказал по поводу вышедшего в том же 1850 году сборника эстонских народных песен Х. Нейса.

В письме к Фельману Крейцвальд пишет: «Если бы это песенное богатство, которым располагал Нейс, взял в свои руки человек умелый, толковый и знающий дело, он бы обязательно прежде всего из многих вариантов выбрал самый красивый и д о п о л н и л б ы о д и н д р у г и м (разрядка моя. Х. Н.). Здесь же нет и следа такого рода попыток...» Сам Крейцвальд в отношении сказок, повидимому, последовательно придерживался этого принципа. Необходимо подчеркнуть, что Крейцвальд опубликовывал народные сказки не как материал для научных исследований, а как книги для чтения, для того, чтобы обогатить и украсить жизнь народа, поддержать его в жизненной борьбе, вернуть ему облеченными в законченную художественную форму самим же народом созданные поэтические творения.

Взяв на себя роль народного рассказчика, Крейцвальд выполнил ее превосходно. Его живая фантазия и глубокое знание народного творчества позволяли ему соединять различные мотивы, взятые из старинных сказок, с мотивами, заимствованными из литературных источников, и создавать иногда совершенно новые сказки. Соединяя в единое новое целое эпизоды из различных источников, Крейцвальд следовал общей тенденции развития сказочного творчества — так поступают все талантливые сказочники.

Первоначальная рукопись сборника подготовляется Крейцвальдом параллельно с составлением «Калевипоэга», в течение пятидесятых годов. Друзья уговаривают его напечатать сборник, но Крейцвальд нигде не находит возможности его издать. Только отдельные сказки ему удается опубликовать в приложениях к календарям и других изданиях.

Серьезную моральную поддержку получил Крейцвальд во время своей поездки в Петербург в 1859 году. Он был приятно удивлен, когда убедился, что в некоторых общественных кругах столицы чувствуется большой интерес к эстонскому языку и литературе. Это укрепило в нем надежду на то, что в конце концов у него явится возможность, несмотря на противодействие со стороны врагов просвещения, выпустить задуманное им народное издание «Калевипоэга», а также «Старинные эстонские народные сказки». Особенно необходимо отметить большую помощь и поддержку, которые оказал Крейцвальду член Российской Академии наук академик А. Шифнер, с которым Крейцвальд уже и ранее вел оживленную переписку.

Шифнер содействовал тому, чтобы Крейцвальду, подготовлявшему выход в свет «Калевипоэга», была Академией наук присуждена Демидовская премия; это было для Крейцвальда большой материальной и моральной помощью и обеспечило ему возможность довести дело до

конца. При посредничестве Шифнера в 1862 г. в Финляндии было выпущено народное издание «Калевипоэга». Велики также заслуги Шифнера в деле публикации «Старинных эстонских народных сказок». Шифнер посоветовал издавать сказки сначала каждую в отдельности, с тем, чтобы эти дешевые книжки шире распространялись в народе; впоследствии же можно было использовать тот же набор для печатания большого сборника сказок. Крейцвальд одобряет этот план и высылает рукопись в Таллин, где прогрессивный литератор Н. Фр. Руссов берет на себя практическое осуществление этого издания. При этом цензура налагает запрет на две сказки, входящие в сборник, — «Безголовые человечки» («Хитрый Антс») и «Забавная продажа быка», как высмеивающие пасторов.

Первый выпуск сказок вышел в Таллине в 1860 году под названием «Старинные эстонские народные сказки и песни, собранные и записанные для юношества. Часть I». Автор указан не был. В этой книжке были помещены две сказки и три народные песни.

Затем прошло несколько лет, но обещанного продолжения издания не последовало. Часть рукописи, посланной Крейцвальдом в Таллин, пропала. В 1864 и 1865 гг. Крейцвальду удается напечатать два следующих выпуска сказок в Тарту. Во всех этих трех книжках, изданных в течение шести лет, было напечатано одиннадцать сказок.

За это время Крейцвальд с помощью академика Шифнера нашел издателя для своих сказок в лице Финского литературного общества, которое решило выпустить сборник сказок Крейцвальда на эстонском языке как хрестоматию для финских студентов. Книга вышла в Хельсинки в 1866 году, причем часть тиража была распродана в Эстонии. В сборнике было сорок три сказки и восемнадцать различных местных сказаний.

Ценная помощь, которую оказали русские академики в деле публикации первых крупных произведений эстонской национальной литературы, свидетельствует о дружеском сотрудничестве русских и эстонских прогрессивных ученых и литераторов.

Второе издание сборника появилось в 1875 году, третье в 1901 г. «Старинные эстонские народные сказки» стали одной из наиболее популярных, любимых народом книг.

В связи со столетием со дня рождения Крейцвальда, в 1903 году, один из корреспондентов газеты «Уус Аэг» («Новое время») писал: «Я был еще маленьким мальчиком, когда мой отец, который был хорошо знаком с городским книготорговцем, однажды привез домой «Старинные эстонские народные сказки». Ох, милые, как же их читали! Старый дядюшка, по вечерам занимавшийся резьбой по дереву, бросал свою работу, у отца в зубах гасла трубка, материна прялка жужжала все тише и тише, пока совсем не умолкала. Но так как женщина не смеет тратить время попусту, то мать говорила: палец, мол, болит, прясть никак нельзя. Однако главное тут были сказки Крейцвальда... Скоро книжка эта стала ходить

по рукам в деревне, а потом обошла весь приход; когда она, бедняжка, к нам вернулась, то была прямо как ощипанная курица ... Короче говоря, ее зачитали до дыр. Счастливая книга!»

Сказки Крейцвальда быстро распространились в народе; они имели большое значение для сохранения народной традиции сказочного творчества. Крейцвальд правильно понял основные идеи старинных сказок, отражающееся в них стремление к лучшему, более справедливому строю жизни.

Необходимо отметить, что важную роль в формировании этой традиции сыграло плодотворное влияние русской народной поэзии. Об этом говорит прежде всего большое количество общих мотивов в эстонском и русском народном творчестве. Сюда относятся ряд преданий и сказок, связанных с Калевипоэгом, сходство образов героев русского былинного эпоса — Святогора и Микулы — с Калевипоэгом; некоторые сказки Крейцвальда схожи с соответствующими русскими сказками («Добрый дровосек», «Всесильный рак и ненасытная жена» («Наказанная жадность») и т. д.). Много общих черт есть и в отдельных мотивах и эпизодах других сказок.

Плодотворное влияние русского народного творчества особенно сказывалось в Псковской губернии, где эстонцы и русские теснее всего соприкасались. К Псковщине Крейцвальд всегда относился с интересом и находил здесь ценные материалы. В 1849 году он при поддержке Российской Академии наук совершил поездку по Псковской губернии, собирая статистические данные для большого атласа, готовившегося к изданию, и одновременно записывая народные песни и сказы. Псковщина, где и в наши дни еще живут традиции сказочного творчества, всегда славилась своими сказками, которые отличались широко разработанным сюжетом, богатством деталей, плавным изложением; познакомившись с этими сказками, Крейцвальд мог из них извлечь немало полезного для своей работы.

Эстонские народные сказки в обработке Крейцвальда также отличаются богатством и разнообразием сюжетов, образов, деталей, красочным, выразительным языком. Восприятие и отображение жизни в них глубоко народное. Крейцвальд развил и подчеркнул взгляды и суждения, присущие народу, помог в ясной художественной форме выразить народные думы и чаяния. Эту черту его творческой работы мы должны высоко ценить, так как именно таким путем писатель поднимается до уровня лучших народных рассказчиков и продолжает их дело.

Популярность сказок Крейцвальда не ограничивалась пределами Эстонии. Сказки были переведены на несколько языков и получили международную известность; их мотивами пользовались многие писатели. Так, например, выдающийся латышский писатель Янис Райнис написал свою знаменитую пьесу в стихах «Золотой конь» [1] на сюжет сказки «Как

[1] Я. Райнис. «Золотой конь». Латгосиздат. Рига, 1948. (На русском языке.)

королевна семь лет проспала» («Спящая королевна»). Райнис писал по этому поводу: «Пьесу «Золотой конь» обыкновенно считают переработкой латышской народной сказки — я ни от кого не слышал другого мнения; в действительности же мне подсказала ее фабулу эстонская сказка, которую я прочел в сборнике Крейцвальда, переведенном на немецкий язык. Это лишний раз показывает, насколько близки сказочные мотивы у всех народов и насколько близки мы с нашими соседями». Райнис творчески переработал эстонскую сказку в духе латышских и использовал ее мотивы, чтобы выразить идею своей пьесы — показать мечты латышского трудового народа и его надежды на победу над угнетателями.

Часто использовались сказки и в эстонской литературе. Крейцвальд сам при составлении «Калевипоэга» включил в него многие мотивы из сказок. Впоследствии из этого источника черпали темы многие эстонские прогрессивные писатели. Нашли свое отражение мотивы сказок и в творчестве эстонских советских писателей.

Выпуская в свет «Старинные эстонские народные сказки» и «Калевипоэга», Крейцвальд ставил себе целью заложить основы эстонской национальной литературы. «Если эти сказки когда-нибудь появятся в печати и если народное издание «Калевипоэга» будет осуществлено, — мы сможем сказать, что положено начало эстонской литературе», — писал он Шифнеру.

«Старинные эстонские народные сказки» — подлинно народная книга, для своего времени имевшая огромное общественное значение. Она учила народ ценить богатства своего поэтического творчества; выпуском ее Крейцвальд доказывал, что «это охаянное наследие предков» в действительности является «с л а в о й и к р а с о й эстонского народа». Не менее существенными были для Крейцвальда и воспитательные и просветительные цели, достигаемые этим сборником. «Если в настоящей книге мы предлагаем старинные сказки, записанные из уст народа, для чтения детям и молодежи, то делается это, во-первых, для того, чтобы наследие прежних поколений стало известно людям нашего поколения, а во-вторых, чтобы это чтение пробуждало чувство и мысль, подготовляло почву для более серьезных знаний», — с таким пожеланием посылает Крейцвальд свой сборник в народные массы.

Крейцвальд хорошо понимал, какую роль играют сказки в развитии духовной жизни ребенка. «Ребенок, который с малых лет слушает старинные сказки и учится их пересказывать другим, тем самым развивает свои умственные способности; он сумеет усвоить пояснения учителя и сохранить их в уме настолько подробно, насколько позволяют границы его памяти», — пишет Крейцвальд в предисловии к сборнику. Разумеется, круг читателей сказок не ограничивался лишь детьми. Сказка, будучи обобщением жизненного опыта трудового люда, художественным отображением его мечтаний и надежд, увлекала и взрослых, оказывала и на них свое воспитательное воздействие.

Крейцвальд не смог включить в сборник все сказки, какие ему хотелось бы в нем поместить. Чтобы уберечь книгу от нападок клерикалов и избежать затруднений с цензурой, он вынужден был пожертвовать несколькими широко распространенными в народе реалистическими бытовыми сказками, в которых острие сатиры слишком уж откровенно направлено против помещиков и пасторов. Но зато он постарался в волшебных сказках, включенных в книгу, как можно яснее подчеркнуть и углубить их социальный смысл. Это проявляется во многих отдельных деталях и авторских замечаниях, которые помогают разоблачать существующую социальную несправедливость и связывают фантастические картины сказочного мира с реальной жизнью.

Ярким примером этого служит одна из самых длинных и сложных по сюжету сказок, помещенных в настоящем сборнике, — «Благодарный королевич»; в ней наряду с элементами фантастики есть много и реалистических бытовых мотивов, начиная уже с характерной сцены найма батрака. Последующее описание подземного мира также полно таких реалистических бытовых картин и эпизодов. В скупых словах, но выразительно нарисован портрет хозяина подземной усадьбы, который требует от слуг непосильного труда и беспрекословного подчинения. Вечером он садится ужинать, но не сажает за стол ни батрака, ни девушку, они должны довольствоваться объедками. На малейшее возражение батрака хозяин отвечает криком: «Молчать, собака! Посмей только нарушить хозяйский устав!» У читателя создается такое впечатление, как будто здесь речь идет не о подземном царстве нечистого, а о помещичьей мызе или кулацком хуторе. Подчеркиваются социальные противоречия и в некоторых авторских замечаниях. Так, в начале сказки говорится, что нередко ни в чем не повинные слуги должны расплачиваться за ошибки хозяев. Герой сказки, когда хозяин предлагает ему наняться к нему на хутор, отвечает: «Родился я батраком, чужой хлеб повсюду одинаково горек, а какому хозяину служить, мне все равно».

В других сказках также отображена жизнь крестьянина. Фоном, на котором развертывается их увлекательная фабула, везде служит житье-бытье эстонского крестьянина, с его радостями и заботами, с вечным тяжким трудом на помещика или хозяина, с редкими минутами отдыха и веселья на сельских гуляньях или у качелей.

Наличие в сказках внешнего декоративного элемента, то обстоятельство, что в них появляются короли, королевичи и принцессы, сияют дворцы и золотые кареты, не меняет народной сущности сказок. Все это относится к числу традиционных сказочных изобразительных средств, помогающих в живых образах воплотить стремление народа к зажиточной и счастливой жизни.

Основная тема большинства сказок — борьба за лучшее будущее. В сказке отражены мечты народа о том, чтобы облегчить свой труд, набраться богатырской силы, сбросить цепи насилия и угнетения,

добиться свободы и счастья. Хотя сами творцы народной поэзии были бесправны и беззащитны, они не теряли веры в светлое будущее. В сказках трудящийся человек неизменно побеждает, вся народная поэзия проникнута духом оптимизма.

Героем «Старинных эстонских народных сказок» является труженик. В них противопоставлены с одной стороны — бедный бобыль, батрак, их дети, вынужденные с малых лет зарабатывать себе на хлеб у чужих людей, и с другой стороны — жадный богач, злая хозяйка, глупый пастор или жестокий помещик, который правит своими крестьянами при помощи палки и розги, тяжко их мучает и приобретает пóтом и кровью своих крепостных огромные богатства. В ходе развития сюжета алчный богач несет заслуженную кару, а бедный бобыль или его считавшийся дурачком младший сын, благодаря своему трудолюбию, храбрости и великодушию, достигает славы, почестей и богатства; часто ему помогают в этом добрые советчики или добытые им волшебные орудия — платок, котомка, рублевая монета и т. п.

В сказках самый скромный и незаметный герой, в котором трудовой народ олицетворяет самого себя, совершает чудесные подвиги и становится обладателем всех богатств и благ. В этом заключается глубокое художественное обобщение. Здесь отражена вера народа в то, что рано или поздно он добьется победы над всеми врагами и сам станет хозяином своей судьбы.

Своих ненавистных врагов трудящийся крестьянин видел не только в немецких помещиках; он замечал имущественное неравенство и в деревне. Социальный протест против эксплуататоров, происходящих из среды самих эстонцев, также нашел отображение во многих сказках.

В сказке «Чурбан и Береста» остро сатирически показан жадный хозяин, который скупится досыта кормить своих батраков и батрачек. Сатана добывает ему таких работников, которые никогда не требуют ни еды, ни питья, ни платы, трудятся без устали с утра до вечера и умножают хозяйское добро. Хозяин только должен их во время засухи класть в воду, чтобы они не завяли. Ненасытная алчность не остается безнаказанной. Когда срок договора истекает, сатана душит хозяина насмерть, а богатства, нажитые недобрым путем, оказываются призрачными и исчезают.

Часто в эстонских сказках рассказывается о сиротах и их тяжелой доле. У сироты нет никого, кто вступился бы за него, сказал ему доброе слово. Сызмальства должен он терпеть обиды и побои от хозяев, которые его беспощадно угнетают. В сказке «Сироткин жернов» злая хозяйка заставляет сироту с утра до ночи вертеть тяжелый камень. От непосильной работы у ребенка кровь выступает из-под ногтей, но «кто пожалеет сироту!» Как только девочка останавливает жернов, чтобы передохнуть, на нее сразу же обрушивается хозяйская дубинка. Выручает сироту волшебный жернов, привезенный ею из царства снов, он освобождает

девочку от изнурительного труда; а злую хозяйку огонь, вырвавшийся из сундука с жерновом, сжигает, как пучок пакли.

О тяжелой жизни сироты в хозяйском доме говорится и в сказке «Как сирота нашел свое счастье». Девятилетний сын бедного бобыля, осиротев, вынужден сам зарабатывать себе на пропитание и нанимается в пастухи к богатому хуторянину. Хозяйка каждый день награждает его побоями, «которых с избытком хватило бы на троих», а хлеба никогда не дает поесть досыта. За пропажу коровы хозяйка жестоко избивает пастушка; она бы, наверно, убила его, если бы муж не подсказал ей мысль послать мальчика искать пропавшую корову.

Унижения и страдания, которые терпит труженик по вине безжалостных угнетателей, не могут убить в нем чувство человеческого достоинства. В сказке «Как королевич вырос в пастушках» («Королевич-пастушонок») пастух, олицетворяющий трудовой народ, не позволяет отнять у него то, что принадлежит ему по праву, не позволяет связать себя или заковать в цепи. Если хозяйка незаслуженно обижает его злым словом, он отвечает десятью, если она хочет поднять на него руку, он хватает камень или дубинку. Голодом хозяйка тоже не может усмирить пастушка: он самовольно берет себе хлеб, а на пастбище доит коров. За бесчеловечное обращение с людьми хозяйка получает по заслугам: голодные волки, загнанные в хлев вместо скота, пожирают ее. От нее остается только язык да сердце — «они и для хищных зверей оказались слишком ядовитыми».

Не всегда элементы протеста против социальной несправедливости проступают в пестрой ткани фантастического сюжета так непосредственно, как в названной выше сказке. Иногда протест этот бывает скрыт глубже, замаскирован. Но, несмотря на это, содержание остается то же. Так, например, в сказке «Златопряхи», одной из самых популярных сказок Крейцвальда, история о трех девушках, работающих у злой старухи, дает живописную, эффектную, чисто-сказочную картину; но лесная избушка, в которой прядут золотой лен и варят волшебные травы, напоминает читателю помещичью прядильню, где у прялок склонились «души», усталые и жаждущие освобождения от рабства.

Стремление избавиться от рабства или от злых колдовских чар — мотив, общий для многих сказок; в нем звучит всегда жившая в народных массах любовь к свободе.

В сборнике Крейцвальда нашли также свое отражение элементы сатиры, направленной против пасторов и церкви, часто встречающиеся в народной поэзии. Пасторы, державшие народ в духовной темноте и проповедовавшие покорность власть имущим, сами были феодалами и жестоко эксплуатировали своих крестьян. Эстонское народное творчество богато сказками и шутками, в которых высмеивается жадность, глупость, лицемерие и распущенность пасторов. Эти сказки были, несомненно, хорошо известны и Крейцвальду, который всю жизнь

ненавидел «долгополых бездельников», как он называл служителей церкви. В сказке «Безголовые человечки» («Хитрый Антс») выведен скупой и глупый пастор. Это типичный эксплуататор-захребетник. С раннего утра он следит, как работают его батраки. Во время обеда и ужина он сидит в людской, надеясь, что в его присутствии слуги будут стесняться есть; он заставляет их пить побольше воды, чтобы для еды осталось меньше места. В конце концов смышленый батрак превосходит его в хитрости и остается в выигрыше. Крейцвальд смог включить в свои сказки только отдельные эпизоды такого рода, да и то в очень сдержанных тонах. «Если бы я захотел рассказать все те истории, которые эстонский народ сочинил про своих пастырей духовных, у тебя, наверное, слезы навернулись бы на глаза, ибо когда эти долгополые появляются в роли героев сказок, им изрядно достается», — писал Крейцвальд Шульц-Бертраму.

Но несмотря на то, что Крейцвальд не мог непосредственно выступать против пасторов, выход в свет его сборника сказок, даже таким, каков он был, явился сильным ударом по служителям церкви и их попыткам держать народ в невежестве и оковах религии.

Огромную роль играет в сказках творческая мечта народа, фантазия, при помощи которой человек стремится заглянуть далеко вперед в будущее. На первом всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году М. Горький говорил: «Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фаэтоне, Дедале и сыне его — Икаре, а также сказка о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах», освоили лошадь; желание плавать по реке быстрее ее течения привело к изобретению весла и паруса; стремление убивать врага и зверя издали послужило мотивом изобретения пращи, лука, стрел. Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище, даже «дворец», т. е. жилище, укрепленное против врага, — создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный ручной станок для тканья и создали сказку о «Василисе премудрой».[1]

Люди мечтали о возможности быстрее передвигаться с места на место, во много раз увеличить свою физическую силу, видеть на большие расстояния. Эта мечта нашла свое воплощение в Быстроногом, Ловкоруком и Зоркоглазом. Каждый из этих сказочных героев готов применить свой необычайный природный дар для любой работы, полезной людям; только воевать и проливать кровь Ловкорукий отказывается, как его король ни упрашивает.

В сказке «Легконогая принцесса» также появляется ряд героев, одаренных необычайными свойствами: «Один из них обладает такими зоркими глазами, что видит далеко в небе самую мелкую мошкару,

[1] М. Горький. О литературе. Москва, 1937, стр. 445.

второй слышит шорох мыши на глубине ста саженей, третий может унести на спине все золото и серебро королевской казны, а четвертый — развеять в прах целое войско».

Под покровом сказочной фантастики нетрудно разглядеть подлинное извечное стремление людей облегчить свой труд, добиться лучшей жизни. В сказках сирота мечтает о жернове, который сам молол бы зерно, люди поднимаются в воздух на летающем корыте, батраки, жаждущие избавиться от вечной голодовки, получают либо волшебную коробочку, которая вместо салаки дает утром масло, а в полдень свиное мясо и никогда не бывает пуста, либо котомку, которая по желанию хозяина превращается в стол с кушаниями, либо неразменный рубль, который можно тратить, а потом снова находить у себя в кармане. Часто герои сказок добывают спрятанные сокровища. Все эти фантастические мотивы в сказках порождались тяжелой, беспросветной жизнью народа. Так же, как мучительный голод вызывал представления о чудесных кушаньях, так вечная нужда и лишения порождали в воображении картины несметных скрытых богатств.

Героям сказок свойственно постоянное стремление к знаниям, к мудрости, они хотят глубоко познать тайны жизни, постигнуть язык птиц и животных, даже научиться читать мысли людей, подчинить своей воле силы природы. В далеком прошлом творцы народных сказок в своих представлениях о всевозможных волшебных орудиях и предметах воплотили многие еще в те времена неосуществимые мечты, в осуществление которых народ однако твердо верил и которые в наше время действительно сбылись. «Летающее корыто» из сказки «Мудрый советчик» стало реальностью — люди изобрели самолет; мечта о чудесном жернове осуществилась с созданием паровой мельницы и т. д. Все это показывает, какие неисчерпаемые творческие силы заложены в народе, как далеко умел заглядывать в будущее человек-труженик и созидатель, как его мысль, воплощенная в сказочных образах, умела предугадать покорение сил природы, осуществленное последующими поколениями. На это и указывал М. Горький в своем выступлении на первом всесоюзном съезде советских писателей.

Существенной чертой сказок является их морально-воспитательная направленность. Читатель находит в них много мудрых мыслей, этическую оценку различных явлений жизни, данную путем увлекательных сказочных картин и образов. Здесь высоко оцениваются положительные человеческие качества — трудолюбие, настойчивость, решительность, предприимчивость, смелость, честность, щедрость, любовь к свободе. Носитель этих качеств, сказочный герой, борется против злых, темных сил, помогает слабым, своими подвигами приносит людям пользу и сам достигает славы и счастья. Злоба, жадность, лицемерие, зависть, жажда власти здесь всегда караются. Алчный зять, который не довольствуется приданым невесты и затевает козни против ее родителей, ока-

зывается прикованным к золотой горе, «чтобы его жадные глаза всегда видели золото, но руки не могли ухватить ни единой пылинки». Семьсот лет должен клеветник терпеть эти мучения, пока смерти не будет позволено унести его. Волшебные предметы, которые помогают беднякy, человеку подневольному, побороть все препятствия и добиться счастья, — жадному богачу приносят гибель. В сказках показано, как богатство порождает алчность, скупость, высокомерие, несправедливость, превращает человека в убийцу, грабителя. Только на излюбленного героя сказок богатство не оказывает такого гибельного влияния. Он и разбогатев сохраняет свою доброту и отзывчивость, не забывает родных, добровольно отказывается от лишних богатств и раздает их беднякам («Храбрый гуменщик»). В сказках отражен самобытный педагогический талант народа. Мораль здесь органически вытекает из поступков и поведения героя, из самого хода событий и поэтому становится особенно убедительной.

В сборнике Крейцвальда тщательно разработанному, увлекательному сюжету всегда соответствует и динамичное, изобилующее диалогами изложение. Крейцвальд строго учитывал поэтические особенности народных сказок. Он стремился сохранить их простоту и ясность, традиционные повторы, стихотворные и песенные вставки. Язык сказок — подлинно народный язык, богатый и образный. Крейцвальд талантливо использовал точную и меткую народную речь, поговорки и пословицы.

М. Горький, советуя молодым начинающим писателям знакомиться с народными сказками, подчеркивал, что они «помогли бы очень сильно развить фантазию писателя, заставить его оценить значение выдумки для искусства, а главное — обогатить его скудный язык, его бедный лексикон».[1] В этом отношении заслуживают внимания и сказки, собранные и обработанные Крейцвальдом.

Буржуазное литературоведение всячески пыталось принизить значение творчества Крейцвальда, в том числе и его замечательного сборника сказок. Только в Советской Эстонии, где созданы широкие возможности для развития культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме, где высоко ценится народное поэтическое творчество, «Старинные эстонские народные сказки» Крейцвальда заняли принадлежащее им по праву почетное место в культурном наследии прошлого.

Хельдур Нийт.

---

[1] М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. Москва, 1941, стр. 337.

СОДЕРЖАНИЕ

Златопряхи. *Перевод Е. Каск* 3
Сказка о Быстроногом, Ловкоруком и Зоркоглазом. *Перевод Е. Каск* 17
Сироткин жернов. *Перевод Е. Каск* 34
Двенадцать сестер. *Перевод Е. Каск* 38
Как сирота нашел свое счастье. *Перевод Е. Каск* . . . 45
Легконогая принцесса. *Перевод Е. Каск* 52
Чурбан и Береста. *Перевод Е. Каск* 67
Лопи и Лапи. *Перевод Е. Каск* 71
Хитроумный. *Перевод Е. Каск* 74
Ссора гномов. *Перевод Е. Каск* 86
Хитрый Антс. *Перевод Н. Крамер* 90
Золушка. *Перевод Е. Каск* 98
Спящая королевна. *Перевод В. Раммо* 106
Мудрый советчик. *Перевод В. Раммо* 116
Благодарный королевич. *Перевод В. Раммо* 130
В подземном царстве. *Перевод В. Раммо* 151
Наказанная жадность. *Перевод В. Раммо* 158
Северный дракон. *Перевод В. Раммо* 167
Найденыш. *Перевод В. Раммо* 181
Волшебное яичко. *Перевод В. Раммо* 189
Земляничка. *Перевод Е. Каск* 196
Неразменный рубль. *Перевод В. Раммо* 206
Храбрый гуменщик. *Перевод В. Раммо* 219
Королевич-пастушонок. *Перевод В. Раммо* 228
Тийду-музыкант. *Перевод В. Раммо.* 241
Мачеха. *Перевод В. Раммо* 256
Заколдованное ружье. *Перевод В. Раммо* 262
Громовая волынка. *Перевод Н. Крамер* 270
Добрый дровосек. *Перевод В. Раммо* 276
Послесловие. *Перевод М. Кулишовой* 283

Стихи в тексте перевел Вал. Рушкис.

ДЛЯ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор М. Кулишова.

Художественный редактор
Х. Витсур.

Технический редактор
О. Каземетс.

Корректоры
А. Тихане
и Н. Круглова.

Сдано в набор 29 I 1953. Подписано к печати 17 III 1953. Тираж 20 000. Формат бумаги 70:92, 1/16. Печатных листов 19+10 вклеек. По формату 60:92 печатных листов 22,96. Учетно-издательских листов 17,49.
МВ-03419. Типография «Юхисэлу», Таллин, улица Пикк, 40/42. Заказ № 370.

Цена 7 руб. 40 коп.

7—9

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
29	9 снизу	Кто хочет получит	Кто хочет получить
146	3 снизу	рыбку, плавающему в ее волнах	рыбку, плавающую в ее волнах
277	2 снизу	присел на кочку и задумался,	присел на кочку и задумался.

7 р. 40 к.

XXII
1A-4650

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00191238 7